

Александр Шепель

МАСТЕР ПРОКУРОРСКОГО СЫСКА

Роман

Книга I

литература
M
2015

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус) 6.44
Ш 48

Ш 48

Шепель А.Д. Мастер прокурорского сыска: роман. Книга первая. – Рязань: «Литера М», 2015. – 368 с.

Систематический прогульщик школьных занятий, любитель воровать арбузы и проникать в колхозный сад, нередко дерущийся с сельскими ребятами, за что частенько испытывал хождение отцовского ремня, вдруг резко изменился. Ему нестерпимо захотелось учиться, закончить юридический и стать следователем... И он им стал. Встретил любимую девушку, что стала его супругой.

В жизни и на следственно-прокурорской работе не раз испытывал удары судьбы и выходил победителем. О нём говорили: ...Отмечен Богом. Коллеги по работе подмечали, что он удивительным образом очерчивает необходимый круг вопросов и логическую схему в расследовании уголовных дел, его предположения давали почву к расследованию запутанных моментов преступлений.

ISBN 978-5-906008-34-3

© Шепель А., 2015
© «Литера М», обложка, 2015

I. Чёрная полоса

С момента зачатия и до самой смерти человек постоянно находится в капкане судьбы. Вырваться из него невозможно, а ощутить послабление допустимо, но только по её милосердию, если судьба будет благо-склонна к тебе.

Это испытал на себе и Борис Каневский. Чёрная полоса невезения началась у него сызмальства. Из угла, куда его определял отец за разные просчёты в поведении, он не выходил. Так и рос, а когда заднее место, что ниже пояса, более-менее окрепло, то его возлюбил отцовский ремень. Воровство арбузов в соседнем огороде, проникновение в колхозный сад, естественно не за тем, чтобы поздороваться с бдительным сторожем, попытки научиться курить, частые боестолкновения с сельскими ребятами, оставление на пастбище без присмотра кормилицы – козы, систематические увливания от школьных занятий, низкую успеваемость и прочее, отражалось на этом месте тёмно-синими полосами. Он настолько привык к болевым ощущениям, что после каждой существенной провинности самостоятельно шёл в ненавистный угол, снимал брюки и добровольно подставлял отцу припухший от вчерашнего хождения ремня зад. Ежедневные беседы и убеждения на него не действовали и вызывали противоречивые восприятия.

С очевидной хромотой в знаниях Борис закончил восьмилетку, и тут вдруг в его сознании произошли непредсказуемые перемены, – ему нестерпимо захотелось учиться, закончить десятилетку и поступить в институт и ни в какой-нибудь, а юридический или же в крайнем случае в школу милиции. Однако отец, вспомнив с болью его восьмилетний процесс учёбы, категорически сказал твердое – «нет», заявив:

– Поступай в ПТУ, получай профессию и иди, работай. Возможно, труд образумит тебя.

Не видя другого выхода, Борис поступил в ПТУ и стал осваивать профессию каменщика, но спустя месяц оказался на учёте участкового уполномоченного милиции. Этому послужили три драки с такими же как сам подростками.

На профилактической беседе, проводимой участковым, он молча выслушивал наставления с вескими доводами, а сам думал: «Будут обижать девчонок и слабых ребят... ещё получают». Участковый, майор милиции, немислимо располневший, но справедливый Пётр Алексеевич Кульнёв, после часового нравоучения вдруг замолчал, глянул в лицо юного правонарушителя, глубоко вздохнул и проронил:

– Устал... устал я.

– Идите домой и отдохните, – изрёк Борис, глядя на облезлый плинтус.

– Нет. Я не физически устал, а от того, что целый битый час пытаюсь донести до твоего сознания пагубность твоих действий... и что они могут в дальнейшем привести тебя на скамью подсудимых, а ты, судя по выражению лица, не слушаешь того, что майор милиции пытается тебе донести, вдолбить, и думаешь о своём...

– Не о своём, – оборвал его Борис.

– Ну, а о чём же?

– О том, что если те подонки будут обижать девчонок и слабых ребят, то ещё получают.

Участковый поднял на свой широкий лоб брежневские густые брови, с минуту смотрел на профилактируемого, а потом произнёс:

– Как? Ты хочешь сказать, что учинил драку, защищая других? Я правильно понял?

– Не я учинял, а они... А остальное так и было. Можете спросить у Лидки Царенко, Люськи Мосиной, Пети Котова, Коли Игнатенко и Миши Гущина.

– И что... все три раза так было?

– Именно так.

– Так где твой язык был ещё при первой беседе? Почему молчал? Я бы тогда свою работу повел в другом направлении. Придя к выводу, что не тебя, а тех надо профилактить, я бы не терял в пустую своё драгоценное время, а взял под контроль потерпевшую от твоих действий сторону.

– А кто вам не давал? Я думал, вы произведёте опрос всех участников происшествия, а вы ограничились лишь беседой с этими подонками.

«Ишь какой ершистый! Палец в рот не сунь... откусит сразу. Ну, я тоже хорош. Окунулся в пояснения четырёх подростков и взял их за основу. Ну и этот рот не открыл, а молчал, как партизан», – размышлял участковый, глядя на Бориса.

– Не тебе меня учить, – возмутился вдруг он. – Не надо было язык за зубами держать... Те охотливо наперебой рассказывают, а ты как воды в рот набрал, – и немного помолчав, уже по-доброму продолжил. – Ну

ладно. Разберусь. У меня есть предложение... Вот какое. Что, если ты подберешь хороших ребят, и мы создадим при опорном пункте своего рода бригаду содействия милиции? Комбригом ты, конечно, будешь.

– И что мы делать будем? В чём будет заключаться наша задача?

– В контроле за действиями подростков на улице. Речь идёт об их поведении... Пресечение употребления алкоголя, наркотических веществ, борьба с кражами, грабежами, разного рода хулиганствами и так далее. А?

– Надо подумать?

Думал недолго. Спустя два дня он привёл в опорный пункт восемь таких как сам, и они, получив инструктаж, стали дежурить по улицам и во дворах жилых высотных домов. На рукаве у каждого была красная повязка с тремя буквами «БСМ».

– Как расшифровывается аббревиатура на ваших повязках, ребята? – как-то спросила женщина на детской площадке.

– «Бригада содействия милиции», – гордо ответил Борис, поправляя повязку.

Дежурства осуществлялись только в пределах границ, обслуживаемых опорным пунктом участкового майора Кульнёва. В ходе таких дежурств не обошлось и без чрезвычайных происшествий. Однажды группа более старших подростков напала на дежурных и избивала, отобрала повязки. Задетый за живое участковый трое суток не спал, но нашёл обидчиков, и они были наказаны.

Спустя месяц после этого Борис был ранен, – на его замечание не портить ножом стенки автобусной остановки хулиган нанёс удар в область левого плеча.

Благо ранение оказалось лёгкое, и рана быстро зажила. Кульнёв вновь нашёл хулигана, и тот ответил по закону.

Узнав о новшествах Кульнёва, начальник милиции потребовал объяснение от него по поводу создания «БСМ» из числа несовершеннолетних.

– Это название 1954-х годов. Оно давно устарело. К тому же не отвечает правилам и закону, а стоит вопреки им, – распекал он участкового.

– Не согласен, товарищ полковник. Название не мешает, скорее требует развития. Ребята с охотой... с явным желанием дежурят, и есть результат.

– В таком случае сам ходи с ними. Они ещё дети. Не дай Бог, что случится... спросят сначала с меня, а потом с тебя.

Прошёл год. Борис, не пропуская учёбу, ходил на дежурства, а ещё успевал посещать занятия в 9-м классе вечерней школы. Такая нагрузка для подростка многим показалась не под силу. Да и отец, узнав, был крайне удивлён настырности к учёбе сына. Ещё на первых порах Борис хотел было бросить учёбу в 9-ом классе, но потом втянулся и считал, что так и должно быть.

Закончив учёбу в ПТУ, он был распределён на работу каменщиком в строительно-монтажное управление города Лутугино Луганской области и одновременно продолжал учёбу в 10-м классе вечерней школы. Чёрная полоса не отпускала его, череда неприятных событий преследовала... То он, заканчивая кладку кирпича на карнизе здания, оступился и полетел в лестничный проём, благо комбинезоном зацепился за торчавшую доску на 3-м этаже, и это его спасло, то кусок кирпича, задетый ногой подносчика,

полетел с четвёртого этажа и угодил в плечо Бориса, отчего тот неделю находился на больничном. Подобных козней судьбы тянулась целая вереница.

– Ангел-хранитель его спасает, – говорила мать.

Наступило время призыва на действительную военную службу. По разнарядке, три сотни призывников товарным эшеленом с дополнением четырёх пассажирских вагонов отправлялись в шестимесячную сержантскую школу Забайкальского военного округа. Лето было жарким, и многие призывники, несмотря на запрет, обосновались на крыше вагонов. Среди них оказался и Борис. Не успели проехать несколько сотен метров, как он, споткнувшись, упал на ходу поезда между вагонами, но на лету успел схватиться за боковую скобу вагона и повис. Сам он не мог себе помочь, но товарищами по службе был спасён. О своём невезении Борис рассказал соседу по вагонной полке Павлу, и тот посоветовал:

– Тебе, Борис, надо обязательно в церковь пойти... причаститься и побывать на беседе у священнослужителя, излив ему всё наболевшее и попросить помощи.

– Как я пойду, я же комсомолец?

– Комсомолец ты внешне, а внутренне раб Божий. Да и докладывать партии о том, где ты был, обязательно. Уверен, что многие как партийные, так и комсомольские вожаки носят крестики на шее и тайно иногда посещают церковные храмы.

«А что, надо воспользоваться этим советом», – подумал Борис, но развивать эту тему разговора не стал и перевёл рельсы в другом направлении.

Сразу после прибытия в воинскую часть, расположенную в густой тайге, судьба напомнила о своей вла-

сти над ним. Старший сержант Зуев стал нагло отбирать у призывника Яценко его личные вещи, а Борис заступился:

– И тебе не стыдно? Дослужился до старшего сержанта, а мародёрствуешь!

– Закрой пасть... не то зубы потеряешь, – грубо огрызнулся Зуев.

– Побереги свои. На гражданке они тебе пригодятся, – отпарировал Борис.

– Как разговариваешь? Почему тыкаешь? Смирно! – заорал старший сержант.

Борис с ухмылкой посмотрел на него, покачал головой, удивляясь поведению Зуева, и спокойно, но грубо ответил:

– А не пошёл бы ты... в лес по ягоды... Сам тыкаешь, грубишь, дерзко грабишь призывника и считаешь себя правым?! – помолчав несколько секунд, он добавил с угрозой: – Попробуй хоть что-нибудь у него отобрать... я не посмотрю на твои погоны... А твои команды мне до лампочки... Я ещё не солдат. Так что... не ори, а то лёгкие простудишь.

Рассвирепев, Зуев не знал, что сказать. Стиснув зубы так, что изо рта показалась слюна, он бросил к ногам Яценко его новые кирзовые сапоги и лёгкую ветровку, которые собирался присвоить, а потом, уходя, зло бросил взгляд на Бориса и сквозь зубы процедил:

– погоди, падла... ты попадёшь ко мне в роту... Пожалеешь, что на свет родился. Не сержантом демобилизуешься, а калеккой.

Громкий смех призывников раздался ему вслед, а Зуев уходил ни с чем, втянув голову в плечи.

Но радость и победное настроение Бориса прошли через два часа после общей помывки в бане. Зуев из шкуры вылез, а добился того, чтобы рядовой Каневский оказался в роте, где он состоял одним из младших командиров. Первые дни он, казалось, не замечал Бориса. Однако спустя две недели рядовой ощутил на себе неограниченную власть старшего сержанта. А началось всё с того, что «деды», ожидавшие демобилизации, устроили ему ночную экзекуцию. Во время отбоя они подошли к двухъярусной койке с двух сторон и, пользуясь тем, что Борис спал на верхней, накинули одеяло на его голову и натянули края с обеих сторон, а потом наносили удары кто снятым сапогом, взяв его за голенище, кто ремнём, да так, чтобы пряжка служила основным ударным предметом, а кто и кулаками. На крик Бориса проснулась рота. Однако никто не мог понять сути происходящего, так как в казарме был выключен свет, а дневальному с угрозой приказали на короткое время отлучиться в отхожее место. На что тот впоследствии и должен был ссылаться.

Пяти минут хватило... Борис лежал чуть живой с синяками и окровавленный. А избивавшие, пользуясь темнотой, после исполнения «темной» в поднявшейся суматохе скрылись. Досталось немного и Ивану Котову, который спал на нижней койке, он попытался было помешать избиванию, но, получив ряд тумаков, затих. А дальше само собой. Вернулся дневальный, включил свет и с паническим лицом влетел в казарму. После его доклада явился дежурный офицер воинской части, который, увидев в каком состоянии находится рядовой Каневский, вызвал врача. Бориса сразу же

после осмотра отправили в лазарет. Началась проверка факта избивания. Зуев категорически отрицал свою причастность, дневальный, боясь мести, сказал только то, что ему было велено, а остальные оказались в числе неизвестных.

Спустя пять дней Борис с синими гематомами на теле вернулся в строй, но командир взвода старший лейтенант Лукин, видя его состояние, освободил от всех видов нарядов и занятий, связанных с физической нагрузкой. Борис же с первого дня возвращения из лазарета ощутил пристальное внимание к себе со стороны Зуева и его пособников. Каждое утро при общем подъёме он обнаруживал воду в своих сапогах. Стараясь не оставаться в долгу, он несколько раз по лёгкому оправился в сапоги Зуева, отчего тот был взбешён. Однако из-за своего внеустановного поведения он нажил немало врагов в составе, как солдат, так и сержантов роты, и поэтому, имея ввиду на первом плане Каневского, подозревал и других. Началась незримая внутриротная война, которую офицерский состав не замечал. Зуев же, страдая передозировкой подлости, продолжал изливать свою злость на Каневского. Все выходные и праздничные дни по его распределению тот находился в наряде на кухне или по уборке территории, а когда принял присягу, то и в карауле по охране воинских объектов. Помимо этого, все фигуры при строевой подготовке, выполняемые Борисом, Зуев браковал и гонял его до пота.

– Не тянешь ногу, повороты неправильные... проявляешь сутулость тогда, как надо держать грудь вперёд... отмашка руки назад слабая, – кричал он сплошные замечания.

При прыжках через спортивного «коня» Зуев ставлял Каневского возвращаться на исходную позицию и прыгать вновь и вновь по десятку раз. Тогда как всё это он проделывал с оценкой на «отлично». Однако Зуев делал всё, чтобы доказать никчёмность будущего сержанта. При пробежке роты с полной выкладкой на длинную дистанцию замечание делал только Каневскому и в наказание добавлял бега всей роте на километр, а порой и на два, надеясь противопоставить его остальным солдатам. Но все они понимали стремление Зуева и тепло относились к Каневскому. В одной из таких пробежек Зуев завёл роту в огромную лужу и дал команду «Воздушная тревога». Солдаты стояли в луже, раздумывая. Тогда он закричал:

– Ложись!

И вся рота легла в грязь. Своё действие он произвёл после того, как приказал роте идти строевым шагом, а Каневскому – запевать, хотя штатным запевалой был Сергачёв. Каневский отказался, сославшись на отсутствие голоса. Не выдержав издевательства, из лужи поднялся солдат геркулесовского телосложения – Вася Тушин и, подойдя к Зуеву, присевшему на бугорке и хохочущему над утопающей в грязи ротой, схватил его в охапку и бросил в лужу.

– Ты посягнул на командира, а это трибунал! – начал угрожать старший сержант.

Тогда Вася подошёл к нему и дал пинка, а потом заявил:

– Пошёл вон. Мы без тебя вернёмся в часть, а ты беги и докладывай. Мы же о твоих издевательствах над нами всеми и особенно над Каневским сообщим военному прокурору.

Зуев бегом побежал в часть, а рота возвращалась под командованием сержанта Диденко. Когда же она проходила мимо штаба, вышли все офицеры.

– Это что за гестаповцы в чёрном? – с удивлением высказался начальник штаба.

Командир роты еле узнал свою роту. Всех направили в баню, одежду в стирку, а потом началась служебная проверка. Зуев был отстранён от занимаемой должности и через полтора месяца демобилизован в звании сержанта. Каневский легко вздохнул. Учебное подразделение он закончил с отличием, за что был поощрён отпуском с выездом на родину сроком на 10 дней.

Но злой рок продолжал его преследовать. В пути к родному дому вагон, в котором ехал Борис, сошёл с рельс и опрокинулся набок. Пострадавших пассажиров оказалось более двадцати, в том числе и он. После оказания медицинской помощи пришлось продолжить путь с палочкой. Ушиб внутренней лодыжки левой ноги при каждом движении давал о себе знать нестерпимой болью.

Находясь дома, мама Бориса, Анна Ивановна настояла пойти сделать рентгеновский снимок. Оказалась трещина центральной части лодыжки. Борису пришлось пролежать почти весь отпуск под щедрыми ветками поспевающей яблони. К концу отпуска ему стало полегче, и он решил всё-таки пойти в церковь, как ему советовал Павел.

Отца Владимира Борис увидел во дворе храма и тут же обратился к нему:

– Святой отец, я могу с вами поговорить?

Тот окинул его спокойным и добрым взглядом, на лице промелькнула улыбка:

– Во-первых, здравствуйте, а во вторых... я не святой отец, а священник... служитель церкви. Вы хотели исповедаться?

– Я не знаю, как это по церковному называется, но может и так... Дело в том...

– Минуточку, – прервал его священник... – Вы крещённый?

– Да. Моей мамы родная сестра является моей крёстной.

– Тогда идём в храм.

В храме Борис поведал священнику о сопровождающих его с детства кознях судьбы, а тот, не перебив ни единого разу, внимательно выслушал, прочитал над ним молитву, а в конце сказал:

– Посещай, сын мой, храм Божий чаще, молись Господу нашему, а сейчас подойди к иконе Матери Божией... постой немного, подумай о грехах своих, попроси милости Божией и трижды перекрестись. Не забывай это делать почаще, особенно вечером и утром.

Поблагодарив священника, он подошёл к иконе, зажёл свечу и замер. Перед глазами пробежала вся его жизнь. Он ощутил в теле неизвестную до селе возвышенность, да такую, что мурашки забегали по его спине и затылку.

– Заступись за меня, Матерь Божия, – прошептал он. – Могу я надеяться на твою опеку?

Подняв глаза и глянув в лик Божией Матери, ему показалось, что она в ответ ему опустила и подняла веки. С дрожью в теле Борис вышел из храма и мысленно дал себе слово, что отныне всегда будет посещать это святое место. С этого дня он как на свет родился, стал совсем другим. Чёрная полоса его прежней жизни осталась лишь в воспоминаниях.

II. Счастливая шпаргалка

Предсказаниям Зуева в отношении Каневского не суждено было сбыться. Демобилизовался он не калеккой, а крепким, натренированным и жизнерадостным, и не в звании сержанта, а старшины, к тому же с медалью «Защитнику свободной России» на груди. Этому способствовали успешное окончание учебного подразделения, отличная воинская служба и выполнение особого государственного задания.

Ещё во время службы он подал документы для поступления в юридический вуз и теперь по вызову прибыл в Москву сдать вступительные экзамены. Поступал Борис по льготным условиям и поэтому знал, что для поступления ему необходимо было всего-то не получить «неуд», и тогда будет зачислен вне всяких конкурсов.

И вот он сидит в экзаменационной аудитории в третьем ряду, рядом белокурая девушка. Все в ожидании объявления тем для сочинения.

– Я, Валентина... можно просто Валя, – непринужденно и добродушно представилась милая соседка, сделав завлекающие глаза, сверкнувшие голубизной.

– Борис, – коротко ответил он и, не выдержав нахального взгляда, отвёл глаза.

– Борь, давай сразу на «ты». Нам вместе ещё пять лет учиться. Так будет проще, – предложила она.

– Не возражаю... Но нам ещё надо поступить, а уж потом думать об учёбе.

– Держись меня, – и она, понизив голос, продолжила, – у меня на разные темы есть сочинения... с оценкой «отлично». Из моего листа перекатывай на свой... и мы получим по пятёрке. Главное этот экзамен, а на остальных прорвёмся.

В это время один из членов комиссии громко попросил всех сосредоточить внимание и на доске мелом написал темы сочинений. Валя тут же достала из своего тайника, расположенного под подолом платья, нужное сочинение и, положив себе на колени, стала писать. Борис несколько раз заглянул в её листок, а потом подумал: – «Это я всё время буду крадучись списывать? А потом сличат наши сочинения и обнаружат их близнецами! Нет. Так нельзя. Это шанс оказаться за воротами вуза», – и начал писать, выбрав свободную тему. Однако появившаяся непонятная дрожь в теле мешала ему. Тогда он положил авторучку, откинулся на стуле и закрыл глаза.

– Ты чего, Борь? – прошептала Валя. – Списывай у меня, – и посмотрела на него пронзительно-ласковым взглядом.

– Дай сосредоточиться, – ответил тот, не открывая глаз.

– Да ты чего...

– Всё. Успокоюсь и начну... Отстань.

Последнее его слово для Валентины показалось грубым, и это в какой-то степени задело её за живое. Поджав зло губы, она продолжала воровать текст со шпаргалки, то и дело опуская взор вниз, на свои колени.

Тем временем Борис успокоился, быстро обрёл уверенность и стал писать, сосредоточив все свои способности. Написал первую страницу и уже начал вторую, от выстроенной череды мыслей возникло ощущение, что взял быка за рога... Как вдруг случилось непредвиденное. Один из членов комиссии, заметив подозрительное поведение Валентины, тут же быстро направился к ней. Она, увидев это, молниеносно и незаметно переложила шпаргалку на колено Бориса, а сама, чуть отвернувшись от него, уткнулась в свой лист.

Подойдя к их столу, член комиссии окинул взглядом всё, что лежало на столе, потом, заглянув под него, взял с колена Бориса шпаргалку, затем забрал его недописанное сочинение и строго потребовал:

– Прошу следовать за мной, молодой человек.

Не понимая происходящего, тот поднялся и, увидев в руках экзаменатора шпаргалку Валентины, глянул на неё. Она молча опустила глаза и нагнула голову, продолжая якобы писать. Борис в недоумении последовал за членом комиссии. Выйдя из аудитории, они направились по широкому коридору и зашли в кабинет председателя комиссии.

– На коленях абитуриента Каневского обнаружена шпаргалка... Списывал, – доложил член комиссии.

Председатель приёмной комиссии, ничего не говоря и даже не взглянув ни на Бориса, ни на его сочинение, вынул из папки его документы и бросил на стол:

– Забирайте и уходите, – проронил он строго и уткнул взгляд в бумаги.

Член комиссии повернулся и ушёл, бросив через плечо:

– Докладную я напишу.

Остолбеневший Борис стоял и вопросительно смотрел в лысину председателя, в растерянности не зная, что сказать...

Председатель поднял голову и, устремив строгий взгляд на него, спросил:

– Чего стоим? Всё... на выход.

Сам тут же поднялся и, показывая рукой Борису на дверь, взяв его сочинение и шпаргалку, пошёл к выходу.

– Но позвольте...

– Не позволю. На следующий раз будете умнее. Нам такие студенты не нужны, – оборвал он его и вышел в коридор, при открытой двери, дождавшись выхода Бориса, закрыл на ключ и направился по коридору в сторону кабинета ректора.

– Вы, может, меня выслушаете? – спросил требовательно Борис, идя за ним.

– Мне некогда слушать ваш бред, – ответил председатель, не оборачиваясь и ускоряя шаг.

Борис понял, что бессмысленно торопиться за ним, медленно подошёл к окну и, глядя со второго этажа на группу переживающих за пишущих сочинение, подумал: «Что же делать? Обжаловать? Так через полчаса экзамен закончится... и кто мне будет устраивать дополнительный?! Но как же подло поступила Валентина». С этими мыслями он вышел во двор вуза к ожидающим абитуриентов.

– Вы уже написали? Ну как там? – спросила его женщина лет сорока.

Борис посмотрел на неё и ничего не ответил. В груди вдруг всё перевернулось. Чувство обиды выступило на его лице, подкатил горький комок к горлу...

он прошёл к дальней скамейке и присел. Его состояние мог понять только тот, с которым произойдёт подобное. В таких чувствах он просидел минут двадцать и вдруг инстинктивно почувствовал, что кто-то смотрит на него. Подняв глаза, Борис увидел девушку с кудрявыми волосами лет восемнадцати. Она со спокойным видом спросила:

– Мне женщина сказала, что вы только что вышли из экзаменационной аудитории. Это так?

– И что из этого? – вопросом ответил Борис, у которого не было ни малейшего повода предполагать, что именно эта девушка сейчас изменит не только его состояние, но и судьбу.

– Ну, вы Каневский?

– Ну, я.

– Вы забрали свои документы из приёмной комиссии. Дайте их мне.

– Я не забирал. Мне их отдали и велели уйти, – ответил Борис, протягивая конверт с документами.

– Случилось недоразумение. Идите за мной...

Роем в его голове понеслись мысли и, он, идя по коридору, спросил:

– Вы хотя бы объясните, в чём всё-таки дело?

– Кутафин сильно ругал председателя приёмной комиссии за то, что тот не разобрался в сути происшедшего... и обнаружилось, что шпаргалка не ваша. Вы писали совсем другую тему... Это между нами... А сейчас вот сюда заходите, – и она указала на дверь председателя, где Борис уже побывал, а потом добавила: – После меня зайдёте.

Девушка скрылась за дверью, а Борис, нервно переминаясь с ноги на ногу, стоял в ожидании. Спусти

минуту она вышла и кивнула головой, что означало как разрешение на вход.

– Как вас зовут? – спросил тихо Борис перед тем, как войти.

– А вам зачем? – поинтересовалась она и посмотрела с доброй улыбкой.

Борис скорее от волнения, чем от страха перед недопущением к дальнейшим экзаменам, не знал, что ответить, и через несколько секунд замешательства промолвил:

– Я же должен знать, кого благодарить.

– Даша... А о вас я уже знаю всё.

Глаза Бориса скользили по её тёмным волосам, чуть продолговатому лицу, небольшому носу, пухлым розовым губам, и мысленно про себя отметил: «Какая же она красивая». Его сердце бешено застучало и потянулось к ней. Видя, что она уже намерена уйти, он нерешительно спросил:

– А я могу ещё раз вас навестить?

– Моё рабочее место доступно для всех студентов, – спокойно и многозначительно ответила Даша.

– Простите... а вы замужем или...

– Не важно. Этот вопрос никак не относится к чисто служебным отношениям, которые могут сложиться... если вы поступите. Да заходите же... Вас там ожидают, – сказала она и ушла.

Лучики её обаятельной юной красоты неудержимо притягивали. Борис посмотрел ей вслед, окидывая тёплым взглядом её стан, который мог бы быть мечтой для многих девушек, искусно отточенные ноги, глубоко вздохнул и вошёл в кабинет.

Председатель поднял голову и бросил взгляд на вошедшего, затем встал и промолвил:

– Прежде всего, товарищ Каневский... я приношу свои извинения... Просто в этой суматохе... в этой кутерье... Наплыве абитуриентов, повышенного требования руководства к организации процесса вступительных экзаменов, в ходе которых многие абитуриенты пытаются использовать в корыстных целях всевозможные ухищрения, лишь бы получить нужную оценку, оплошал. Нарушителей было столько много, что за всем этим я лично вот и вас... под одну гребёнку. Увидев разницу между начатым вами сочинением и шпаргалкой, мы приняли решение разрешить вам закончить сочинение... Но вы тоже хороши... Неужели не могли экзаменатору объяснить на месте? Или разве не видели на своих коленях чужую шпаргалку?

– Колени, простите, были под столом, а я был сосредоточен на сочинении, – ответил Борис.

– Садитесь вон за тот стол, – он указал в дальний угол, – там ваше сочинение и дописывайте его.

От радости у Бориса закружилась голова. Он прошёл к столу и сел за написание, но все ценные мысли проходили мимо... Минут десять он недвижимо сидел, путаясь в размышлениях и, наконец, полностью пришёл в себя, начал писать. Председатель комиссии был достаточно наблюдательным, поэтому, делая вид занятости бумажными делами, периодически бросал взгляд на абитуриента, за которого заслуженно получил от ректора взбучку. Но зная, что в этой истории он как председатель приёмной комиссии целиком и полностью виноват, и что своими, как действиями, так и бездействиями, выразившимися в игнорирова-

нии надлежащей проверке и исключения Каневского из списка абитуриентов, мог совершить непоправимую ошибку в его жизненном пути, камень за пазухой из-за крупного разговора с ректором не держал. Да ещё, узнав здесь о своей правоте, он не стал возмущаться и вёл себя безукоризненно. Чаша весов этого абитуриента, в которую брошено всё его положительное при сдаче первого вступительного экзамена, перевесила в его пользу.

Борис, забыв о возникших по началу неприятных ощущениях, благополучно окончил написание сочинения и обратился:

– Я всё... закончил, товарищ председатель.

– Оставьте там же на столе и идите, готовьтесь к следующему вступительному, – ответил тот, не поднимая от бумаг головы, а когда Борис был уже у двери, добавил: – Ещё раз простите меня за мою беспринципность и упущение в работе.

– Спасибо вам и ректору за редкостную человечность. То, что произошло, я уже забыл. А недостатки бывают у каждого человека, и он сколько живёт на свете, столько и устраняет их. Главное в том, чтобы осознать их, а уже допущенные послужили уроком, – сказал Борис и ушёл.

«А он молодец, парень. Толково рассуждает», – подумал председатель и занялся своим делом.

Каневский шёл по коридору, наполненному абитуриентами, стоявшими группами, обсуждавшими написание сочинения, но он не обращал ни на кого внимание. В его организме бушевала непонятная для него сладость. «Если бы это не случилось, то я бы не встретил такую красивую девушку. На днях обязательно проведаю

её. Я рад этому и рад, что все неприятные моменты жизни закончились. А чему рад? Рано ещё радоваться. Надо ещё оценку, притом хорошую получить, хотя для меня и тройки достаточно», – размышлял он, направляясь к расписанию следующих вступительных экзаменов.

– Боря, – вдруг со стороны окна прозвучал девичий тонкий голос.

Тот поднял голову и увидел Валентину, заплаканную, с красным и запачканным тушью лицом. Она сделала шаги ему навстречу и в полуметре остановилась. По сравнению с теми, кто написал сочинение, весело сейчас всё обсуждая, она выглядела дурно, тем не менее, из-за своего характера не в силах была смолчать, не уколов Бориса дерзким словом.

– Спасая свою шкуру, ты предательски сдал меня! – сквозь зубы процедила она, глядя на него с неприкрытым пренебрежением.

– Во-первых... мне не от чего было спасти свою шкуру, как ты выразилась, так как совершенно никаким боком не имею отношения к твоей шпаргалке, которую ты... спасая свою шкуру, подбросила мне, и когда меня удаляли из аудитории, умышленно промолчала, намеренно соглашаясь с моим далеко не обоснованным и невинным провалом... И во-вторых... после моего выхода из экзаменационной аудитории о тебе нигде даже разговора не было. Мне вернули мои документы, и я ушёл, – сказал совершенно спокойным тоном Борис.

– Не ври. Мне моя сестра успела шепнуть, как Кутафин орал на председателя приёмной комиссии, защищая тебя, – раздражительно заявила она.

– Какая сестра? О чём ты? И что... она сказала, что я пожаловался ректору?

– Даша... Она слышала весь их разговор... а насчёт пожаловаться... я её подробнее расспрошу, – угрожающе пояснила она.

«Эгоистичная, невежественная пустомеля... Ничего в ней вдохновляющего... себялюбивая и готовая по головам других идти по жизни», – подумал Борис, но ответил на её угрозу по-другому:

– Вот сначала расспроси, а потом подходи ко мне с претензией... Вообще-то мне на тебя надо обижаться, а не тебе...

– Ты поступил не по-мужски.

– Опять двадцать пять... У тебя нет основания так считать, – начал выходить из себя Борис.

– Тебя восстановили, а меня... пинком под зад, из-за тебя...

– Наверное, было по-другому, – теперь он оборвал её, – увидев, что между моим сочинением и твоей шпаргалкой нет ничего общего, послали гонца за мной, а проверили твоё. Всё... надоело мне безосновательно оправдываться перед тобой... Извини, – и он ушёл, а она стояла и со злостью смотрела ему вслед.

Прочитав график следующих экзаменов, он вышел на улицу, сел в автобус и поехал на съёмную у одинокой старушки квартиру.

Сидя у автобусного окна, стал вспоминать весь разговор с Валентиной и вдруг остановился на услышанном имени «Даша», на которое в ходе разговора не обратил особого внимания. «Даша... Неужели она её сестра? Ну и что! Чего это я вдруг всполошился? Тем лучше. Она ей и прольёт свет на случившиеся обстоятельства... А Даша прелесть. И как природа создаёт та-

ких красивых? Кому-то на счастье, а кому-то на муки», – размышлял он...

Остальные экзамены он сдавал без каких-либо проблем. После их окончания нашёл свою фамилию в вывешенном списке зачисленных на учёбу.

Между экзаменами Борис несколько раз порывался навестить Дашу и пообщаться с целью сближения отношений, но её дверь с табличкой «лаборанты» была закрыта. «Не уволилась ли? А может, она тоже поступала?» – подумал Борис и решил не оставлять без исполнения своё намерение. Несколько новых попыток не увенчались успехом, и он уехал домой до 1 сентября, твёрдо решив по возвращению к началу занятий продолжить поиск Даши.

В это время в Москве царил хаос и пахло революционным настроем. Грязь, неухоженность, безработица, торговля с палаток и ящиком, установленных где только можно, пустые прилавки, озлобленность людей, – всё это Борис наблюдал и патриотически переживал за судьбу своей Родины. Его до боли раздражало то обстоятельство, что Советский Союз как огромное государство перестало существовать, и республики, входившие в его состав, стали независимыми, а их руководители, не заглядывая в будущее, с довольным лицом потирали руки, радуясь происходящему. Зарубежные ястребы сразу же нацелились на полный развал не только России, но и государств – осколков, отлетевших от разбившегося о горбачёвское бездействие и слабоволие Советского Союза. Однако, несмотря на это, Борис продолжал жить с надеждой на лучшее, стремясь добиться своей цели – стать настоящим сыщиком, следователем, борцом с преступностью.

III. Любовь с первого взгляда

Подвернув ногу на ступеньках университета и ощущая нестерпимую боль, Даша не могла наступить на неё. Нога в голеностопной части стала быстро отекать. Оказавшаяся в числе болеющих за судьбу абитуриентов медсестра, осмотрев её ногу, сразу утвердительно заявила:

– Перелом, – и вызвала «скорую».

В травматологии после рентгеновского снимка этот диагноз не подтвердили, и врач малость успокоил:

– Перелома нет, но есть растяжение ахиллова сухожилия... Потребуется длительное лечение. Прежде всего, это иммобилизация голеностопного сустава с полным исключением любой подвижности. Первые 36 часов холод в этой области, а после тёплые согревающие компрессы на протяжении 72 часов. Для уменьшения болевых ощущений необходимо принимать нестероидные противовоспалительные средства... к примеру... баралгин, ортофен и другие. Я рецепт выпишу. Необходимо в этой области зафиксировать тугой повязкой. Физические нагрузки исключить в течение 2-3-х месяцев...

– Как? А работа... учёба? – перебила его Даша, испуганно глядя на врача.

– Вы что, милая... хотите прихрамывать? Сустав может воспалиться, и будет хуже... Я вам не хочу это объяснять медицинской терминологией. Вам понятно?

– Понятно, – и Даша глубоко вздохнула.

– Ну вот и хорошо. Тогда продолжим... После, когда вы уже станете ходить... рекомендую подобрать удобную ортопедическую обувь, заняться лечебной физкультурой, записаться на лечебный массаж и точечное акупунктурное воздействие. Всё, что я сказал, если вы выполните... Предотвратит развитие ограничения подвижности, а также рубцов в соединительной ткани. Это всё. Хотите, выполняйте... не хотите, тогда хромайте, стиснув зубы от боли.

Вызвав такси к травмпункту, Даша с помощью молодого паренька, находившегося там, добралась до машины и уехала домой.

Перепуганные родители после того, как она позвонила и попросила спуститься к подъезду, чтобы помочь дойти до квартиры, пулей оказались во дворе.

– Что случилось, дочка? – с беспокойством в голосе спросил отец, первым подбежавший к ней, стоявшей с поднятой ступней у автомобиля.

Пятнадцатый год отец состоит в штате сотрудников органов внутренних дел и последнее время курирует работу уголовного розыска Москвы и Московской области, поэтому в его голове сразу же отпечатались мысли о том, что его дочь подверглась нападению.

– Не волнуйтесь. Подвернула ногу, – ответила она ему и уже подоспевшей матери.

Оказавшись в квартире, Даша, рассказала родителям о случившемся и о рекомендациях травматолога. Те сразу же бросились к холодильнику и начали готовить лёд, а потом мать стала делать холодный компресс.

Отец, видя себя не у дел, зашёл в большую комнату, сел в кресло и углубился в чтение.

– Петя, ты давай-ка смотайся в аптеку или куда-либо и раздобудь костыли, – сказала Нина Фёдоровна.

Сорокапятилетняя, среднего роста с чуть волнистыми тёмными волосами и привлекательным круглым лицом, она не отвечала своему возрасту и тянула лет на десять моложе. Тогда как её муж – Пётр Степанович, высокий, стройный с припорошенными сединами висками, вместо своих сорока семи лет выглядел на все пятьдесят.

Зачитавшись интересной статьёй в газете «Московский комсомолец», он не услышал, о чём попросила жена, и та второй раз уже громче озвучила свою просьбу.

– Да, да... сейчас, – тут же ответил он, вскочил с места и, набросив на плечи лёгкую ветровку, ушёл.

Спустя минут сорок вернулся с двумя костылями в руках. Целый час пришлось обучать Дашу пользоваться ими, и уже, хоть и с трудом, но всё же она начала передвигаться по комнатам. После этого родители занялись своими делами, а Даша уселась на стул у окна и стала смотреть на окружающую зелень и строения. На карнизе соседнего здания весело общалась небольшая стая воробьёв, а в метрах пяти от них понуро сидели голуби. Подняв вдаль глаза, она увидела красный диск солнца, медленно опускающегося за горизонт. «Вот и вечер. Скоро наступит ночь, и всё живое на земле успокоится, уснёт, а утром вновь все оживёт, засуетится... одной мне не надо никуда спешить. Да, что это со мной? Любовь с первого взгляда?» – подумала она, и тут перед её глазами возник образ Каневского. Он стеснительно улыбался и украдкой поглядывал на неё. «Сказал, что зайдёт... А вдруг дей-

ствительно заходил, а меня нет? Надо же такому со мной случиться. А он хороший парень... скромный, стеснительный и привлекательный», – мысли о нём ей были приятны. Чем-то он тронул её сердечко, и всё чаще и чаще Борис стал появляться в мыслях, но всегда после этого она ощущала непонятную тревогу. «Парень он смазливый, притягивающий своей внешностью... а вдруг какая-нибудь студентка возьмёт да и перехватит его», – проносилось в её голове, что усиливало тревогу. Одно успокаивало, что до 1 сентября все студенты разъехались по домам.

В один из ближайших дней – звонок в дверь.

Даша отдалённо слышала разговор матери и двоюродной сестры Валентины. После нескольких фраз та открыла дверь и с порога, сделав тревожное лицо, произнесла:

– Привет пострадавшим! Что случилось, сестрёнка?

– Как видишь... Осваиваю новый способ передвижения, – ответила та, подняв кверху костыли.

– Как же так тебя угораздило?

– Знала бы... так соломки постелила. Ну что... тебя с провалом?

– С полным... Вот из-за этого козла... заложил он меня с потрохами, – нервно ответила Валентина, взяла стул и села напротив Даши.

– Ты о ком?

– О Борисе... у которого на коленях обнаружили мою шпаргалку.

– Не поняла... А он-то причём?

– Так он же меня заложил.

– Ничего подобного. Председатель принёс шпаргалку и текст сочинения Каневского к Кутафину, а тот

стал сличать и обнаружил несоответствие, вызвал меня и распорядился любыми способами вернуть Каневского. Я и пошла. Благо тот не ушёл, а сидел на лавочке. Вот я и вернула его.

– Что, правда?

– Вот тебе крест, – и Даша перекрестилась.

– А я-то, дура, который день кости промываю этому парню... А может, он председателю обо мне сказал, а тот ректору?

– Ты чего? Совсем уже... А зачем тогда он пошёл к нему? Ты подумала? Чтобы доказать свою глупость?

– И то правда... брякнула, не подумавши. Кто может сейчас спасти заблудшую душу?

– Никто. Поступать будешь теперь на следующий год. А ведь я тебе говорила не делать этого... Но ты не послушала.

Валентина, изобразив на лице изумление, долгим взглядом посмотрела на Дашу, догадалась, что та последних известий о ней ещё не знает, а потом, расправив плечи и сделав деловой вид, объявила:

– А я уже поступаю.

– Как? Куда? – вырвалось у той.

– В другой юридический. Кстати... с той же шпаргалки написала сочинение и получила хорошую оценку. Завтра сдаю последний вступительный.

Даша удивительно хладнокровно посмотрела на неё, а потом произнесла:

– Ну, ты настоящий электровеник.

– Если логически мыслить, сестрёнка, то моё нахождение в экзаменационной аудитории и этот злополучный казус со шпаргалкой... возможно, дар судьбы.

– Это ещё почему? – настороженно спросила Даша.

– С таким клёвым парнем познакомилась...

– Но ты же врагом рассталась с ним? – перебила с нетерпением её сестра, и глаза вспыхнули негодованием, а сама подумала: «Ишь, куда летит. А что? Она наглая. Может своего добиться».

– Пошутила я, – ответила Валентина и тут же заметила внезапно возникшую меланхоличность в поведении сестры, а для себя отметила: «Вижу и ты не против, сестрёнка? Но уж тебя-то я к нему не подпущу!»

Пороки Валентины не были ничтожными. Они порою переваливали через край. Злопамятность, самолюбие, грубость, корысть, достигаемая за счёт других, предательство и ещё многократность других отрицательных черт – были неотъемлемой частью её неуёмного характера. Даже и сейчас, сидя рядом с Дашей, артистично играла роль всепоглощающей родственной страсти к ней и сочувствия по отношению к случившемуся, а сама мысленно чертила планы коварных противостояний. «Пока ты будешь хромать здесь по своей комнате, я Бориса охмурю в два счёта», – мысленно решила она, загадочно глядя в лицо сестры, и, переведя взгляд на костыли, поинтересовалась:

– И как долго тебе придётся скакать на четырёх?

– Врач сказал месяца два на костылях, а после с месяц с палочкой, чтобы избежать нагрузки на ногу, – ответила Даша, глянула на костыли и глубоко вздохнула.

«Вот, вот. Это для меня то, что надо!» – Валентине это было на руку, лицо её загорелось от предвкушаемого удовольствия, она, глянув на сестру с улыбкой одобрения, промолвила:

– Ничего. Здоровье дороже. Отдохнёшь малость... Выходить не торопись. Работа не волк, в лес не убежит.

– Нет, нет. Как только мне удастся избавиться от костылей, я сразу же выйду... Папа меня привозить будет, а в конце рабочего дня забирать... Да мне на лекциях надо быть... Не-то отстану. Я ведь тоже первокурсница.

«Вот негодница. Не зря рвётся. Борис понравился, а вот тебе», – и Валентина за спиной свернула кукиш.

– Ладно... любимая сестричка... Выздоровливай... Пойду я. Надо готовиться к экзамену, – Валентина нагнулась и чмокнула Дашу в темечко. – Не скучай и не грусти.

Уходя, она ещё раз бросила на Дашу ласкающий взгляд, но в душе сгорала от удовольствия и наслаждения её положением.

IV. Поцелуй будущего зятя

С первого дня занятий Борис периодически заглядывал в кабинет Даши, но в нём за маленьким одно-тумбовым столом сидела, прихорашиваясь, с зеркальцем в руках молоденькая лаборантка, на лице которой в изобилии расположились веснушки, а второй такой же стол пустовал. Когда же он в десятый раз открыл дверь, лаборантка не выдержала:

– Молодой человек, ну-ка зайдите, – позвала она его.

Борис не смело перешагнул порог, поздоровался и лишь проронил:

– Простите...

– Да, да. Вы уже примелькались... то с букетом, то без него... Не Дашу ли ищите?..

– Её. А она что... уволилась или...

– Второе, – снова перебила она Бориса: – Ногу подвернула, да дома отсиживается. А вы её знакомый?

– В какой-то степени.

– Так позвоните ей, а заодно и поддержите настроение... больной. Нам женщинам это приятно... Мы сразу внутренне оживаем, когда кто-то о нас беспокоится. Номер телефона есть?

– Дома... в записной, – добросовестно солгал Борис, от чего ему сразу стало неловко, и он прикусил нижнюю губу.

Лаборантка этого не заметила, на клочке бумаги написала номер телефона и протянула Борису. Тот с улыбкой на лице схватил как что-то драгоценное, а девушка стала бесцеремонно разглядывать его.

– И зачем это так сделала? А вдруг вы представляете опасность для моей подруги? Вы вообще-то кто? – вдруг спохватилась она и стала подозрительно смотреть на юношу.

– Каневский я... Борис Фёдорович... студент университета. Даша сыграла очень важную роль в моей студенческой судьбе, и мне безмерно хочется сказать ей слова благодарности. Так что вы не волнуйтесь, – сообщил он, пятясь к выходу, как будто боясь, что у него отберут листок с номером телефона.

– Тогда другое дело. Привет Дашеньке и самые тёплые пожелания... От Риты.

– Передам... Спасибо вам.

Как только он исчез за дверью, Рита, закусив палец и глядя в потолок, задумалась над всеми сказанными словами, потом схватила трубку и набрала номер телефона Даши.

– Алло! Даша!? Ну, как ты? – с сочувствием в голосе спросила Рита.

– Не дождёшься, подруга, – ответила с шуткой она, а потом добавила: – На подпорах, как покосившаяся изба.

– Потерпи, родненькая. Всё образуется. А я вот почему звоню. Был только что у меня молодой и довольно красивый человек... попросил твой номер телефона, да так умолял, что я отказать не смогла... Назвался Борисом Каневским. Это о чём-то тебе говорит?

У Даши бешено заколотилось сердце. Она безнадежно пыталась что-то сказать, хорошо, что подруга не видела её лица, засиявшего каким-то благостным светом, а мозг подбирал убедительный аргумент завуалировать вспыхнувшие чувства и радостное настроение.

– Кто это? – притворилась и выдавила из себя Даша и, сдерживая улыбку, закусила губу.

– Наверное тот, которого ты зачислила в студенты. Он так и заявил... мол, Даша сыграла важную роль в его студенческой судьбе. А это говорит о многом. Так что... колись, подруга.

– Припоминаю. Но ведь я здесь ни причём... Ректор решал. Меня всего лишь послали найти его. Я же тебе рассказывала...

– А-а! Это тот, которого необоснованно шпаргалщиком объявили?! Понятно. А он много раз заглядывал в кабинет, всё тебя выглядывал... то с букетом, то без. Даша, это не зря... Втюрился он в тебя с первого выстрела. Скажи только честно... ты рада?

– Ну-у... – замялась та, не решаясь признаться, а потом, чувствуя как возвращается к ней душевное равновесие, резко ответила: – Жизнь покажет.

– Не была бы я твоей подругой, если бы не поняла состояния твоего сердечка. Вижу, что рада... И я рада за тебя... Он такой красивый и, чувствуется, нежный... а как он произносил твоё имя... Это надо было слышать и видеть, – трогательно сказала Рита.

Даша не пыталась прогнать овладевшие ею приятные чувства, наоборот, лицо расплылось в светлой улыбке, а Рита тем временем продолжала рассыпаться в похвалах, касающихся Бориса.

– Если бы он не интересовался тобой, а заглянул в нашу с тобой камору, то я уж точно ломанулась бы за ним, – и тут же сообщила: – Всё, подруга. Пока... Меня зовёт начальство. Бывай и выздоравливай побыстрее.

Даша, привыкшая к внутренней независимости и ранее не испытывающая трогательные нежностью и притяжением чувства, увлечённость кем-то, стала постепенно раскрепощаться, в её поведении начали проявляться признаки желания любить и быть любимой. События в этом направлении начали развиваться быстрее, чем можно было ожидать.

Вспомнив лицо Каневского, она сентиментально улыбнулась... в этот момент раздался телефонный звонок.

– Да, – коротко ответила она, подняв трубку.

– Даша? – решительно, но мягко спросил мужской голос.

– Я, – настороженно представилась, и приятная догадка зародилась в её груди.

– Простите за вторжение, но я не мог не позвонить, узнав о случившемся с вами. Это Борис Каневской...

Ощувив, как где-то у сердца накатила приятная волна радостных и нежных чувств, она еле сдержала себя, но душевное волнение охватило её, не смотря на сердечные эмоции, она быстро справилась, не дав вулканическому извержению вырваться наружу. Спустя несколько секунд молчания она искусно изобразила равнодушие.

– Что-то случилось? – вырвалось у неё. – Но я пока не работаю. Вы бы обратились к Рите, – промолвила она и тут же спохватилась, подумав: «Какая же я дура. Что я говорю? Зачем отсылаю к другой?»

– Нет, нет... ничего со мной не случилось. Я просто хотел... поблагодарить вас за человеческое отношение и ту неоценимую помощь в моём спасении...

– Но мне-то за что? Я ничего решающего в вашей судьбе не совершила, – прервала она его.

– Ещё как совершили. Стоило вам не найти меня, и я не был бы студентом. Но вы нашли.

– Только и всего...

– Для вас это кажется мелочью в жизни, а для меня настолько важно, что не могу просто так оставить, – и он попытался схватить коня за гриву: – Вы позвольте вас навестить.

Девичья радость охватила её, но поначалу Даша безнадежно пыталась сказать что-то вроде отрицательного, а Борис, находясь в возбуждённом состоянии, понял, что стоит между долгом и желанием и поэтому настаивал, заверяя, что его посещение займёт всего лишь несколько минут. Даша, основательно взвесив все «за» и «против», разрешила, назначив время посещения на время, когда родители будут на работе.

События сразу же стали выходить за рамки обычного, и Борис не мог устоять против искушения навестить её, а поэтому не заставил долго ждать.

На следующий день в одиннадцать часов он с букетом цветов и огромной коробкой конфет стоял у Дашиней двери и несмело нажал на кнопку звонка.

Увидев через открывшийся дверной проём Дашу на костылях, у него всё перевернулось внутри. Ему стало настолько её жаль, что готов был взять девушку на руки и занести в комнату.

– Проходите, Борис, – пригласила она и направилась на кухню, он последовал за ней. Указав на вазу,

стоявшую в верхнем ящике кухонного гарнитура, попросила: – Вы сможете достать вон ту вазу и поставить цветы?

– Конечно, – с радостью ответил тот и сразу же исполнил.

– Чай, кофе? – гостеприимно предложила Даша.

– Нет, спасибо. Я ведь на минутку, – стеснительно ответил он.

– Тогда пойдём в зал.

Она опустила в кресло, а Борису показала рукой на такое же рядом стоящее. Разговор не клеился. Чувствовалось душевное волнение обоих, часто воцарялось неловкое молчание, и они подыскивали нужные слова, которые позволили заполнить возникшую паузу, но постепенно оба стали успокаиваться, и Даша на правах хозяйки взяла в руки бразды управления, стала задавать вопросы, а Борис охотно отвечал на них. Между ними завязалась оживлённая беседа, в ходе которой он всё чаще останавливал свой взгляд на Даше... и всё больше убеждался в её душевных качествах и умственных способностях... смелость возвращалась к нему. Даша, наполненная непосредственностью и очарованием, старалась развивать благоприятную беседу и уже совсем забыла, что минута посещения у Бориса давно истекла. Её интересовало всё, что было с ним связано. Теперь она знала, где он жил, учился, кто его родители, кто друзья и приятели, как сдавал вступительные и какие жизненные планы на обозримое будущее. В ходе оживлённой беседы она казалась ещё более привлекательней, и Борису уже в ней нравилось всё, даже эти неуклюжие костыли.

Со стороны кухни по радио тихо звучала трогательная музыка. Общение обоих пьянило как вино. Борис с блаженным видом смотрел на Дашу и восторгался её облику и речам. Он уже не мог сетовать на судьбу, на разные мелочи изъянов жизни, потому как ему в тот момент виделось всё в розовом цвете, жизнь слаще некуда, всё, что с ней связано, чудо и благодать. Единственное, что ему хотелось именно в это время – это не уповать на Бога, а самому заботиться о Даше, и мысленно дал себе зарок сделать всё возможное и невозможное, чтобы она была довольна и радостна, чтобы ей было легче, чтобы скорее выздоровела и не чувствовала себя обузой для него.

Заканчивался третий час общения, когда Борис вспомнил о времени пребывания и глянул на висевшие на стене ходики.

– Вот так. Разговорились, и минута прошла, – сказал он, смеясь. – Мне пора.

Даша хотела остановить его, но, понимая, что вот-вот возвратится мать, не стала ничего говорить, молчаливо согласившись с намерением Бориса.

– Удачи вам, Борис, – сказала она и посмотрела на него полными очарования глазами.

– Спасибо, Даша. А можно ещё навестить вас? – спросил и ласково посмотрел на неё.

– Приходите... в такое же время.

– Даша... давайте на «ты»?

– Согласна.

– Вот и хорошо. Тогда до завтра?

– А как же лекции?

– То, что скажет лектор, написано в книге. Прочту и больше знать буду. Когда он выступает, отвле-

каешься на что-то, и сказанное пролетает мимо, а если сам читаешь... усваивается лучше. Такое моё мнение... – увидев, что Даша с ним не согласна, тут же продолжил. – Лекция всё-таки в какой-то степени помогает, и лучше усваивается материал, но её тогда следует слушать внимательно.

Она хотела было по этому поводу возразить и высказать своё мнение, но понимала, что это продолжит дискуссию, и мама застанет Бориса в квартире, после чего начнутся расспросы, чего для неё было пока нежелательно, и поэтому согласно закивала головой, лицо засияло доброй улыбкой, и из её уст прозвучало:

– До завтра.

Борис не стал вызывать лифт, а окрылённый общением с Дашей понёсся как ветер по лестничному маршу и, выбегая из подъезда, чуть не сбил с ног женщину.

– Ради Бога, простите, – извинился он.

А та, смерив его удивлёнными глазами, произнесла:

– Извинение принимается, молодой человек, ради вашего счастливого лица, но будьте осторожны... не то...

– Спасибо вам, – не дав ей договорить, ответил он, улыбаясь, и поцеловал её в щёку, чем ошарашил женщину, сам же помчался к прибывшему на остановку автобусу.

– Чудной, – проронила женщина и посмотрела ему вслед, входя в подъезд. – Если это поцелуй будущего зятя, то я не против. Хорош, парень.

В автобусе пассажиров было битком, и Борис еле протиснулся на переднюю площадку. Две остановки

ехали в тесноте, а после немного стало свободнее. Чтобы легче переносить духоту, Борис расстегнул пуговицы костюма и, держась одной рукой за поручень, смотрел на всё мелькающие за окном, но всего этого он не замечал, не видел, – перед глазами стоял образ Даши, и в памяти всплывали все сказанные слова и пережитые эмоции. «Значит, я ей понравился», – заключил он, когда мысленно дошёл до выхода из подъезда. Вдруг его размышления прервал звонкий женский крик:

– Украли! Кошелёк украли!

Все повернули головы на крик, а пострадавшая продолжала:

– Это он! Держите его! Он украл! – и указала на мужчину татарской внешности худощавого с ромбообразным лицом, на вид лет тридцати пяти, что стоял рядом с Борисом.

– Ты чего орешь! С ума сошла?! – огрызнулся мужчина. – Я к тебе даже не прикасался.

– Позвольте, – послышалось из середины салона, и к месту возникшего происшествия протолкался мужчина средних лет. Достав из кармана удостоверение, он представился работником уголовного розыска. В это время автобус остановился, водитель открыл двери для входа и выхода пассажиров. Воспользовавшись этим, подозреваемый ринулся к выходу, но работник угрозыска схватил его за локоть и придержал.

– Мне выходить, чего вы? – возмутился подозреваемый.

– Сначала разберёмся с содержанием устного заявления этой гражданки, а после будем решать... вам

выйти или придётся надолго задержаться, – заявил страж порядка.

– Мало ли чего эта дура скажет. Быстрее разбирайтесь. Мне выходить теперь уже на следующей остановке надо.

– Только без оскорблений... Выложите поочередно всё из каждого кармана.

– Да пожалуйста, – и он начал вытаскивать всё, что находилось в каждом из карманов, а работник угрозыска следом сам проверял его карманы и в конце полностью обыскал его.

Кошелёк не был обнаружен. Подозреваемый победоносно улыбался, а женщина растерянно смотрела то на него, то по сторонам.

– Передал кому-то! – вскрикнула она.

Работник угрозыска окинул строгим взглядом присутствующих и спросил женщину:

– Где вы стояли, и где он стоял?

Та, жестикулируя, показала и остановила взгляд на Борисе. Тот спокойно смотрел на неё.

– Он стоял между мной и вот этим парнем, – и она указала на Бориса.

– Где стоите, там и стойте, – потребовал работник угрозыска от Бориса и подошёл к нему, пристально посмотрел в лицо, прошёлся взглядом по одежде и остановился на выпуклости бокового кармана костюма. – Что там у вас, гражданин?

– Ничего, – спокойно ответил Борис.

Тот сунул руку в карман и достал двумя пальцами кошелёк, а потом спросил:

– А это что?

– Это не моё, – растерянно ответил Борис.

– Мой, мой кошелёк! – закричала женщина и сразу добавила. – Посмотрите, там две купюры по сто рублей, а остальные по десять, пятьдесят... Всего три тысячи триста рублей, – а потом удивлённо посмотрела на Бориса и заявила: – Не может быть. Он возле меня не стоял. – Этот стоял, – и указала на подозреваемого.

– Значит, тот его сообщник. Передал ему, – констатировал работник милиции.

– Да нет же. Я стоял и смотрел в окно... Спинай к нему и к этой женщине стоял, а когда она закричала... он, наверно, и сунул кошелёк в мой карман, – пояснил Борис.

– Разберёмся, – решительно сказал работник угрозыска и потребовал, указывая на женщину, подозреваемого и Бориса: – Вы все трое следуйте за мной.

Взяв за локоть мужчин, он вывел их из остановившегося автобуса и повёл в районный отдел милиции. Там Борис написал объяснительную записку. У него взяли отпечатки пальцев рук и закрыли в камеру. В соседней находился второй. До поздней ночи Борис самоуверенно с возмущённым видом ходил по камере, а потом сидя уснул. Сосед по камере, молодой пареньёк, задержанный за квартирную кражу, молча переносил его присутствие и с вечера уснул крепким сном. На следующий день ближе к обеденному перерыву Бориса вызвал следователь. Юноша вошёл в его кабинет, придав лицу суровое выражение, и готов был взорваться с первой секунды, однако следователь опередил его:

– Борис Фёдорович, приносим вам свои извинения. Всё, что случилось, складывалось не в вашу пользу. Но дактилоскопическая экспертиза показала, что на ко-

шельке обнаружены следы пальцев рук потерпевшей, оперативника, производившего задержание, и Давлетова, похитившего кошелёк, а вот когда его исчезновение обнаружила потерпевшая, он сунул вам в карман, в чём сам и сознался. Так что не держите обиды на нас. Вы свободны, но прежде всего я ваши показания занесу в протокол допроса... Одним словом, вы как будущий опер или следователь... или прокурорский работник поймёте неблагодарность нашей работы с одной стороны и ценность её с другой, – пространно разъяснил он и приступил к допросу.

V. Козни сестры

Валентина шла по просторному коридору университета, и её взгляд нагло блуждал по лицам встречающихся мужчин-студентов. Приглянувшимся она тут же дарила завлекательную улыбку, а сама думала: «Среди вас и я должна была быть. Так из-за этого Каневского пришлось поступать в другой вуз». Она уже знала, что Каневский в её судьбе никакой роли не играл, однако закравшаяся в мозг злопамятность приросла там, и она нет-нет да частенько, чтобы оправдать собственную ущербность, вину перекладывала на Бориса. Сама же, слабая по характеру и поведению в обществе вела беспутный образ жизни, наполненный лицемерием и безразличием. Некоторые подруги, особенно аналогичного поведения, знали об этом, но что же касается Даши, то она не имела ни малейшего представления о её моральной неустойчивости. Наряду с этими изъянами у Валентины в ускоренном темпе развивались и другие ущербные недостатки, как чёрствость, жестокость и недружелюбие по отношению к другим, будь они хоть и близкими родственниками. Ей было противно жить и общаться с людьми, которые к ней относились не равнодушно и с уважением, но ей нравилось ходить в толпе, которой до неё не было никакого дела. Даже к членам своей семьи – матери, отцу и брату – она постоянно

проявляла небрежность, считая себя умнее и достойнее лучшего, хотя сама неизбежно ассоциировалась с капризным, невоспитанным и нервным существом. Корыстолюбие и коварство тоже жило в ней и развивалось. Вот и сейчас она находилась в университете не из благих намерений, а преследовала цель добиться любым путём задуманной цели.

Полчаса спустя, заглянув к Рите в лаборантскую, узнала, что приходил Каневский, слёзно упрашивал дать Дашин телефон и уже навестил её, что у той возникли далеко не простые чувства к Борису и, похоже, между ними начал возводиться фундамент строения, похожего на любовь с первого взгляда.

И Валентина загорелась встретить Бориса и попытаться всё поломать, разрушить до основания.

Увидела она его стоявшего в обществе высокого и худого парня и светловолосой девушки, прижавшейся щекой к плечу этого парня. Они что-то горячо обсуждали, а Борис при этом чертил какую-то схему и доказывал её правдоподобие.

Валентина остановилась в стороне и стала ждать, когда их дискуссия закончится, но вскоре ожидание ей наскучило, и она стала размышлять, как отделаться от парня и девушки. Видя, что этому конца и края не видно, Валентина ринулась вперёд.

– Боря, можно тебя на минутку? – спросила она, взяв его под руку и увлекая с собой.

Тот удивлённо посмотрел на неё, освободил свою руку и безразлично ответил:

– Я не могу прервать разговор... извини, – повернулся к парню и девушке с намерением продолжить дискутировать.

Валентину это обидело. Лицо её покрылось краской, в глазах сверкнула яростная искра.

– На минутку, – возбуждённо сказала она и потянула его за рукав.

– Не могу я... Понимаешь... не могу, – возразил он нетерпеливо, игнорируя её яростный блеск глаз, освобождая руку, и добавил, кивая на парня и бабушку. – Люди торопятся.

Валентина безнадёжно махнула рукой и, скрипя зубами, направилась к выходу. «Такого, чтобы игнорировали мою просьбу, у меня ещё не бывало. Подлец. Ну, погоди», – пронеслось в её голове. Выйдя из университета, она в нерешительности остановилась. Внутренне мучаясь между желанием подождать Бориса и испортить ему настроение или же направиться прямо к Даше, которой изложить встречу с Борисом в извращённом виде, она выбрала второе и направилась к автобусной остановке.

Даша, сидя в кресле и положив больную ногу на пуфик, громко декламировала Есенина. Это у неё великолепно получалось, как вдруг заявила Валентина. Отпечаток неудачного общения с Борисом на её лице всё ещё сохранялся. Заметив плохое настроение и то, как раздувались её ноздри, Даша спросила:

– Случилось что?

– Ничего не случилось, – уклончиво ответила сестра.

– Я же вижу. Выкладывай, – настояла Даша.

– Не хотела тебя расстраивать, но коль ты настаиваешь, так слушай... Иду по коридору университета и вдруг встречаю твоего Каневского. Стоит в обнимку со светловолосой. Я хотела с ним поговорить... но он

отказался и не отошёл от неё. Все мужики сволочи. Нет веры им, – сказала Валентина, нервно расхаживая по комнате взад-вперёд и присматриваясь ко всем таинствам сестры, которые должны превратить её в разгневанную истеричку.

Однако Даша спокойно выслушала её, хотя всё внутри перевернулось, но виду она не показала и только спросила:

– А почему это он мой?

– К тебе же клинья подбивает?

– С чего это ты взяла? Он пришёл с цветами в знак благодарности... Считает, что я всё-таки сыграла решающую роль, а не ректор... и ушёл.

– Ой, ой! Так я тебе и поверила.

Даша посмотрела на неё отсутствующим взглядом и почувствовала, как биение её сердца отражается в висках, сестра же продолжала ходить нервной поступью.

– Дело твоё... не верь, – спокойно говорила Даша: – Это его личное дело, и меня оно не касается. А ты, сестра... даже не пытаешься скрыть свою антипатию к нему.

– Да... не пытаюсь. Ты моя сестра, и я не хочу, чтобы с тобой общались разные подонки.

Горькое чувство поражения вдруг овладело Дашей, тень ревности скользнула в её глазах, унылое настроение отразилось на лице, она ощутила себя челноком, унесённым от берега волной в бушующее море. «Нет. Борис не такой. Здесь что-то не то. Я чувствую это...» – успокаивала она себя мысленно, решила не подавать виду, улыбаться сестре, раскланиваться и лицемерить, тогда как в душе могла выть по-волчьи. Ей никак не

хотелось верить, что обожглась на первой своей любви. А то, что она любит Бориса и любит по-настоящему, – подсказывало её сердце. Скоропалительные выводы делать из сообщённого сестрой было не в её характере, надо всё узнать, и поэтому, успокоив сама себя, рассудила никаких решений не принимать, а когда Борис придёт, то осторожно поговорить с ним. «А может, он нравится Вале, и она так реагирует?..» – посетила вдруг её мысль, побудившая задать ей этот вопрос:

– А тебе он нравится?

– Мне? Да нисколько. И я ему так же... Когда я звала его для разговора, так он посмотрел на меня, как на облезлую собаку. А почему ты спросила?

– Так просто.

– Кривишь... Я же вижу, что не просто.

– Ну, если честно... то меня удивило то, что ты ни с того ни с сего пришла в университет. К кому? Я дома, и ты об этом знала... Подруг и знакомых там у тебя нет... Тогда к кому? Думаю, что к Борису. А тут ты мне лапшу на уши вешаешь... Борис обнимался со светловолосой... Да мне наплевать, с кем он обнимался, а вот тебе, чувствую, нет. Ты бы посмотрела в зеркало в то время, как рассказывала о нём... на твоём лице было написано всё...

– Ты чего, Дашка, разошлась? – прервала её Валентина, с омерзением скривила губы и бросила: – Ревнуешь? – на её лице появилась саркастическая усмешка. – Суцая правда, ревнуешь. Уж шибко ты занервничала. А вот мне наплевать. Для меня он человек суррогат. Так что успокойся, сестрёнка. У меня мужчины не чета твоему Борису... Да и имя у него по-

росячье. А в университет зашла за остальными документами... забрала их, уже уходила, как тут встретила твоего... весьма счастливого в обществе светловолосой.

«Может, и правду говорит, а я напустилась... как с цепи сорвалась», – подумала так, но Валентине ответила другое:

– Я не расстроилась, а просто ответила на твой вопрос в части кривизны, – сказала Даша и сразу перевела разговор на другую тему, придав ему более серьёзный характер.

Она затронула состояние здоровья отца Валентины, который был доставлен в больницу с сердечным приступом. Валентина же успокоила её, сообщив, что подозрение на инфаркт не подтвердилось, и врачи поставили диагноз шейно-грудной радикулит, а после трехдневного пребывания в больнице вернулся домой и проходит лечение амбулаторно.

В общении с Дашей Валентина всегда чувствовала её умственное превосходство и ревностно относилась к этому. Вот и сейчас ей наскучило общение с ней, и она заторопилась домой. Прощаясь с Дашей, она мило посмотрела на неё, но мысли Вали были далеко не дружелюбные: «Зря ты так со мной, сестрёнка. Я ещё тебе покажу, чего я стою. Не видать тебе Бориса как своих ушей».

Оставшись наедине, Даша почувствовала в груди противную горечь и дрожь, ощутила свою беспомощность и мучительную обиду. «Огня ведь без дыма не бывает. Значит, в рассказе Вали доля правды есть, но какая она? Как узнать?» – она в задумчивости стояла у окна, смотрела на укутанные мхом стволы деревьев... Вдруг зазвонил телефон. Это была Рита.

– Как ты, подруга? Я уже соскучилась...

– Пока так же. А ты?

– А мне приходится горбатиться за двоих... за себя и за ту, которая ножку повредила, – сказала Рита и звонко рассмеялась. – Завтра после работы проведу тебя, а может, и сегодня, если смогу улизнуть пораньше.

– Рита, у меня к тебе просьба. Ты Шустову Валю знаешь... Она как-то заходила к нам...

– Так она и сегодня была, – сообщила та, остановив Дашу. – Интересовалась тобой и Каневским.

– Сможешь узнать, она сегодня заходила в приёмную комиссию?

– Зачем?

– Забрать остальные документы. Она так сказала.

– Да бред рябой кобылы. Она их сразу забрала... при мне это было. А сегодня я её встретила возле входа, мы зашли в лаборантскую, а потом она ушла в сторону аудитории первого курса. Я с ней шла у комнаты завхоза.

«Вот врала... Ну, Валька», – пронеслось в голове Даши, и она сразу же спросила:

– А Каневского ты видела?

– Видела. Спустя минут пять, как рассталась с Вальей. А что?

– С кем он был? – продолжала настойчиво Даша.

– Стояли они втроём. Высокий парень... Миша Козлов, его жена Оля, тоже студентка... и Каневский, который помогал этой чете начертить план перепланировки бабушкиной квартиры, – это я краем уха слышала, разговаривая рядом с Юлькой Зубовской. Ты может, пояснишь, в чём дело?

– Потом, Рита... не по телефону.

– Ну ладно... до встречи.

Положив трубку, Даша задумалась. Она никак не могла понять, почему Валентина дезинформировала её. «У меня мужики не чета Борису... у него поросячье имя... Если она так говорит о нём, значит увлечение отпадает. Может, месть за провал на вступительных? Ну врала. А я уже было подумывала...» – её размышления прервал звонок в дверь.

Даша взяла костыли и пошла открывать. «Борис», – мелькнуло в её голове. Это действительно был он. В руках он держал большую коробку торта и преданно улыбался. Даша тоже, как ни в чём не бывало, ответила доброй улыбкой и пригласила войти.

Они пили чай, разговаривали, и она, было, порывалась спросить о встрече с Валентиной, но передумала и не стала касаться этой темы.

Даша поняла, что это козни Валентины, что та умышленно солгала, только причину этому никак не могла вычислить. Разговорившись, она забыла, что должна была сварить к приходу родителей суп и, глянув на часы, спохватилась.

– Ой, ой, ой! Совсем забыла. Ты не возражаешь, если я буду с тобой общаться и готовить суп? – спросила она Бориса и взялась чистить картошку.

– Нет, конечно, – ответил он и сразу заметил: – Вообще-то суп на ужин не готовят? К обеду другое дело.

– Мама так и планировала, а ужин сама будет готовить.

– А давай-ка ты вари суп, а я на ужин вам приготовлю картошку жареную... на маслечке, да с лучком.

У меня такое блюдо отлично получается, – предложил Борис и, не ожидая согласия, взял нож и принялся за чистку картофеля.

– Борь... неудобно как-то, – хотела было возразить Даша, но он среагировал по-своему:

– Неудобно брюки через голову одевать... а это я мигом.

Борис не был избалованным жизнью и неприспособленным к ней. Он дома частенько это делал, даже варил украинский борщ и домашнее жаркое. Мог иссечь блины, оладьи и приготовить тесто. Сегодня он был в весьма приподнятом настроении и всё делал виртуозно. Даша украдкой поглядывала на его действия и в душе радовалась тому, что он не испытывает себя ограниченно в её квартире. Это ещё сильнее влекло и притягивало к нему... Заметив в его характере что-то необыкновенное, неудержимо стремительное, внушительное и непоколебимое, она оценила его как настоящего достойного полностью подготовленного к жизни мужчину. Подумала об этом, и сразу же её охватило чувство радостного волнения и подъёма. Внезапная смена её настроения не прошла мимо Бориса, и он рассудил, что Даше понравилась его забота, что и подтолкнуло на другие действия. Он увидел на тумбочке разобранный утюг и решил починить его после приготовления картофеля. Спустя несколько минут он на сковородке уже переворачивал круглые дольки нарезанного картофеля и лука, по комнате распространялся приятный и притягивающий запах. В процессе приготовления блюд Даша спрашивала Бориса о его военной службе, а он в пределах дозволенного рассказывал.

Закончив кухарничать, он сразу же взялся за утюг.

– Борь, оставь. Это папа разобрал его, хотел было починить, не смог, правда, и теперь отнесёт в мастерскую или же выбросит, – возразила Даша, и в её лице промелькнула неловкость.

– А я попробую... вдруг получится, – ответил он, уже воркуя над утюгом.

Вскоре утюг заработал и стал греть отменно. Даша с благодарностью смотрела на Бориса, но чувствовала неловкость за использование его в корыстных целях, и почувствовав это, он успокоил:

– Да я рад, Дашенька, что могу хоть чем-то помочь тебе.

– Ну, спасибо большое. Ты настоящий кулинар и мастер.

– Спасибо – это очень и очень много.

– Пора тебе, Борис. Не то снова придётся целовать мою маму.

– Как? Это была она?

– Она. Зашла удивлённая и рассказывает, что какой-то парень чуть не сбил её с ног, а потом поцеловал её в щёку и убежал к автобусу.

– Вот так дела. Ну, я пошёл. Приду завтра, – и он поспешил к выходу.

Даша на костылях пошла закрыть за ним дверь. Он обул ботинки, выпрямился и ласково посмотрел на неё.

– Ну... до завтра?!

– До завтра, – тихо ответила она и поцеловала его в щёку. – Спасибо тебе за всё.

Борис растерялся, глаза забегали как маятник часов, щёки стали вмиг розовыми.

– Пока... – и он воодушевлённый скрылся за дверью.

«Идиот... Как я мог уйти так? Надо было тоже поцеловать её в щёчку. Какой же я тюньтя», – бичевал он себя мысленно. Находясь на остановке, вновь встретился с мамой Даши. Она в это время выходила из автобуса и, глянув на Бориса, улыбнулась.

VI. Заговор подруг

Валентина никак не могла забыть суть разговора с Борисом и Дашей. Они постоянно лезли ей в голову, не давая покоя. Чувство самолюбия и коварства с каждым днём обострялось всё сильнее. Ей неудержимо хотелось напакостить им обоим, только так, чтобы самой остаться в тени, и тут она вспомнила о своей давней приятельнице Людмиле, которая своим лёгким поведением неразборчиво и тайком зарабатывала себе на жизнь. Привлекательное лицо и точёная фигура помогли ей в этом, а однокомнатная меблированная квартира, которую она снимала в тайне от родителей, способствовала этому. Порывшись в своей записной книжке, нашла её номер телефона и позвонила.

– Люда, ты? – спросила Валентина, когда в трубке послышалось: – «Алло!»

– Я, а это кто? – ответила удивлённо та.

– Привет, Людок. Валя Шустова, я. Вспомнила?

– О-о! Привет, Валёк. Сколько зим. И куда ты пропала? А я твой контактный потеряла, много раз порывалась позвонить, но... увы.

– Я сама только что случайно нашла твой и сразу позвонила. Слушай, Люд... как ты смотришь, если мы встретимся в нашей старой кафешке... пообщаемся, потолкуем о нашей тягостной жизни...

– А я за. Давай прямо сегодня, не откладывая... этак часиков в семь вечера. Что скажешь?

– Замётано.

– Ну, тогда до встречи.

Положив трубку, Валентина радостно потерла руки и громко озвучила:

– Вот она и будет инструментом по вставлению шпилек в отношения Бориса и Дашки.

Не успела она сказать последнее слово, как зазвонил телефон. Она схватила трубку и громко ответила:

– Да, Люда!

– Это Даша. Здравствуй, Валя, – послышалось в трубке.

– Здравствуй, – насторожилась та. – А я секунду как положила трубку. Думала она снова... что-то забыла. У тебя срочно? Я тороплюсь.

– Ну, ладно. В другой раз, – сказала Даша, и в её голосе Валентине показалось что-то загадочное и тревожное.

– Нет. Коль уж позвонила, говори, – настояла она.

– Ты можешь мне ответить на один вопрос?... Только честно.

– А мне нечего от тебя скрывать. Слушаю.

– Почему ты мне солгала о Борисе и светловолосой девушке?

– Я? Солгала? А почему ты так решила?

– Да потому, что Рита мне всё рассказала. Она, как и ты, видела Бориса, Мишу Козлова и его жену, светловолосую Олю. Видела это и Юля Зубовская, даже слышали их разговор о перепланировке квартиры...

– Значит, я ошиблась, – перебила Валентина сестру. – Прости. Это всё?

– Да ты даже соврала мне и о документах, которые якобы забрала в приёмной комиссии, тогда как на самом деле тебе их отдали намного раньше и в присутствии Риты. Почему ты так со мной? Разве я чем-то обидела тебя? Я же к тебе, как к сестре отношусь, а ты...

– А я тоже, – вновь перебила её Валентина. – Я шла за документами, а уже в университете вспомнила, что я их забрала, – выбиралась она из создавшейся ситуации, но всё равно оставалась в дурном положении. – А в части твоего Каневского... ошиблась. Так мне оказалось. И что? Меня казнить надо?

– В церковь ходить надо, если тебе кажется. Я уверена, что и сейчас ты пытаешься меня обмануть. Это нехорошо, Валя. Ты должна сказать мне правду. От неё зависит многое. Если у тебя чувства к Борису, так и скажи. Я на твоём пути вставать не буду. Но лгать мне и незаслуженно позорить его не надо.

– Знаешь, Даша, что я тебе скажу... А не пошла бы ты со своим Борисом в место, из которого вы оба родились. Всё пока.

Валентина бросила трубку и вульгарно выругалась, а потом вслух сама себе сказала:

– Погоди, сестрёнка. Это только листочки, а цветочки и ягодки впереди... Вы оба испытаете, какие они горькие. То, что я наметила, доведу до конца. А то... строит из себя умнее всех. Ты ещё сама докажешь, что не так чиста, как все полагали.

Она скривила губы, и холодная, злая усмешка покрыла её лицо. Посидев в кресле, поразмыслив, Валентина глянула на часы и стала собираться на встречу с Людой. Осмотрев соответствие маникюра и педи-

кюра, сделала тщательный макияж, надела цветастое платье с декольте, с глубоким вырезом, из-за краёв которого выглядывали манящие основания её груди, обула туфли на шпильках, покрутилась перед трюмо, оглядев сверкающие от крема средние части не прикрытых платьем бёдер, подмигнула сама себе и вышла из квартиры, прихватив с вешалки лёгкую блузку канареечного цвета, а заодно с тумбочки и кожаную красную сумочку. По пути она зашла в парикмахерскую, сделала вычурную причёску и канула в переполненном троллейбусе.

Люда уже уютно сидела в кафе за столиком лицом ко входу. Увидев входящую Валентину, помахала ей рукой, и та с улыбкой на лице присела на стул визави. После короткого обоюдного приветствия, Валентина спросила:

– Ты себе заказ уже сделала?

– И тебе тоже... Салат «Цезарь» и бутылку шампанского, – величественно произнесла Люда.

В процессе еды и распития шампанского, они фамильярно беседовали и с холодным равнодушием посматривали по сторонам зала. Обоих интересовало мужское присутствие, а холодный взгляд был лишь для вида. Обменявшись рассказами о прожитых месяцах и волнующих событиях за это время, Валентина осторожно начала продвигать свой интерес.

– Есть, подруга, одна непьющая работёнка в салоне дамских шляп... шучу. Надо одного клёвого парня завлечь.

– А в чём, Валюха, проблема? – с точки зрения специалиста в этой области спросила Люда.

– Я знаю, что для тебя проблем не существует, но он так хвастался, что не подвержен воздействию никаким девичьим чарам, – с вымыслом ответила та.

– А ты чего?.. Слабо?

– Не слабо. Дело в том, что он ухлёстывает за моей сестрой и одновременно глаз положил на других... и на меня в том числе, – сказала Валентина заранее приготовленными фразами, а потом, достав таблетку из сумочки, сунула её в рот.

– Понятно. Ты чего... колёса глотаешь?

– Голова почему-то разболелась.

– И кто он... этот недотрога? – поинтересовалась Люда, глаза её засветились, в лице появилась решительность, как признак, знаменующий её согласие на совершение подвига во имя подруги, и она добавила: – Гонорар будет?

Валентина грациозно подняла голову, окинула подругу пронизательным взглядом и на несколько секунд между ними воцарилась пауза. Со стороны стойки бармена лилась лёгкая успокаивающая музыка. В глазах Валентины сверкнул алчный огонёк, она многозначительно и строго произнесла:

– Гонорар с подруг не берут... если их таковыми считают. А вот с него попробуй... и чем больше, тем лучше. Тебя этому не учить.

– Ох, ох! Какие мы начальники... Слушай, подруга... если ты вздумала мною покомандовать, то напрасно. Ты меня знаешь. Я этого не переношу. В таком случае я умываю руки, и ты сама решай свои личные проблемы, – категорично заявила Люда.

Та осеклась, поняв, что слишком быстро и уверенно погнала коней и этим сама себя поставила в за-

труднительное положение. Она, глядя на подругу умоляющими глазами, подыскивала нужные слова, которые могли бы вернуть Людмилу в ранее согласительное положение. Однако бессвязное мышление не приносило желаемых результатов.

– Людка, ты чего? Я же в шутку. Избави Бог... Я и не думала командовать, – кроме этих слов ничего не смогла подобрать.

– Правда, Валюха?

– Вот те... крест, – и та размашисто нанесла на себя крестное знамение, только не справа налево, а наоборот, чего подруга не заметила, потому как и сама толком не знала, как правильно.

Людмила и сама-то не хотела отказываться от этой заманчивой акции. Её всегда неудержимо влекло всё новое ещё ею неизведанное. Кроме того, что она всегда тянулась к разным развлечениям, тусовкам, к разновозрастным мужчинам, финансовым ценностям, в её характере обнаружилось и другие утверждающие черты. Развивающиеся жадность и необузданность, а также тяга к лёгкой наживе заставляли её желаемое достигать любой ценой, кроме риска собственной жизнью. Не задумываясь, могла участвовать в любом заговоре и против Валентины, если ей хорошо заплатят.

– Ну, тогда лады, – согласилась она. – Когда покажешь своего клёвого? А дальше... моя забота. От тебя требуется отвечать быстро на все мои звонки и внести пятидесятипроцентный аванс в размере трёх тысяч, а остальные по завершению... Дружба дружбой, а табачок врозь... подруга. Наш, как это юристы выражаются... аутентичский договор основан на её величестве коммерции. По рукам?..

Та замялась, прикинув, что за всё это ей придётся выложить шесть тысяч собственных денег.

– Разъезды, потеря времени, угощения и прочее, – продолжила Людмила и добавила: – С тебя, как с подруги, я обозначаю мизером, а если бы ты была в другом статусе, то заплатила бы в три, а то и в четыре раза больше.

«Придётся соглашаться. Заработаю. Одна, в крайнем случае две встречи с клиентами, и эта сумма в кармане», – поразмыслила она и выпалила, как выстрелила:

– Согласна! – и спустя несколько секунд добавила: – Но надо подождать... Пусть Дашка начнёт на работу ходить.

Закрепив устный заговорческий договор рукопожатием, они в очередной раз чокнулись бокалами и выпили. Сложная паутина заговора в отношении Бориса и Даши была сплетена, осталось «тарантулу» завлечь в неё жертву и укусить. Врождённые склонности к лёгкому поведению обоих терпеливо ожидали результатов. Увлёкшись обсуждением заговора, они не заметили, что за соседний столик сели двое прилично одетых мужчин лет под восемьдесят на двоих, которые назойливо поглядывали на них, перешёптывались, а потом один из них, осмелившись, подошёл и предложил:

– Девушки, простите... вижу вы скучаете, и мы тоже, – он кивнул на приятеля. – Может, объединим столы? Вы нам расскажете о вашем чудесном городе, а если ещё и покажете... мы будем щедро благодарны.

Люда сделала масляные глазки, ощупала ими визитёра и, откинувшись на стул, пропела:

– Ко-ман-ди-рованные?

– Вроде того, – ответил незнакомец и тут же представился: – Я Вадим, а друг мой... Яша.

Валентина в это время стрельнула глазами на Якова, а затем на Вадима и, убедившись, что Вадим, судя по его внешности, чуть моложе и приятнее, постаралась опередить Люду.

– Я, Валя, – и обворожительно заглянув в его глаза, протянула руку.

Вадим взял её кисть, украшенную длинными лакированными ногтями и массивным перстнем, слегка лобызнул и, отвечая блеском глаз на тёплый манящий взгляд, промолвил:

– Очень приятно, – и сразу отпустил её руку, переводя взгляд на Люду.

Та, видя, что подруга клиента, как она любила выражаться, застолбила, вальяжно произнесла:

– Людмила.

Вадим после поцелуя её руки жестом подозвал официантку, которой велел всё со столика девушек перенести на их столик, а потом взял под руки обеих и привёл к своему столику. Вся процедура знакомства повторилась и с Яшей. Валентина подсуетилась и опустилась на стул рядом с Вадимом, чем вызвала внутреннюю бурю Людмилы. Той Яша не понравился, но она мысленно сама себя успокаивала. Валентина это заметила, и ей не понравилось поведение подруги. Вскоре обе, оказавшись во власти жажды получения удовольствия и магической силы лёгкого заработка, а уж Валентине безусловно срочно нужны были деньги для уплаты аванса, забыли обо всём неприятном и звонко смеялись от Яшиных анекдотов. Видя, что Яша

привлекательнее, если не лицом, то тем, что он, как принято говорить, является душой компании, Людмила освоилась и уже висела на его плече, а в мыслях, глядя на Валентину, прокручивала: «Радуйся, подруга, но добытые тобой денежки перекачуют в мой карман, а я, как покорный исполнитель твоей воли буду радоваться потом».

К закрытию кафе все четверо были изрядно выпившими, но мужчины не успокоились, взяли с собой ещё две бутылки армянского коньяка и две шампанского, а после вызвали такси и, согласившись с предложением Людмилы, уехали к ней на квартиру, где и была продолжена пьянка, после которой по парам разошлись по комнатам. Фривольное поведение Валентины закончилось тем, что Вадим крепко уснул, громко храпя, а её коварство перешагнуло все границы. Она осторожно встала с постели и обшарила все карманы одежды Вадима, в которых нашла внушительную сумму денег, половина которых сразу же оказалась под подкладкой её сумочки. Нашла она и паспорт, из которого узнала, что Вадим не в командировке, а москвич, проживающий в районе Марьиной Рощи. Все его данные и адрес проживания в том числе она на всякий случай переписала и, видя, что Вадим начал ворочаться, потихоньку легла рядом. Людмила тоже время не теряла и по-братски поделила содержимое кошелька Якова.

Проснувшиеся мужчины завтракать не стали, а быстро оделись и заторопились уходить, поглядывая на часы. Людмила застенчивостью не отличалась и была нахально дерзка на язык, а поэтому, видя, что они услугу ночи оплачивать не собираются, сделала круглые глаза и вымолвила:

– Чаевые даже в паршивом ресторанчике оставляют, а вы как будто к старым знакомым заглянули, переночевали и ходу!

Мужчины переглянулись, а потом, сунув руки в карманы, достали деньги и, поняв, что времяпрепровождение слишком дорого им обошлось, оставили на тумбочке по три тысячи рублей и, не прощаясь, молча ушли.

– Забирай, подруга, всё. Это мой аванс, – сказала Валентина, и глаза её засветились сметливостью.

Людмила, придавая лицу серьёзности в совокупности с собственным достоинством, положила деньги в свою сумочку, и обе громко и дружно захохотали.

VII. Признание в любви

Шли дни, недели и месяцы. Борис продолжал аккуратно посещать лекции и систематически навещать Дашу, а по вечерам ходил на занятия в секцию «Самбо». Любой день у него был насыщен занятостью. Отец, приезжавший навестить сына, удивился его настырности в учёбе и радовался перемене, вспоминая тяжёлые школьные годы Бориса. Общаясь с ним, он обнаружил в сыне редкий ум, необыкновенное хладнокровие, неудержимое стремление к учёбе и весомый избыток внутренней энергии. Глядя с высоты 1992 года, вспоминал осень 1991 года, когда Борис приезжал на десятидневный отпуск. Тогда он всячески уговаривал его не поступать в юридический, а пойти в строительный, но ему не удалось отвлечь сына от страсти ко всему сыскному. На правах отца попытался запретить, однако запрет ещё сильнее подтолкнул сына к цели, которого влекла прелесть запретного плода. Стремление и пристрастие Бориса к сыскному ремеслу после этого ещё сильнее усилились и стали одной из черт его настырного характера.

– Весь в деда, – говорил отец о сыне. – Тот до четвёртого класса такой же был. Всея родней ловили, чтобы отвести в школу, – рассказывал мой дедушка. Так и его строптивый и неуравновешенный характер исправляли применением телесных наказаний, чего

я, конечно, не делал со своим сыном. Жалко было. Разве, что несколько раз.

Ещё в расписаниях занятий курса не было таких предметов, как криминалистика и судебная медицина, а он купил эту учебники и, упиваясь, читал, дополняя прочитанным из брошюр «Следственной практики», которые брал под честное слово у следователя прокураторы Лапина, с которым случайно познакомился и подружился.

Ежедневная загруженность, занимающая у Бориса много времени, не смогла отдалить его от Даши, поставить её на второй план, и он, будучи одарённым матерью добрым, нежным и любящим сердцем, старался хоть на час, а навестить её, а та, если он по каким-либо причинам не приходил или задерживался, скучала, нервничала, выходя из себя, выглядывая, сидя у окна. Сидела она и в этот сотый раз. Её увлечение, как и его в том числе, продолжало расти и усиливаться с каждым днём. Сегодня стоя у окна, она поняла, что жизнь без Бориса не имеет смысла, и что любит его всей душой и сердцем. Убеждаясь в этом, она вдруг сделала для себя открытие, которое насторожило её: «Почему он до сих пор даже не попытался поцеловать меня?!» Естественно, Даша не знала, что у Бориса каждый раз посещения возникало неудержимое желание насладиться, впиться в её сочные и манящие губы, но он сдерживал себя и свои чувства, считая, что такой момент не наступил. Он боялся оказаться в глазах Даши нахальным и несдержанным, поэтому постоянно гасил в себе возникшие желания, дрожь и трепет своего тела. Идя в этот раз на свидание, он твёрдо решил: «Вот сегодня не я буду, если не поцелую».

Даша его встретила без костылей, но с палочкой. Он увидел её радостное лицо со счастливой улыбкой, сияющие глаза и успел только промолвить: «Здравствуй, Даша», – как она вдруг сделал шаг к нему, обхватила руками его шею и нежно поцеловала в губы. В один миг в Борисе пробудилась сильная страсть, прилив нежности выплеснулся наружу, и он, взяв её лицо в свои ладони, стал целовать губы, щёки, глаза, шепча:

– Родная моя, любимая, Дашенька... Люблю тебя всем сердцем и больше своей жизни.

– И я тоже, – еле слышно, мягко и трепетно ответила она.

Никогда ничего подобного она не испытывала, и Борис в её жизни был первым мужчиной, к которому потянулось её сердце. Она слышала сейчас его приятное биение и убеждалась, что возникшая страсть любви и нежности к нему носят характер созидания, а не разрушения, поэтому отдалась полностью его нежной ласке, объятия и поцелуи сладкой волной пронизывали влюблённых.

– Борь... у нас дверь осталась открытой, – прошептала она, почти теряя сознание от магической силы любви, оставаясь при этом неизменно прекрасной и отвечающей на мужские ласки, не выходящие за рамки дозволенного. Борис поднял Дашу и на руках занёс в зал, посадил в кресло, а сам встал на колени и смотрел на неё с видом провинившегося школьника. Даша обняла его голову и прижала к своей груди. Борис обнял её руками, а потом чуть отстранился и совершенно искренне произнёс:

– Дашенька, чтобы в жизни ни случилось, мы никогда не расстанемся. Ведь так?

– А что может случиться? – тревожно спросила та, желаящая полноты самых радужных надежд, и уголки её губ дрогнули.

– В жизни всякое бывает... Любящие становятся нередко объектом зависти, предательства со стороны друзей и подруг... оговора и хамства... непредвиденных случайностей да и многих других факторов...

– Ты правильно отметил. Поддерживаю целиком и полностью... а то я сразу твой вопрос, озвученный весьма таинственно, восприняла по-своему.

Даша сразу же вспомнила обман Валентины и подумала, что и Борис что-то знает об этом. Однако тот даже не догадывался. Увидев стоявшие за дверью костыли, он спросил:

– Ты уже без них обходишься?

– Да. Теперь с палочкой.

– Так скоро на работу?

– С понедельника следующей недели.

– Я рад этому... Бесконечно рад твоему выздоровлению. Да-а... тебе ведь теперь надо носить ортопедическую обувь?

– Вот хорошо, что напомнил. Врач мне об этом говорил. А где её взять-то? Не везде она продаётся.

– У тебя 37-й размер?

– 36-й...

– Завтра привезу тебе несколько пар, и ты выберешь, что понравится. Я уже нашёл такой магазинчик.

Дашу приятно удивила его забота, но в то же время она чувствовала неловкость и даже попыталась остановить Бориса, заявив, что это сделает сама. Однако тот был неумолим, сославшись на её хромоту.

Долго они ещё разговаривали на разные темы, а Борис, навёрстывая упущенное, то и дело целовал Дашу, гладил рукой волосы и трогал ласково пальцем её чуть вздёрнутый нос. Даша же, утопая в чувствах, что счастливее её нет на всём свете, не заметила, как пролетело их время... и тут вдруг раздался звонок в дверь. Она вздрогнула, испуганно посмотрела на Бориса, а потом на часы, тихо промолвила:

– Ничего не поделаешь. Когда-то это должно случиться. Сиди... я открою.

Это была мама. Она вошла и, конечно, заметила у входной двери мужские ботинки, спокойно спросила:

– У нас гость, дочка?

– Да, мама, – ответила та, волнуясь.

Борис вышел в прихожую и поздоровался:

– Здравствуйте, Нина Фёдоровна.

Та окинула его пристальным взглядом, лицо её расплылось в улыбке, и она, ответив на приветствие, добавила:

– Так вот кто меня целовал. Ну понятно.

– Это Борис, мама, – представила его Даша, было заметно, как быстро розовеют её щёки.

– Очень приятно.

– Мы вместе учимся... – попыталась смягчить ситуацию Даша, но Борис остановил её:

– Мне пора, – сказал он и стал обувать ботинки.

– А я думала, мы чайком побалуемся? – предложила Нина Фёдоровна. – Оставайтесь...

– Нет, спасибо. Через час начинаются занятия в спортивной секции, которую я посещаю, а опаздывать там не принято, – и Борис, тепло попрощавшись, ушёл.

Нина Фёдоровна пристально посмотрела на дочь, которая под её взглядом стала ещё краснее и задорно произнесла:

– А что... мне он понравился. Хороший парень... уважительный, застенчивый, значит добрый. Я лично хотела бы, чтобы у меня был такой зять. Любишь?

– Ну, мама, – растерялась она.

– Ответь на мой вопрос.

Даша замялась, помолчала несколько секунд и несмело ответила:

– Да, мама.

– Хотя я и сама всё это вижу. На твоём лице, дочка, всё отражено. Дай-то Бог... Молю его о твоём благополучии.

Даша лишь улыбнулась счастливой и милой улыбкой.

На следующий день после занятий Борис носился по городу в поисках ортопедической обуви и еле нашёл более-менее подходящие туфли летние и осенние. Заплатив за три пары тех и других с договором, что после примерки не подошедшие вернёт, он поехал к Даше. Подходя к двери, взглянул на часы, догадался по времени о возвращении с работы её матери. Так и получилось. Она и открыла ему дверь, ответив на приветствие.

– О-о! А это что? – удивлённо вскрикнула Нина Фёдоровна, увидев шесть коробок в его руках.

– Даша должна выбрать, – сказал Борис и позвал Дашу, а когда та пришла, попросил: – Ты выбери летние и осенние, а остальные сейчас же я увезу в магазин... там меня ожидают.

– Ну, Борь... ну зачем ты, – начала та, краснея от неловкости, но увидев его решительное лицо, стала мерить и выбирать по паре летние и осенние.

Видя, что Нина Фёдоровна выходит из комнаты с деньгами в руках, он схватил четыре коробки с неподошедшей обувью, открыл дверь, помахал обоим рукой и побежал по лестничному маршу.

– Вижу у вас, дочка... на полном серьёзе, – сказала мать, опустив руки, глядя с улыбкой на Дашу.

От денег за обувь Борис категорически отказался и после, но забота о Даше на этом не закончилась. С первого дня её выхода на работу и так ежедневно он вызывал такси к дому Даши, и либо сам успевал к этому времени или встречал её возле университета и рассчитывался с таксистом. Даша тогда не знала, что он по вечерам дважды в неделю, пропуская спортивные занятия, ходил на железную дорогу и разгружал уголь, цемент и прочее, зарабатывал деньги на Дашины переезды от дома на работу и обратно. Как не пыталась она вернуть деньги Борису, всё оказалось безрезультатно... Но наша жизнь состоит из простых вещей. И такая трепетная забота с любовью и нежностью трогала до глубины души, все порывы влюблённого исходили прямо из сердца.

VIII. Похищение Бориса

Проводив после эротических услуг очередного заплётного мужчину и пошелестев купюрами, Валентина была недовольна размером платы, а поэтому, скривив лицо, зло посмотрела на дверь, за которой тот скрылся, после чего сердито бросила деньги в ящик тумбочки. Растянувшись на ещё тёплой после бурно проведённой ночи постели, она окунулась в размышления: «И что это меня взбесило? Ну дал хоть это, и слава Богу, а ведь бывает, что иной, получив своё, и уйдёт, а я остаюсь несолоно хлебавши... Да ещё своим кулачищем по мусалу съездит. Надо потихоньку откладывать и копить деньги, а потом хорошую квартиру купить, чтобы своя была. Поменьше ненужных трат надо. Ага... Ещё Людке половину надо за этих... Бориса и Дашку. О-о! Как они там? Не вышла ли на работу? Тогда мы с ней погрызлись. Надо позвонить. В лоб не ударить, а информацию получу», – прокручивала она свои мысли.

Кинув взгляд на часы, стрелки которых показывали половина восьмого утра, она соскочила с постели, набрала номер. На другом конце послышалось «Алло!» и она узнала голос Даши.

– Привет, сестричка! – как ни в чём не бывало поздоровалась Валентина.

– Здравствуй, – коротко и без восторга ответила та.

– Ты чего обиделась? Ну, прости меня, паразитку... Буркнула не подумавши... второпях. Ты же знаешь, что было... можно сказать, невзначай. Я тебя люблю. Как ты себя чувствуешь? На работу скоро?

– Неделю уже как работаю.

– На костылях? Или бросила?

– С палочкой.

– А как же ты до работы...

– Борис привозит и отвозит, – оборвала её Даша.

– Да ты что? Каков молодец, – Валентина недовольно скривила лицо, прикусив от злости губу.

Даша специально так сказала ей об этом, чтобы не донимала, не вынашивала никаких расчётов и надежду в отношении Бориса.

– Молодец. Спасибо ему не только от меня, но и от мамы.

Последние слова Валентину вывели из себя окончательно. «Ишь ты она упивается счастьем, а я как бы этого не заслуживаю. А ведь я первая с ним познакомилась. Нет уже, сестричка. Не выйдет. Отниму я его у тебя. В крайнем случае, разрушу до основания то здание любви, которое ты в своих мыслях сооружаешь», – пронеслось в её голове, и сразу же пропало желание вести дальнейший разговор... она еле произнесла:

– Удачи тебе, сестрёнка. Я тоже собираюсь на занятия... Бывай, – после чего положила трубку.

Валентина медленно опустилась на стул и на миг впала в забытие. Соприкоснувшись теперь уже вплотную с существующей действительностью, видя, что события проносятся мимо неё чередой, сменяя одно другим, она вспомнила, что не раз прибегала к раз-

личным уловкам, стала напрягать свои извилины, как воспрепятствовать контактам Бориса и Даши. Её сатанинский нрав, врождённая чёрствость души, затронутое самолюбие и упрямство, сопряжённые с алчностью, взбалмошностью и неудержимым распутством, на этот раз проявили себя в полном объёме. Вскочив с места, стала ходить по комнате, кусая ногти, а потом, остановившись перед трюмо, заглянула в свои сверкающие злобой глаза, решительно промолвила:

– Ну что ж... не будем воспринимать происшедшее трагически. Привозит и отвозит это ещё не конец всему. Будем действовать.

Подойдя к телефону, набрала номер Людмилы, а когда та подняла трубку и сонным голосом недовольно ответила, Валентина выругалась, назвав её пожарной лошадкой и потребовала встречу.

– Не раньше шести вечера... там же, – спокойно, зевая, ответила Людмила.

– Наш изуверский замысел должен действовать с сегодняшнего дня, – заявила Валентина и хотела ещё что-то добавить, – Слышь, Люда...

– Объяснишь ситуацию... решим потом, – перебив её, та положила трубку.

Выругавшись и назвав её сучкой, посетовала, что та взяла деньги и уже забыла про то, что должна сделать.

Валентина оделась, захлопнула дверь и ушла. Пока ехала на троллейбусе, снова и снова всплывали слова Даши, что Борис привозит и увозит её. «Ага! А вот тут-то надо подумать. Что если Бориса как-то отвлечь, а не получится... отстранить, даже принудительно... к

примеру, физически, а за Дашей приедет другой. В пути ведь всякое может случиться. Увезет её в какую-нибудь квартиру, да в Людкину же можно, а там задействовать фотоаппарат... да ещё подпоить её чем-то. Думаю, Борису такие фотки не понравятся. О-о! А с Борисом можно сделать тоже самое. Сегодня с Людкой подумаем, с кого лучше начать», – размышляла она.

Будучи на лекциях, Валентина тупо смотрела на лектора, а сама думала всё о том же. В её мозгу болезненно вырисовывались то одна, то другая схемы заговорщических действий, и она пришла к выводу, что надо повернуть так, чтобы ни в коем случае не засветиться самой. Осязаемая своими планами, она еле дождалась конца занятий и поспешила в кафе на встречу с Людмилой. Та уже, как всегда, была там. Валентина изложила ситуацию и своё видение в разных вариантах в части исполнения заговора, а в конце спросила:

– Ну, как? Толк есть? А... Люд?

– Есть всегда. Вопрос в другом. С кого начнём? Каково твоё мнение, Валюха?... – и немного помолчав, предложила: – Давай с него, а она будет в резерве, если вдруг что-то сорвётся с ним.

– Хорошо... Если же с ним, то его надо приволочь в хату, а у меня сейчас нет возможности. Хозяйка в своей делает ремонт и пока временно живёт у меня в соседней комнате. Смекнула?

– Тогда мою можно использовать. Я там наведу марафет... уберу все свои фотки и всё прочее. Как? Пойдёт?

– В общем-то да... Нам ещё надо подумать, как не загреть в кутузку, и как Бориса сделать послушным. Он какое спиртное пьёт?

– Вот этого не знаю.

– Надо мужиков подключать. Как я поняла, Борис идейный, и просто его завлечь не удастся, поэтому только так. Есть у меня на примете толковые пацаны. Сделают всё как надо. Только они потребуют плату... за организацию и доставку на квартиру, а там уже наша с тобой работа. Как, ты готова?

Валентине, конечно, не понравилось то, что возникнут непредвиденные расходы, но, не видя другого выхода, согласилась. После они обговорили все детали. Людмила, руководствуясь инстинктом самки и силы собственной воли, а не голосом человеческой рассудительности и разума, в конце изложила свой план действий, а потом твёрдо заявила:

– Сколько у тебя ключей от квартиры? Одни надо мне. Завтра и начнём.

– Зайдём вот в этот магазин. Там на первом этаже есть мастерская... закажем один экземпляр.

– Идёт. Теперь... завтра под конец занятий ты должна быть в университете, встретить Дашку и поддерживать её любыми путями, пока мои ребята будут заниматься с Борисом. Они встретиться не должны. Смекнула? Я имею ввиду Дашку и Бориса.

Валентина вдруг ощутила непонятную дрожь в теле и возникшее в душе беспокойство.

– Всё это связано с чрезвычайным риском? Как ты думаешь? – вместо ответа спросила она.

– А ты как хотела? Мои парки церемониться с ним не станут. Упакуют и доставят куда надо. В подобных обстоятельствах могут использовать, как эфирную жидкость, так и весомую свинчатку, которой хлопнут по колчану и в салон мордой. Они знают, чего хотят,

и всегда добиваются своей цели. Нас, подруга, обстоятельства заставили прибегнуть к этому, – сказала Людмила и, подняв глаза, устремила их в зал, а потом вскрикнула: О! А вот и мои пацаны, – и помахала им рукой.

К их столу подошли двое дюжих парней лет по двадцать пять среднего роста, одетых в тёмные утеплённые куртки.

– Это моя подруга... Валя, – представила Людмила подошедшим: – А это, – и она указала на парня со шрамом через всю правую щёку, – Игорь, а его друг... Слава, – она указала на второго.

Те сняли куртки, с головы спортивные шапки, положив на свободный стул, сели за стол. Тут же подошёл официант, принял заказ, после чего удалился. Людмила повела разговор о предстоящей акции и поставила Игоря и Славу в известность. Те для вида выразили несогласие, а потом, почувствовав запах денег, согласились.

Обдумав все детали действий, Игорь на салфетке написал цену вопроса, выразившуюся в тысячах, и сказал:

– Как для вас, девушки? Для других цена была бы значительно выше.

– Надо уменьшить, – твёрдо заявила Валентина и добавила убеждающим тоном: – Клянусь, ребята, столько нет, – после чего по её лицу пробежала лёгкая тень досады.

Она, конечно, солгала, но ей никак не хотелось платить больше, притом вспомнила, что по завершению надо уплатить и Людмиле три тысячи. Но эти тысячи к концу 1992 года, когда финансово-экономический

кризис охватил всю страну, превратились в простую бумагу.

– Ну, а сколько есть? – спросил Игорь Валентину.

Та взяла салфетку и ниже означенной суммы написала свою. Парни переглянулись. Игорь что-то сказал на ухо Славе, потом выдал своё веское:

– В связи с тяжёлым положением народа и вакханалии в стране... согласны... но это опять же ради вас.

– Спасибо, – в глазах Валентины сверкнула торжествующая искра.

Игорь со Славой снова о чём-то пошептались, а потом Игорь, сделав масляные глаза и улыбку подхалима, предложил:

– Есть мнение народа... сегодня как следует отдохнуть, а завтра окунуться в совместную работу, о которой утром обговорим ещё раз. Как на это смотрите?

Обе сразу же согласились. После чего все приняли решение взять спиртного и закуски и перекусить, как выразился Слава, в квартирную обстановку. В связи с тем, что по известной причине квартира Людмилы не подходила, все приехали в съёмную однокомнатную Валентины. Маленькая кухня, еле вмещающая двух человек с малогабаритной мебелью, не позволила расположиться, поэтому они вынесли стол в комнату, приставив его к кровати. Стол тоже отвечал размерам кухни, в связи с чем бутылки со спиртным поставили на прикроватную тумбочку, на которой стоял будильник с замысловатым колокольчиком наверху и бегущей белой секундной стрелкой по чёрному циферблату. На столе возникли четыре тарелки и принесённое из кафе яство.

Ночь, проведённая в разврате, казалось, прошла быстро, хотя все проснулись ближе к десяти утра, и после чаепития Игорь и Слава ещё раз обговорили ход действий, а в конце Игорь заявил:

– Одним словом, наша миссия заключается в том, чтобы доставить объект сюда, и мы умываем руки... Да-а... и перед вашим приходом напоём его водочкой вот с этим, – и он достал флакончик... – чтобы покрепче спал. Я правильно понял наши действия?

– Именно так, – заявила Валентина, сделав милое лицо тому и другому, потому как переспала с обоими поочередно, как и её подруга.

Этот день Валентине казался длиннее всех. Её занятия закончились, и она слонялась по городу, то и дело поглядывая на часы, боясь проворонить Дашу.

Людмила целый день отсыпалась в её квартире, а ближе к вечеру пришла к университету на Садово-Кудринской, где и должно всё случиться.

Игорь и Слава заправили бензином его выдавший виды «жигулёнок», замаскировали номерные знаки, легко наклеили на стёкла разные ненужные рисунки, но предназначенные для того, чтобы невольных свидетелей сбить с толку.

Все в назначенное время были на условленном месте, после чего Валентина заняла своё место вблизи аудитории, где Даша слушала лекцию и отсюда должна была направиться в лаборантскую, а затем выйти к Борису, который как всегда поджидал бы её возле такси. Непосредственные исполнители заговора сидели в своём автомобиле, припаркованном у тротуара, нервно ожидая прибытия Бориса. Валентина днём раньше показала его Людмиле, и сейчас та, про-

хаживалась вблизи «жигулёнка», должна была указать на Бориса исполнителям.

Назначенное и предполагаемое время истекло, а Бориса всё не было. Все начали нервничать. Тем временем, Даша, выйдя из аудитории, подошла к окну и глянула на улицу. Такси у заветного места не стояло, и она направилась в лаборантскую. Валентина, прячась за спинами студентов, последовала за ней, и когда та зашла в кабинет, осталась поджидать её выхода. Глянув в окно, она увидела, как подъехало такси, и к нему подошёл Борис, что-то сказал водителю, а потом стал прохаживаться по тротуару, поджидая Дашу. В этот момент та вышла из кабинета, помахав кому-то, наверное, Рите, рукой и направилась к лестничному маршу.

– Дашенька! – окликнула её Валентина и быстро подошла к ней. – Здравствуй, сестричка.

Та ответила на приветствие и вопросительно посмотрела на неё.

– Ничего, если я займу одну минуту? – продолжила Валентина.

– Ничего. Я слушаю.

– Есть предложение посидеть в кафе и выпить по фужеру шампанского в честь нашего примирения. Как ты?

– Прости, Валя... Меня Борис ожидает, да и с палочкой... в кафе... как-то для меня не приемлемо.

Насчёт палочки та словно и не услышала, а вот на Борисе остановилась:

– Так ты его пригласи, и посидим втроём. Я и перед ним извинюсь за свою никчёмность.

В это время Людмила, пройдя мимо Бориса, показала кивком головы исполнителям, и из салона «Жи-

гулей» вышли Слава и Игорь. Слава первым, пошатываясь, направился к Борису и умышленно сильно задел его плечом, отчего тот чуть не упал.

– Ты чего? Напился и перед собой людей не видишь? – возмутился Борис.

– Что?.. Что ты сказал? – с изображённой злостью выдавил из себя Слава и стал наступать на него.

Борис оттолкнул его от себя, но Слава успел схватить его за рукав. Между ними началась возня. Борис в силу своей спортивной подготовки располагал возможностью дать достойный отпор напавшему, но не хотел развязывать драку и сам попал в западню. Подошедший сзади Игорь одной рукой обнял Бориса за шею, а второй рукой прижал к его рту и носу тряпку, пропитанную эфирными средствами. Тот обмяк, руки опустились, его в несколько секунд затолкали в автомобиль и уехали. Это заметила Валентина, бросив короткий взгляд через окно, и кивнула Даше, мол, я задала вопрос, отвечай.

– Нет. Давай в другой раз. Спасибо тебе, Валя, но мне домой надо. Швея, что шьёт мне платье, придёт снимать мерку, – ответила Даша.

– Ничего себе... Хорошо живёшь, сестра... Домой из ателье на примерку...

– Да не из ателье. Она соседка наша и на дому выполняет заказы... сама понимаешь, какова жизнь сейчас... голые полки... Люди стали миллионерами, а миллионы копейками.

– Ну, ладно. В другой раз, так в другой, – сказала Валентина, умышленно сделав обидчивое лицо.

– Да ты не обижайся, Валь. Я честно тебе сказала. Правда... домой надо. В другой раз мы с Борисом тебя пригласим.

«Смотри-ка, как запела... Мы с Борисом... как будто уже муж и жена. А вот тебе...» – подумала и, заложив руки за спину, сделала фигу.

– Ладно тогда... идём... Провожу тебя к Борису, а сама поеду домой.

Вальяжно разговаривая с Дашей и стараясь отвлекать её внимание, Валентина с тревогой в душе поглядывала по сторонам, разыскивая Людмилу. Увидев её чуть в стороне, сразу успокоилась и заторопилась.

– Всё. Пока, сестричка. Привет твоим... Побегу, – и чмокнув её в щёку, быстро пошла прочь, незаметно жестом руки показывая Людмиле следовать за ней.

Даша подошла к такси и, увидев, что в салоне и вокруг машины Бориса нет, обратилась к водителю, который сидел за рулём, щёлкая в кулёк семечки.

– А парень, который вызвал такси, где? – спросила она, опираясь на палочку.

Тот опустил окно, переспросил, что она хочет, а потом, услышав вопрос, ответил:

– Когда я подъехал, он подошёл ко мне, объяснил, что ждёт девушку... наверное, вас, и прогуливался по лёгкому морозу. А потом, глянув в зеркало заднего вида, я увидел его в обществе мужчины, который стоял ко мне спиной, потом я отвлёкся, и куда они делись, не знаю... Так он для вас вызывал такси?

– Для меня, – в недоумении ответила Даша, озираясь вокруг, продолжая глазами искать Бориса, а потом прошла по тротуару и, не понимая что произошло, вновь подошла к водителю и расстроено промолвила: – Ну, куда он делся?!

Тот посмотрел на неё и недовольно изрёк:

– Куда, куда... ушёл по своим делам. Ну что... поехали? Или как?

– Поехали, – ответила Даша, глубоко вздохнула и села в машину на заднее сиденье.

Тем временем Игорь и Слава вытащили Бориса из машины, взяли под руки и повели в подъезд. Навстречу им из него в этот момент вышла женщина и удивлённо посмотрела на них.

– Не подрасчитал, братишка, – сказал Игорь, кивая на Бориса, голова которого покачивалась на груди, а ботинки ног волочились по асфальту, заметённому снегом.

Женщина покрутила головой, как будто выражая сочувствие и, не сказав ни слова, пошла дальше.

Затащив в квартиру, они бросили его на кровать, после чего Слава стал раздевать его, а Игорь готовить «коктейль» для дополнительного удара по мозгам Бориса. Каждый из них делал запланированное, как потенциальные специалисты грязного дела, нагло и бесцеремонно вторгшиеся в чужую жизнь. К приходу Валентины и Людмилы они успели доделать свою работу поразительно быстро и не были застигнуты врасплох, а сидели за столом, допивая оставшееся после ночи спиртное, а Борис совершенно голый недвижимо лежал на разбросанной постели.

– Как? И без нас... – огорчённо взвизгнула Людмила, увидев исполнителей за столом.

– Вам тоже осталось, не волнуйтесь, – бросил через плечо Игорь и тут же добавил. – Расчёт, и мы погнались. Наша миссия закончилась.

Валентина полезла в шифоньер, достала записку, быстро отсчитала и принесла:

– На вот. Могли бы в честь знакомства и не брать с бедной девушки... к тому же после тесных и тёплых отношений, – жалостливо сказала она.

Он взял деньги, посчитал, а потом, подняв глаза на Валентину, промолвил:

– Отношения отношениями, а табачок врозь. То было... приятно и нам, и вам, а это плата за работу.

После этого схватил её за талию, повалил на кровать рядом с Борисом и, не стыдясь присутствующих, стал совершать развратные действия. Слава и Людмила, отвернувшись, допивали оставшееся спиртное. Игорь, как ни в чём не бывало, закончив своё дело, поднялся, кивнул головой Славе и направился к выходу, но перед тем, как открыть дверь, повернулся к девушкам и с угрозой в голосе предупредил:

– Надеюсь, вам не надо разъяснять, что язык надо держать за зубами. Вы нас не знаете и не видели... Не то... – и он ребром ладони провёл по горлу.

– Мог бы это и не говорить, – обидчиво ответила Людмила. – Сами знаем... Но потом этого куда? – и она кивнула на Бориса.

– А нам какое дело? Сами решайте, – ответил грубовато Игорь, и они ушли.

Девушки остались одни, глядя на голое тело Бориса.

– А он ничего, – промолвила Людмила, улыбаясь, а потом спросила: – Ну что... начинаем? Пока не очухался.

– Давай, – решительно ответила Валентина.

Они обе разделись догола и поочередно в разных позах ложились рядом с Борисом, взваливая его на себя, имитируя позы так, как сами хотели. Каждая по-

очередно фотографировали всё происходящее, но только те позы, которые якобы подтверждали умышленное действие Бориса. Когда всё было закончено, Валентина оделась и приготовилась уходить, а Людмила, не одеваясь, сидела на краю кровати и задумчиво смотрела на подругу, а потом спросила:

– И долго мне придётся в этом виде здесь торчать?

– Пока не проснётся и не придёт в себя, – ответила Валентина, осматривая квартиру с тем, чтобы ничего не осталось, что указывало бы на её проживание здесь.

– А вдруг он вообще не проснётся?

– Как это? – Валентина вздрогнула, устремив глаза на подругу.

– Как. А вот так. Они ему дали какой-то дури, а потом ещё и здесь добавили. Вон видишь флакончик... Забыли... Идиоты.

– А что теперь делать? Непростительная глупость... Зачем было ещё и это давать? – сказала Валентина, не на шутку испугавшись.

Она взяла флакон и бросила его на верх шифоньера, а Людмила окинула взглядом скудно освещённую комнату, которая ей показалась убогой, неудобной, раздражал стоявший неприятный запах. Её охватила мысль, что за мелкие гроши она совершает что-то позорное и низкое, сердцем овладела полнота тревожных предчувствий, и она тихо простонала:

– Надо что-то делать...

– Что? – тревожно спросила Валентина.

– Давай его приводить в чувство, а как только он начнёт приходить, ты уйдёшь.

В этот момент зазвонил телефон. Это был Игорь.

– Ну как там наш узник? – спросил он Валентину, поднявшую трубку.

– Да плохо. Сколько вы ему влили этой гадости? – возмутилась она.

– Самую малость с водкой, чтобы не подох. Скоро очухается. Успокойтесь, – и бросил трубку.

После всего происшедшего с Борисом возле университета прошло два часа, и сейчас ещё битый час они возились с ним, протирая его тело водой, вливали в рот разбавленные капли корвалола. Наконец, он стал медленно подавать признаки пробуждения, Людмила поспешила лечь рядом, а Валентина торопливо покинула квартиру.

Укрывшись одеялом, Людмила стала ласкать Бориса и всем телом прижиматься к нему, надеясь на окончательное его пробуждение. Он действительно вскоре открыл глаза и с минуту смотрел на неё тусклым взором, а потом окинул жилище и, удостоверившись, что он не дома, резко оттолкнул от себя незнакомку, тихо спросил:

– Ты кто?

Людмила скривилась, трубочкой вытянула губы, но с лаской в голосе пропела:

– Ты чего, Боря... знакомились, пили, сам раздел меня, и сам разделся, а теперь задаёт такой глупый вопрос!

Тот почувствовал, что она совсем нагая, заглянул под одеяло на себя и как ошпаренный сорвался с кровати, но голова закружилась, и зашатавшись, он упал навзничь поперёк кровати. Людмила стала быстро одеваться. Борис смотрел в потолок, который то приближался к нему, то удалялся, переворачивался. Бо-

риса то бросало в дрожь, то становилось жарко. Начались рвотные позывы, сопровождаемые болями в животе, сохло во рту.

– Воды, – еле слышно простонал он.

Людмилу волновало, чтобы с Борисом всё было нормально, и она незамедлительно метнулась на кухню и принесла ему стакан воды из-под крана. Борис жадно выпил, после чего прикрыл одеялом своё тело. Полежал минут пять с закрытыми глазами, а затем медленно поднялся и, сидя на кровати, свесив ноги на пол, стал разглядывать квартиру. Его болезненный взор скользил по шифоньеру, стенам с грязными обоями, окну... взгляд остановился на будильнике, что стоял на тумбочке.

– Двадцать третий час? – произнёс он с дрожью в голосе и глянул на тёмное окно, прикрытое светло-коричневой шторой, из-под которой выглядывала ажурная тюль, тускло освещаемые подпотолочной лампочкой, потом перевёл взгляд на Людмилу, что стояла у стены, прижав обе руки к подбородку, и спросил: – Ты кто?

– Люда я, – тихо и виновато ответила та, а сама, глядя на Бориса, подумала: «А он красавчик. Влюбиться в него по самые уши раз плюнуть».

– Как я здесь оказался?

– Мы познакомились возле университета...

– Возле университета? – насторожился Борис, прервав её и сам задумался. В его мозгу всплыла потасовка. – Я дрался? С кем?

– Дрался. Ты нечаянно задел мужчину, – продолжила плести паутину Людмила. – Между вами началась драка... Подоспел ещё один. Они были тобой сильно избиты, но один из них, изловчившись, ударил

тебя, и ты упал на тротуар... наверное, сильно ударился головой, а те стали вызывать милицию. Мне стало тебя жалко... Помогла подняться, посадила в такси и привезла к себе... Мы кушали... пили... отдыхали... это всё.

Борис, глянув на стол и увидев на нём всего по четыре: стаканы, тарелки, вилки, уже намеревался по этому поводу задать Людмиле следующий вопрос, но та предугадала и опередила его:

– Подруги мои вдруг заявили, побыли недолго и ушли, – молниеносно сориентировалась она, придумав такую версию, как выход из ситуации.

Борис опустил голову и, преодолевая головную боль, стал напрягать свои извилины, но ничего вспомнить не мог. Покрутив головой, он поднял взгляд на Людмилу и попросил:

– Позволь мне одеться.

Та, забрав несколько тарелок со стола, пошла в кухню и стала мыть посуду, а он, отбросив одеяло, взял с пола свою одежду и с поражающей медлительностью начал одеваться. Его вдруг охватила сильная усталость, он с трудом оделся, было желание упасть на эту постель и уснуть мёртвым сном, но инстинкт самосохранения подсказывал другое, требуя немедленного ухода из этой незнакомой квартиры. Он встал, пошатываясь, направился к выходу, но в это время из кухни вышла Людмила.

– Может, останешься... Ну куда ты в таком состоянии на ночь глядя? – несколько настороженно предложила она.

Борис остановился, окинул девушку хоть и болезненным, но пронизательным взором, – перед ним хо-

лёная ненасытная самка, – его реакция была спокойной, но жёсткой:

– Твои изъяснения по поводу происшедшего показали мне настолько странными, что я всячески буду стараться найти объяснения про своё присутствие здесь, да ещё в таком состоянии.

– Ох, ох! – вскрикнула возмущённо Людмила. – Я его спасла от милиции и это мне благодарность? Да я...

– Что-то здесь не так... Не мог совершить противозаконные действия, – оборвал он её, – тем более сознательно уехать с тобой в эту квартиру, бросив свою девушку, нуждающуюся в моей помощи. Твои пояснения весьма загадочны и таинственны. Мне показалось, что ты исполняешь возложенные кем-то обязанности сторожевой сучки, и это объясняется столь удивительно лёгким приёмом моей персоны...

– Что ты мелешь? – теперь она его перебила, тут же возмущённо добавила: – Вместо того, чтобы сказать спасибо, ты ещё пытаешься обвинить меня в чём-то. Вот те на... Дождалась. Напился как свинья и всё на свете перепутал, а винишь других, – в дополнение обозвала его чурбаном, размазнёй и импотентом.

– Я, Людмила, виню себя за то, что позволил такое устроить с собой, а в твои бредни не верю. Во-первых... были бы у тебя благие намерения, то я, конечно, не был бы раздет до ногиша, а во-вторых... спиртное я не пил... чувствую по себе. Не люблю эту гадость. Это ведь легко проверить путём обращения куда следует, что я и сделаю, – парировал Борис, открыл дверь и вышел.

Нервы Людмилы сдали. Она стала подавленная, стояла с разинутым ртом и уже была лишена возмож-

ности защищаться. «Какие же мы дурры... Надо было его водкой напоить. А в части раздевания... надо было после фотографирования одеть его, и сейчас было бы всё в ажуре... Всё непродуманно. Неужели он пойдёт туда, куда сказал? Не-е, не осмелится», – размышляла она, и в этот момент зазвонил телефон, это была Валентина.

– Ну, я долго буду мёрзнуть на улице? Как он там? – возмущённо спросила она.

– Ушёл он... только что. Приходи... обрадую, – ответила Людмила.

Та долго не заставила себя ждать. Заявившись, она вопросительно уставилась на подругу, та же расстроенная ходила взад-вперёд по комнате, а потом, остановившись, выпалила:

– Плохо дела. И зачем только я связалась с тобой? Да нахрена мне это надо за эти копейки? – а потом до мелочей рассказала всё.

Неприятное возбуждение охватило Валентину, от неё повеяло нескрываемой враждебностью, а Людмила продолжала:

– Я тебе скажу... он очень умён... что-то догадывается. Со мной Борис был не сдержан на язык. Его язвительный и вызывающий тон раздражал меня... но опять же... у него настолько тонкое мышление, что я подумала, он помнит всё происшедшее с ним. В каждом его слове прослеживалась грозящая нам катастрофа.

– Успокойся, подруга. Всё, что он тебе наговорил... вздор и бессмыслица. Никуда он не пойдёт, а ушёл от нас по твоим словам с таким видом лишь потому, что уразумел своё положение. Думаю он, как и другие

мужчины, вряд ли отличается склонностью к постоянству и сейчас побаивается скандальной огласки.

Они ещё долго рассуждали по этому поводу, успокаивая друг друга, хотя одновременно обе знали рискованность своих неправомερных действий, что было совершенно очевидно. Однако ценная мысль их рассуждения так и не посетила. Далеко за полночь они улеглись спать, оставив свои догадки в размытом состоянии.

IX. Проверку ведёт Лапин

Утро Борис встретил с нестерпимой головной болью, мучительной тошнотой и общей слабостью. Однако неуёмная сила духа не давала ему расслабиться. Вся неизвестность, которая произошла с ним, не давала ему покоя, поэтому он, преодолевая боль, решил прямо с утра навестить следователя межрайонной прокуратуры юриста 2-го класса Лапина и посоветоваться о своих дальнейших действиях. Но прежде всего вызвал Даше такси, а потом позвонил ей. Она как будто сидела у телефона и ожидала его звонка, тут же взяла трубку. Поздоровавшись, Борис, стараясь скрыть тревогу в голосе, сказал сдержанно и спокойно:

– Дашенька, прости меня за вчерашнее... и сегодня ты поедешь без меня... Я тебе потом всё объясню.

– Что случилось? – настороженно спросила та.

– Не по телефону... Первую пару занятий мне придётся пропустить, а потом увидимся.

– С тобой всё в порядке?

– Да, Даша, не волнуйся... Ну до встречи.

Повесив трубку, Борис вышел из телефонной будки, остановил такси и уехал к Лапину. Тот был уже в своём рабочем кабинете, подшивая уголовное дело, которое окончил расследовать и собирался передавать для утверждения обвинительного заключения

прокурору. Увидев в дверном проёме Бориса, он добродушно воскликнул:

– О-о! Боря! Заходи, дорогой.

Поприветствовавши друг друга и обменявшись тёплым рукопожатием, каждый поинтересовался состоянием здоровья, успехами в учёбе и работе, а после Борис обуздал инициативу беседы:

– Серёжа, ты извини, чтобы не отрывать надолго тебя от столь важной работы, а меня об учёбы, буду предельно краток... Нужна твоя помощь в реальном виде, либо совет специалиста. Речь пойдёт лично обо мне... Дело в том, что вчера вечером я попал в про-сак...

– Чтобы, Борь, предать твоему повествованию характер реальности и детальному пониманию, давай не с середины или конца, а сначала и как можно подробнее, – перебил его Лапин, усевшись напротив.

Тот до мельчайших подробностей, насколько они ему были известны, рассказал, а в конце спросил:

– Что это могло быть? Как ты думаешь?

Лапин, встал, прошёлся по кабинету, трогая пальцами в ходе молчаливых размышлений нижнюю губу, а потом, остановившись перед Борисом, рассудил:

– Да-а! Загадка... с тремя неизвестными... Потасовка с одним, сзади появился второй и девка третья. Не случайность, братишка... Заказ, как пить дать.

– Но чей? Кому я дорогу перешёл?

– Стало быть, перешёл. Подумай. Повспоминай всё до мелочей. И тогда незначительная мелочь превращается в весомое направление к разгадке.

– Да я уже о чём только не вспоминал, но увы...

Лапин продолжая расхаживать по кабинету, резко поднял руку и этим прервал Каневского, а потом вслух начал анализировать:

– Ты, Борис... помнишь, что возле университета ожидал Дашу, и что началась потасовка, но не помнишь из-за чего... и с кем. Что было дальше, тоже не помнишь? Что пил, ел тебе не ведомо, как оказался в неизвестной тебе квартире не знаешь, но место нахождения квартиры запомнил хорошо... Давай-ка мы начнём плясать от исследования твоей крови и обследования твоего тела. Нет ли на нём телесных повреждений, свидетельствующих о нанесении ударов, вызвавших потерю сознания и памяти, а потом пойдём дальше... поговорим с Дашей... что она скажет... Навестим хозяйку квартиры... Как ты её назвал?

– Людмила. Больше ничего о ней не знаю. На вид... холёная самка, наглая и самоуверенная... палец в рот не клади.

– Одним словом, начнём с первого, а там война фронт покажет, – сказал Лапин, подошёл к телефону и стал набирать номер, а когда на другом конце ответили, он просиял, сделал добросердечное лицо:

– Наталья Васильевна, доброго вам здоровья, Лапин побеспокоил, – выслушав её ответ, улыбнулся и продолжил: – С моим лучшим другом случилось непонятное происшествие с потерей памяти... ваша помощь требуется.

– Разве я когда-либо вам отказывала? Жду ваши процессуальные документы и подлежащий исследованию объект, – ответила та.

– Я почему и звоню вам, потому что кровь его исследовать надо без наших документов, а возникнет

необходимость, я это дело наверстаю, и уже начнём в порядке, основанном на законе. Если мы подскочим, я объясню всё не по телефону... Можно?

– Приезжайте, а то толком ничего не понять.

Не прошло и полчаса, как они были уже в бюро судебно-медицинской экспертизы. В кабинет сначала зашёл один Лапин, рассказал ситуацию случившегося с Борисом и, получив добро у Натальи Васильевны, позвал Бориса. Не найдя на его теле следов физического воздействия, у него взяли образцы крови для исследования, после чего назначили обратиться за результатом на следующий день ближе к вечеру.

Выйдя из здания, сели в машину Лапина, он о чём-то размышляя, слегка побарабанил пальцами по рулю и потом решительно заявил:

– Куй железо пока горячо... не зря эта пословица бытует... Едем к твоей Даше. Она где? Дома или...

– В университете, – опередил с ответом Борис.

– Она работает или учится?

– И то, и другое.

Прибыв в университет, они узнали, что лекция по теории государства и права только началась, и, конечно, Даша сейчас в аудитории. Тогда Лапин открыл дверь, вошёл и, подойдя к удивлённому лектору, представился, а потом попросил разрешения забрать с лекции Дашу. Тот, соглашаясь, кивнул головой, а Лапин тут же обратился к присутствующим в аудитории:

– Кто из вас Даша?

Та, опиравшись на палочку, поднялась, сделав удивлённые глаза, и ответила:

– Это я.

– Прошу вас выйдите в коридор на несколько минут, – сказал Лапин, поблагодарил лектора и пошёл к выходу.

Выйдя из аудитории, Даша увидела Бориса, лицо его было бледным и выражало тревожное состояние. Преисполненная радостных чувств от встречи с любимым, она бросилась к нему и засыпала вопросами:

– Борь, что случилось? Ты в порядке? Куда ты делся?

Лапин представился Даше и не дал возможности Борису ответить на её вопросы, а сам ввёл в курс происшедших событий. Девушку охватила беспокойная взволнованность, что-то холодное коснулось её сердца... она медленно опустилась на стоявшую у стены скамейку, лицо выражало тревогу и сильное переживание за родного человека. Посмотрев на Бориса, она спросила:

– Тебе сейчас плохо?

– Не волнуйся. Все нормально, – уклончиво и виновато ответил Борис, опустив взор.

После случившегося ему было стыдно смотреть ей в глаза. Уже после того, как он покинул ту злополучную квартиру, прошло четырнадцать часов, и всё это время он никак не находил слов, чтобы оправдаться перед Дашей. И сейчас он подумал: «Что я скажу ей? Как объясню то, что я голый оказался в постели этой самки? Умолчать? А вдруг... Нет. Сегодня всё ей расскажу».

– Может, кто из студентов видел происшедшее на тротуаре? Не бытуют ли такие разговоры среди ваших? – спросил её Лапин.

– Нет. Впервые сейчас услышала от вас.

– А вот когда вы оказались возле такси, не заметили ли что-либо вызывающего? Таксист не говорил вам о случившемся?

– Мы с Валея спустились со второго этажа, возле такси простились... Ничего такого я не заметила... кроме отсутствия Бориса. Единственное, что сказал таксист – это то, что Борис разговаривал с каким-то мужчиной и вдруг исчез.

– М...да... – произнёс Лапин и задумался.

Патетический вид не покидал Дашу. Её мозги напряжённо работали, она несколько раз останавливалась на Валентине, но тут же прогоняла эту мысль, вспомнив, что она и её, и Бориса приглашала в кафе, собиралась совершить благие намерения извиниться перед ним. Так и не найдя для себя ответа, она глубоко вздохнула.

– Придётся поехать на ту квартиру, в которой ты оказался, – вдруг заявил Лапин и, не ожидая ответа Бориса, спросил Дашу: – Вы с нами, Даша?

– Однозначно, – ответила та.

– Тогда прошу к моей тачке.

В пути Борис несколько раз путался в расположении жилого дома и, наконец, сообщил:

– Да, это он.

У Даши словно оборвалось всё в груди, волнение усилилось, а в голове пронеслось: «Не может этого быть».

– Ты твёрдо уверен? – спросила она Бориса.

– Конечно. Вот из этого подъезда я вышел и пошёл по вон той дорожке к остановке. Там ещё кто-то пакет с мусором оставил, и я подумал, что за невоспитанность, – ответил тот, а выйдя из машины, сделал не-

сколько шагов по тропинке среди кустов пожухлой сирени и добавил: – Ну, вот тот пакет.

«Может быть, Борис укажет другую квартиру», – подумала Даша, решив пока ничего не говорить... Лапин предложил подняться к квартире...

В этот день Валентина не пошла на занятия и была дома. Проявив изворотливость и предусмотрительность, она в целях маскировки происшедших в квартире действий, сделала перестановку мебели, занесла стол на кухню, оставив тюль на окнах, сняла шторы и сунула их в стиральную машинку, развернула кровать, передвинула с огромным трудом шифоньер, подложив под его ножки тапочки, этим облегчив движение, развешала и расставила повсеместно свои и родителей фотографии, переставила по другому горшки с цветами. Одним словом, приведя квартиру в состояние неузнаваемости, почти закончила работу, прошла в прихожую, потом захотела посмотреть в окно и от того, что увидела, чуть не потеряла дар речи – Борис, Даша и незнакомый мужчина идут к подъезду и вот-вот зайдут в него. Проверив, закрыта ли дверь на замок, и убедившись в этом, она затаилась, решив не открывать.

Тем временем Борис привёл всех к двери той самой квартиры и твёрдо заявил:

– Это здесь, – и указал на дверь.

Даша обомлела. «Какая же подлая всё-таки Валентина», – подумала она и тут же объявила:

– Это квартира моей двоюродной сестры Валентины, но я ничего понять не могу. Ты, Борь, не ошибаешься?

– Твёрдо уверен, – ответил тот. – Но в квартире была не она. Я ведь её хорошо знаю.

Лапин раз за разом нажимал на кнопку звонка, однако дверь никто не открыл и не обнаруживал своё нахождение в квартире.

– Она на занятиях, будет вечером, – объяснила Даша.

– Значит... давайте мы заявимся вечером, – сказал Лапин и, уже спускаясь по лестнице, спросил Бориса:

– Если та дама была не сестра Даши, то кто тогда?

– Не знаю. Может, ключи кому-то дала, – ответил тот.

Услышав удаление голосов, Валентина подошла к окну и осторожно стала выглядывать, а когда увидела их отъезжающих на автомобиле, кинулась к телефону и набрала номер Людмилы.

– Ты знаешь, у меня сейчас были гости. Людка, я боюсь. Что мне сказать? Они придут вечером, – парализованная страхом дрожащим голосом сообщила она.

– Кто эти гости? Толком можешь объяснить и не дрожать как лист на ветру, – спокойно потребовала та.

– Борис, Даша и незнакомец. Может, он из ментовки?! Что, если я к тебе пока переберусь, а они подходят да перестанут...

Передозировка совершенной подлости заставила Людмилу, да и Валентину хоть на мгновение, но задуматься, насторожиться, почувствовать надвигающуюся ответственность за содеянное. Разнузданная распушенность и вышедшая из-под личного контроля похоть главенствовали над ними, и девицы находились в их постоянной к тому же неизменной власти. Как и их сверстницы, они, несомненно, стремились к лучшему будущему, ожидая ежедневно выгодных для

них результатов. Однако забывали о своём как дальнем, так и вчерашнем прошлом, усеянном развратом и утонувшем в плотских страстях. Плывая в мутной воде по жизни и существуя однодневными, по их пониманию, прелестями, ни Валентина, ни Людмила не задумывались о чистоте своей личности, об ущербе, нанесённом им же дурной славой, бытовавшей среди знакомых и незнакомых людей. Но сейчас, когда судьба наступила им на хвост, обе, хотя и по разному, задумались, к сожалению, не над осмыслением подхода к правильной жизни, а о том, как бы доплыть до берега и спастись.

– Ко мне, Валь, ты переехать не сможешь. Я же тебе говорила, что в квартире временно живёт хозяйка... Давай-ка подумаем, как нам обезопасить себя... Черт меня дёрнул влезать в эту историю...

– Но что... что практически делать? Как быть? – закричала в трубку та.

– Так... прежде всего, успокоиться. Если в состоянии нервозности и спешно строить фортификационные сооружения, несомненно наделаем непоправимых ошибок... Значит, так... Борис был в твоей квартире, но тебя не видел, а видел только меня... Так? – не ожидая ответа, Людмила продолжала размышлять вслух. – Так... Что мы делаем? Я сейчас же иду в салон... крашу волосы в другой цвет, изменяю внешность, чтобы не дай-то Бог опознание не произошло где-то на улице или в кафе, а ты, подруга, всё измени в квартире... до неузнаваемости, это раз... А два – это веди себя спокойно и уверенно. Ну придут... Ну и что? У этого Борьки шары на лоб... либо в растерянности, а из тебя возмущение так и прёт... Постоят в недоуме-

нии и уйдут. Вот и всё. Так что перестань пописывать в трусики и успокойся. Всё спишется на Бориса и его болезненное состояние... А он всё-таки красив, подлец... Так он во мне и не побывал. А жаль. Так ты поняла то, что я сказала?

– Поняла. Да, это выход, – согласилась Валентина и добавила. – Я уже марафет навела... не узнаешь. Главное, мне не показывать вида и быть спокойной.

– Молодец. Не дрейфь, Валюха... Хотя, – она задумалась и через несколько секунд озвучила: – Мы могли бы и по-другому поступить, ничего не предпринимая... У меня сейчас живёт хозяйка, и я попросилась к тебе на время... Ты в этот день была куда-то приглашена, уехала, навестила своих родителей и так далее... Я же, проходя мимо, увидела драку. Двое убежали, а третий лежал на асфальте... Я его и привезла в квартиру... с его согласия, естественно... и мы отдыхали. Этим бы я полностью разрушила всё, что связано с Борисом. Может, так поступим? Я готова.

– Ага... поступим... А вдруг у него уже исследовали кровь и обнаружили там ту гадость, которой напоили его твои пацаны, как ты их называешь.

– Они, подруга... как мои, так и твои теперь. Ну-у, ты вообще-то права. В этом случае взяли бы меня за зад и в допер.

– А это куда?

– В тюрьму... Это я по-украински выразилась. Ладно. Давай, оставляем первый вариант. Он более надёжный.

– Уважаю тебя, Людка, за смелость, решительность и рассудительность... И сейчас всё, что ты сказала, бесспорно, составляет суть твоих рассуждений в нашу пользу...

– Да ладно тебе, – оборвала её та. – Смелость и безрассудство не похожи друг на друга. Я тоже трусиха, как и ты, но мне всегда помогает рассудительность. Ну пока, подруга. Позвонишь, когда твои гости уйдут. Открывай им сразу... с улыбкой на лице... радушно... и всё будет в ажуре.

Для Валентины день тянулся долго. Ближе к вечеру, беспредельно взволнованная и встревоженная, она не находила себе места. Мечась по комнате и систематически подходя к окну, ожидала появления нежелаемых гостей, желая, чтобы те побыстрее явились и так же ушли, чтобы нависшее чёрное небо над головой посветлело, но их всё не было, и она с беспокойством бросала взгляд на циферблат будильника. Глянув в очередной раз на него, вспомнила, что этот будильник был подарен ей Дашей на день рождения два года тому, и хотела было убрать, но подумав, оставила на прежнем месте. В очередной раз подойдя к окну, увидела Дашу, Бориса и незнакомца, ощутила, как болезненно заколотилось её сердце, в теле появилась дрожь – предвестник нелёгкого предстоящего разговора.

Тем временем Лапин возле самого входа в подъезд остановил Бориса и, применив свой профессионализм, предложил:

– Ну-ка опиши словесно квартирную обстановку, а мы с Дашей сравним при входе.

Тот рассказал, где какая мебель находится, какие шторы на окнах, о том, что мельком увидел на кухне и на вешалке, даже не забыл о будильнике с колокольчиком. После этого все поднялись к квартире, и Лапин нажал на кнопку. За дверью послышались шаги, и она открылась... в проёме стояла Валентина в белом ха-

лате с жёлтой полоской на нагрудном и боковых карманах. Лицо её выразило удивление, а потом расплылось в сооружённой наспех улыбке.

– О-о! Дашенька, Боря, входите! – наигранно воскликнула она, стала в сторону, показав рукой вовнутрь квартиры. – Прошу вас.

Борис, ещё раз глянув на халат Валентины, подумал: «Точно такой же был на той самке». Войдя в квартиру, он окинул её взглядом и опешил. «Неужели я ошибся?!» – пронеслось в его голове. Лапин обвёл глазами всё в квартире и, видя несоответствие рассказу Бориса, вопросительно посмотрел на него. Тому стало неловко, глаза его забегали и вдруг остановились на будильнике.

– Тот же будильник. Я его хорошо запомнил, – вырвалось радостно из его груди.

Валентина, удивлённо подняв вверх полувыщипанные и накрашенные чёрной тушью брови, спросила:

– В чём дело? Ты какое отношение имеешь к этому будильнику? Мне его Даша подарила.

– Кроме вас в этой квартире ещё кто-то живёт? – поинтересовался Лапин, опередив с ответом Бориса.

– Только я, – ответила Валентина, продолжая стоять с изумлённым видом перед вошедшими. – А в чём собственно дело? Кто-то из вас может мне объяснить?

Лапин повернулся к Борису и задал ему прямой вопрос, от ответа на который зависела развязка:

– Это она была?

– Нет, – ответил тот. – Я её знаю, но то была другая... Однако хочу сказать, что всё, что происходило со мной... это было именно здесь, в этой квартире... Хотя мебель переставлена, но была она же. На окне

висели коричневые шторы... Я вижу тот же будильник и халат, который был на той девице, сейчас он на Валентине...

– Да что, в конце концов, происходит? – закричала та, и лицо её стало бардовым.

– Дело в том, что, как поясняет Каневский, в этой квартире он находился, когда его доставили с места происшествия. Но как вы уже поняли, здесь была другая женщина, одетая в ваш халат, и он опознаёт его и мебель, будильник, в том числе... Что можете пояснить? Я следователь прокуратуры, – представился в конце заданного вопроса Лапин.

«Вот дура я. Не могла убрать будильник. И этот халат ещё напялила», – подумала она, но ответила возмущённо:

– Да бред рябой кобылы. Он что... совсем рехнулся. Может, он был этажом выше? Или ниже? Или в другом доме? – а потом, повернув голову к Даше, сердито произнесла: – Ты с какой целью их сюда притащила.

– Не я. Борис привёл к этому дому и указал на твою квартиру, – спокойно ответила та.

– А ты его покрепче привяжи к своей юбке... чтобы не шастал по другим бабам... А сейчас... пошли все вон, – потребовала Валентина указывая пальцем на дверь. – Я не желаю слушать эти бредни.

– Вы свой паспорт предъявите, и мы уйдём, – предложил Лапин, доставая авторучку из кармана пиджака, находившегося под расстёгнутой курткой, а из папки лист бумаги.

Валентина с гневным видом достала из шифоньера паспорт и резким движением сунула Лапину. Тот переписал все необходимые данные, вернул и напра-

вился к выходу. Все последовали за ним. У выхода Даша повернулась к Валентине, смерила её возмущённым взглядом, и тихо, чтобы слышала только она, произнесла:

– Ну, ты Валя, и сволочь.

– Да ты...

– Заткнись, – оборвала её Даша и продолжила: – Посмотри на свой пол. На нём всё написано... как ты с целью сокрыть всё передвигала мебель, а шторы торчат из стиральной машинки. Никогда мне больше не звони и не приходи. Видеть тебя не хочу, – заявила она и захлопнула дверь, оставив за ней оторопевшую сестру.

Оказавшись на лестничной площадке, Даша обнаружила отсутствие Бориса и спросила о нём у Лапина.

– Он поднялся этажом выше...

А Борис уже шёл к ним по лестнице.

– Нет... Там дверь обита дерматином... И всё-таки всё происходило именно здесь, – он указал на дверь Валентины, посмотрел на Дашу, заметил её угнетённое состояние: – Ты чего, Даша?

– Ничего. Идём отсюда, – ответила она и быстро направилась к выходу.

Подожли к машине, и Даша первой села в салон, а Борис тихо спросил Лапина:

– Что ты думаешь по поводу нашего посещения?

Тот бросил взгляд на него и тоже тихим голосом ответил:

– Дождёмся результатов исследования крови и потом всё обсудим, а сейчас... по домам.

Дашу Лапин отвёз первой. Она как-то второпях попрощалась и расстроенная ушла.

Когда отъехали от её дома, Лапин глянул на Бориса, с сожалением в голосе промолвил:

– Расстроилась Даша. Наверное, не надо было её вовлекать в нашу предварительную проверку этого злополучного факта.

– А без неё как?.. Я думаю, она не поверила Валентине и поэтому расстроилась. Я тоже ей не верю. Если мебель поставить так, как я её видел, то однозначно квартира эта... я в этом уверен.

– Да. Я заметил на полу следы свежего передвижения мебели. Если ты прав, то они заранее и в спешке готовились к нашему приходу. Не исключено и то, что когда мы были здесь в первый раз... нас видели, но не открыли дверь. Готовы не были и заматали следы... И поскольку ты Валентину знал и ранее, то в её квартире могла быть подруга, которую установить будет нетрудно. Завтра после занятий приезжай ко мне... покумекаем.

Ночь прошла для Бориса в полудрёме. Мучили головные боли и размышления о случившемся. Проснулся с измученным лицом, вызвал такси и поехал за Дашей. Ожидая её, прохаживался возле такси по тротуару, заметил, как заиндевели веточки кустов и деревьев, но ничто не могло отвлечь от тревожных мыслей, он постарался взять себя в руки, как никогда хотел быстрее увидеть Дашу. Но при встрече его расстроило подавленное состояние любимой... она попросила Бориса на такси за ней больше не приезжать, объяснив это тем, что теперь уже в состоянии ездить как обычно городским транспортом.

Он хотел было поговорить с ней обо всех висевших и не решенных вопросах, но разговор не клеился. А к

вечеру узнал от Лапина, что в крови обнаружен синтетический препарат, относящийся к клофелину или клонидину, который крайне опасен для человека, особенно при приёме с алкоголем.

Х. Паника

Пятый раз Валентина пыталась дозвониться до Людмилы, но та не подходила. В очередной раз слушала ждущий гудок, уже было хотела положить трубку, как вдруг послышался хриплый сонный голос:

– Да. Кто это?

– Дед Пихто, – со злостью выкрикнула Валентина. – Ты чего трубку не берешь? У тебя скоро аппарат взорвётся от напряжения от моих звонков.

– Ну, устала. Ну и что? Чего разоралась? Чего хотела? – грубо ответила Людмила.

– Сама же просила позвонить, как эти уйдут. Вот и звоню.

– Ну и что? Как всё прошло?

– Да хуже некуда. Всё плохо, Люда. Не знаю, как быть и что делать. Даша раскусила нас с тобой. Чем это кончится, неизвестно. И этот... прокурор сделал хитрую рожу и, ничего не сказав, ушёл, но я догадываюсь, что он всё понял, и теперь надо ожидать вызова.

– И как ты настроена? Вдруг вызовут, что скажешь?

– Понятия не имею.

– Сдашь меня... с потрохами? Вижу, что события развиваются со скоростью уже видимой катастрофы... и ты расколешься до задницы. Угадала?

– Надо встретиться и подумать, как быть, что делать и что говорить. Мы должны в одну дудку дуть.

Людмила молчала, сопя в трубку. Её мозг работал, как вычислительная машина. Если Валентина обладала узким кругозором, эгоистической психологией и никудышным мышлением, то та, наполненная неукротимой энергией, могла управлять как своими чувствами, так и объемной рассудительностью, допуская при этом нередко грубость и бестактность.

– Завтра на старом месте... Ты идёшь на занятия?

– Надо. Я же сегодня прогуляла.

– А вдруг тебя вызовут прямо с института? Что тогда? Лучше не ходи, а послезавтра приходи с завязанным горлом и сошлись на ОРЗ... Давай так... я с утра встречу с пацанами... потолкую с ними, а ты подгребай в кафешку часам к двенадцати. Сможешь?

– Другого выхода нет. Буду... кровь из носа. Не то загремим обе под фанфары... в тюремные апартаменты.

До одиннадцати часов дня Валентина не знала, чем заняться и как успокоиться. С неудержимой навязчивостью не покидали мысли о вызове в прокуратуру, возможное предстоящее разбирательство выводило из равновесия, а беспокойство, что вот-вот заявится тот прокурорский работник с пронизательными глазами, заставляло её то и дело подходить, крадучись, к окну. Когда же стрелки всё того же будильника показали одиннадцать, она быстро собралась и покинула квартиру, несмотря на то, что до кафе, где была намечена их встреча, можно было пешком дойти за пятнадцать минут.

Тем временем Людмила с раннего утра занималась изменением своей внешности: перекрасила волосы и сделала их волнистыми, ресницы искусственно стали

длиннее, чуть изменила форму бровей и на левой щеке на уровне носа посадила лжеродинку, и уже в таком виде встретила с Игорем и Славой. Те на первой минуте не узнали её, чем породили в ней прилив радостного удовлетворения, а потом высказали своё недовольство по поводу назначенной встречи.

– Это будет первый и последний раз, что ты выдернула нас по своим личным проблемам. Повторится подобное, мочку уха вместе с серьгой отрежу, – с возмущением заявил Игорь. – Свои проблемы решайте сами. Поняла?

– Угу, – ответила Людмила.

– Выкладывай... что там у вас стряслось? И побыстрее... время – деньги, – Игорь насупился, сделав глаза колючими.

Она озвучила со всеми подробностями сложившуюся ситуацию, а в конце попросила:

– Вот я и подумала... Может, вы подскажите, как нам быть? А... Игорёк... Славик?!

Игорь немного задумался, а потом потребовал её записную книжку, и когда она достала из своей сумочки, резким движением выхватил из её рук, полистал, нашёл листок, где были записаны контактные телефоны, вырвал, после чего демонстративно сжёг.

– Вот так, Людка... Когда понадобится, мы сами тебя найдём... Повторяю второй раз, и третьего не будет... Вы нас не знаете. Назовёте ментам, – убьём. Теперь о вас обоих. Ты, как я вижу, уже подсуетилась до неузнаваемости. В этом плане и следуй дальше. Что же касается Вальки... то передай ей... Если откроет рот, голова её будет валяться в кустах под окнами. Тебя она не знает или же не видела несколько меся-

цев, а на квартиру пустила девушку... Людю... с Украины или Белоруссии приехавшую... жила она три дня или более, сама же в это время жила у родителей по причине их болезни. С родителями пусть этот вопрос обговорит, и те, если потребуется, подтвердят. Вернувшись в квартиру, обнаружила хаос, отсутствие Людки и кое-каких вещей, а тут и гости с ментом явились. Вот и всё. Пусть ищут. Да и искать никто не будет. Этот наш... подопытный не подох же... Ну потаскают её чуток и забудут. Поняла?

Та кивнула головой и подумала: «И зачем я этих дундуков вызвала. Сама могла додуматься, а сейчас ещё потребуют заплатить им». Она как в воду глядела. Игорь действительно потребовал плату за вызов, и ей пришлось раскошелиться.

Людмила шла на встречу с Валентиной в плохом настроении. Расстраивало, что связь с ней приносит непланируемые расходы, проблемы и неприятности, закралось намерение постепенно прекратить с ней всякие контакты и расточительную дружбу. С этими мыслями она вошла в кафе, где уже за столиком сидела Валентина, увидев угрюмое выражение лица подруги, спросила:

– Что, так плохо? А, Люд?.. Паникуешь?

– Ужасно плохо. Сегодня же иди в прокуратуру с повинной. И будь, что будет. Бери всё на себя, – с холодным безразличием та выдала шутку за истину и тут же нарвалась на колкость.

У Валентины широко расширились глаза, накатила вулкан гнева, и она выпалила:

– Ты... прирождённая авантюристка или конченная идиотка? Может, ты засунешь свой язык в то ме-

сто, о котором не принято говорить? Если я пойду с повинной, тебе мало не покажется, и мне придётся, говоря языком твоих пацанов, расколоться на полную катушку.

Людмила расхохоталась, потом промокнула салфеткой выступившие слёзы, с игривым, но твёрдым видом сказала:

– Вот видишь, какая ты надёжная?.. Да-а... Не сестра ты Зои Космодемьянской... Значит, выдашь с потрохами?

– А ты как думала. На себя как я возьму, если ты была с Борисом, и он это знает.

– Да пошутила я. Вот ты, Валюха, настоящая идиотка. Шуток вообще не признаёшь, и сдержанность убежала от тебя... Не надо было мне встречаться с этими, а самим бы поразмышлять над собственной обороной. Лишние финансовые затраты понесла только и всего.

– А почему? – уже спокойно и сочувственно спросила подруга, а сама подумала: «Сейчас будет просить деньги».

Людмила обозвала Игоря и Славу остолопами, болванами и живодёрами, а когда израсходовала все эмоциональные боеприпасы, поведала о высказанных ими советах. Валентине эта версия пришлось по нраву. Откинувшись на стуле, придав телу внушительную осанку, она с восторгом изрекла:

– А что? Это идея.

– Значит, ты согласна?

– Полностью.

– Вот иди с повинной, как я и сказала тебе.

– Зачем это я пойду? Вызовут... скажу.

– Нет, подруга. Ты начни с Даши. Позвони ей, успокой и расскажи ей о той украинке или белоруске... кого ты выберешь. А она сразу скажет Борису, а тот тому прокурору... и может так случится, что тебя даже вызывать не будут.

– Сегодня же позвоню. Вот хорошо, что ты меня надумила. Спасибо, Люда.

– Такой валюты я не встречала, а вот возместить пятидесятипроцентную плату этим дундукам за вызов... тебе придётся. Я же не могу за всё сама рассчитывать.

«Она представляет собой обалденный образец типичной самоуверенной и непревзойдённой хамки», – подумала Валентина, но, узнав размер суммы, ей пришлось согласиться, одарив подругу доброй и одновременно глуповатой улыбкой. Увидев эту улыбку, Людмиле пришлось целиком и полностью согласиться с чуть ранее посетившей её мыслью о прекращении всяких контактов с Валентиной. Карие плутовские глаза выдали её настроение, и Валентина поняла, что своим поведением причинила подруге неприятность, но какую именно, она и не пыталась разгадать. Пообещав при следующей встрече поучаствовать в возмещении ущерба, Валентина с румянцем на лице попрощалась с Людмилой и направилась домой. В глубине её души зародилась буря. Предстоящие расходы только отдаляли цель приобретения жилья.

Возвратившись в квартиру, она ещё раз обдумала свои действия и позвонила Даше. Та выслушала её с мучительным чувством физического отвращения и, ничего не сказав, положила трубку. Это нисколько не обидело Валентину, наоборот, она была довольна тем,

что Даша выслушала её и теперь несомненно всё передаст Борису, а тот по цепи дальше. Положив трубку, она с ехидством улыбнулась и громко сама себе сказала:

– Кто хочет добиться положительного результата, тот применяет все дозволенные и недозволенные средства.

А за окном в это время день сменяла наступающая ночь, темноту которой рассекало городское освещение.

XI. В банде Кореня

Неумолимо проходили дни... месяцы...

Как-то ближе к вечеру Игорь и Слава, возвратившись из Мытищ, куда они второй раз неудачно навывались с целью встречи с местной братвой, решили поужинать в первом попавшемся ресторанчике. Припарковав своего забрызганного грязью «жигулёнка» рядом с чёрным «джипом», Игорь окинул его жалким взглядом и направился в сторону входа, куда двумя минутами ранее пошёл Слава. Выйдя из-за угла, он увидел перекрывших собой вход двух дюжих верзил в кожаных куртках, а перед ними жалко выглядевшего щупленького Славу.

– Не пускают, – доложил он подошедшему Игорю и добавил: – Говорят спецобслуживание. Это что может означать?

– А то, что никакого спец... здесь нет. Братва отдыхает, – ответил тот и, уже обращаясь к верзилам, попросил: – И мы в стороночке не мешая... похаваем¹ и по-тихому свалим².

Как только Игорь приблизился, тут же две руки дюжих парней упёрлись ему в грудь. Который чуть повыше и мордастее, сузив глаза, с угрозой грубо выразился:

¹ Покушаем – (воровск. жаргон)

² Уйдём – (воровск. жаргон)

– Забирайте свой обгаженный драндулет и убирайтесь прочь... пока вам кости не переломали.

– За метлой следи³, – ответил Игорь и посмотрел на их руки, сжимавшие одежду на его груди.

– Хочешь по-плохому? Это можно...

Дальше мордастый не договорил. Игорь сложил пальцы в полусогнутые кулаки, после чего одновременно нанёс резкий удар в область горла обоим. Те опустили руки, захрипели, с глазами навывкат, корчась, упали перед дверью. Он перешагнул через них и, повернувшись к Славе, сказал:

– Идём, Сыч.

Кличку Славы он назвал впервые после освобождения из исправительно-трудовой колонии, где они в одном отряде отбывали наказание за совершённые грабежи. Освободился Игорь в июне, а месяцем позже и Слава. Его он и встретил. Поначалу договорились прекратить преступную деятельность, завязать, если выражаться лагерным жаргоном. Однако судимости не позволили это сделать. На работу никто не принимал, милиция постоянно сидела на хвосте и дёргала их, проверяя по каждому совершённому преступлению. Деньги, выданные в ИТК закончились, а жить не на что, да и зима надвигалась. Пришлось взяться за старое. Пока они промышляли вдвоём, но проявляли попытки найти устойчивую группировку и войти в неё.

Оказавшись внутри ресторана, их встретила лёгкая трогательная музыка, льющаяся от барной стойки. Столики для посетителей были пустые, лишь за одним

³ Не допускай оскорблений – (воровск. жаргон)

из них в глубине зала в правом углу вальяжно сидели двое и за другим, чуть в стороне, четверо. Игорь и Слава, сделав несколько шагов, присели за первый попавшийся стол. На них сразу же обратили внимание те, что сидели вчетвером, и двое из этой компании направились к ним.

– Вам, что... разве не сказали там за дверью, что ресторан пока не работает? – спросил один из них, в глаза бросалась его нижняя губа, рассечённая узким рубцом шрама и, не дожидаясь ответа, повернувшись ко второму, повелительно распорядился, кивнув головой на входную дверь: – Посмотри.

– Сказали, – ответил спокойно Игорь и добавил: – Но мы деликатно объяснили, что мешать не будем, похаваем в сторонке... и сразу же уйдём. Они любезно согласились и пропустили нас.

В это время вернулся гонец. Подойдя, он взволнованно сообщил:

– «Вырублены» оба.

Тот, что со шрамом, левой рукой схватил Игоря за плечо, а второй тут же попытался нанести удар в лицо, но не успел, – не поднимаясь со стула, он резким движением руки завладел рукой нападавшего и, выворачивая её, одновременно нанёс удар по его ноге каблуком своего ботинка. Спустя секунду меченый шрамом лежал на полу. Второй выхватил пистолет, но Игорь успел вскочить, выбить пистолет и ударом в подбородок уложить его на пол. После чего, подобрав оружие, сел на стул. Повернув голову, увидел, что к ним бегут двое, на ходу доставая пистолеты, но окрик от стола вальяжно сидевших заставил их остановиться. В это время, покашливая и держась за горло,

вошли в кафе «вырубленные». Парень со шрамом медленно поднялся, а за ним и другой.

– Сухой! – слышалось от стола, где сидели двое. – Вместе со всеми подойдите ко мне.

Игорь протянул Сухому пистолет, а когда тот взял, произнёс:

– Извините, братва. Я же говорил, что мы потихому похаваем и свалим. А вы не поверили и набросились, – и в сторону официанта, стоявшего возле стойки бармена, крикнул: – Подойти, мил человек...

Один из двоих, что сидели отдельно, кивнул головой, и этот разрешительный кивок официант принял к сведению и быстро направился к столику Игоря и Славы. Заказав еду, а из напитков минеральную воду, они сидели в ожидании своего заказа.

– Не менты ли? – в полголоса спросил Слава, кивая на пострадавших.

– Менты так не отдыхают. Вот те двое, похоже, воров в законе... Во всяком случае, тот, который оставил тех двоих, кинувшихся к нам, а остальные торпеды⁴. Скоро пойдём на сближение. Я это чувствую.

Его предсказание сбылось. Как только Игорь попросил официанта рассчитать их, тот сначала подошёл к столику, где сидели те двое, выслушал одного из них, потом, подойдя к столу Игоря, сказал:

– Вот чек... Вас просили подойти к столу вон те двое, – и глазами указал направление.

– Обоим? – спросил Игорь, выкладывая деньги на стол.

– Нет. Только вам.

⁴ Охранники – (лагерн. жаргон)

Игорь поднялся и направился к ним. Приближаясь, обратил внимание, что один из них, которого он уже обозначил как вора в законе, был лет пятидесяти с полудысой и полуседой головой, а другой значительно моложе с буйной тёмной шевелюрой и круглой родинкой у левого угла массивных губ. Поздоровавшись по лагерному и выслушав ответ в том же виде, Игорь остановился возле стола в ожидании, что будет дальше.

– Я вижу, ты по фени ботаешь⁵... Сколько отсидок? – спросил лысоватый.

– Две.

– Когда откинулся⁶?

– Летом прошлого года, – и Игорь тоже поинтересовался: – А ты кто, уважаемый?

– Корень я... слышал?

– Доводилось.

– С тобой кто? – спросил Корень, кивнув в сторону Славы.

– Кореш мой, Сыч... Вместе срок тянули.

– Бакланы, щипачи, барыги⁷?

– Гопники⁸.

– Сейчас под кем ходите?

– Свободные... как ветер.

– Твоё погоняло⁹?

– Колун.

⁵ Говоришь по блатному – (лагерн. жаргон)

⁶ Освободился – (лагерн. жаргон)

⁷ Хулиганы, воры, карманники, спекулянты – (лагерн. жаргон)

⁸ Грабители – (лагерн. жаргон)

⁹ Кличка – (лагерн. жаргон)

Корень посмотрел на сидевшего рядом собеседника и засмеялся. Лицо того тоже расплылось в улыбке, и, кивнув на охранников, он сказал:

– Похоже... Кликуха соответствует.

– Где научился бакланить? – продолжал Корень.

– Посещал школу боевых искусств, а после тренировался втихаря у хозяина¹⁰ на заре.

– Есть работа для тебя... Как смотришь?

– Бабло¹¹...

– Обижен не будешь, – прервал его Корень.

– Базар¹² только обо мне? А кореш? Без него не согласен.

– Посмотрим, чего вы стоите, – сказал Корень и кивком головы подозвал одного из сидевших за другим столом с охранниками. – Возьми сегодня на дело этих обоих.

Тот кивнул головой и намеревался вернуться на своё место.

– Не торопись, Ворон, – остановил его Корень. – Ты присядь, – и глазами указал на стоявший рядом стул, потом повернул голову к Игорю: – А ты Колун со своим Сычом пообщайтесь с моими бойцами... Пожмите друг другу руки... в знак примирения. Работать будете вместе.

Тот отошёл, пошептался со Славой и сделал после так, как сказал Корень. Пострадавшие зло смотрели на них, но услышав смысл разговора Кореня, руки подали. Ворон своим прыщавым лицом в это время посмотрел на верзил и жестом руки приказал тем занять

¹⁰ Начальник ИТК – (лагерн. жаргон)

¹¹ Деньги – (лагерн. жаргон)

¹² Разговор – (лагерн. жаргон)

своё место за входной дверью. Корень почти шёпотом проинструктировал Ворона:

– Испытай их кровью. Сам знаешь как... по нашей методике. Сегодняшний наскок должен принести и пользу, и результат проверки. Понял? Да-а... Ещё сам с этими погутарь... поподробнее. Запусти коня¹³ в зону, где они парились¹⁴. Одним словом, узнай о них всё. Ступай.

Как только Ворон ушёл, он обратился к сидевшему напротив:

– А ты, Василий, в своей ментовке пробей их... Не утки¹⁵ ли они? Ну и всё прочее... Сам знаешь. Всё, ты тоже иди... Чего расселся?

– Ну, а-а... – промычал тот, а потом сложив пальцы, как будто для осуществления крестного знамения, покрутил ими, что означало просьбу о выдаче денег.

– Я тебе, мент, плачу не за слова, а за работу. Вот будет она сделана, тогда и получишь.

– Наводка точная. Разве я подводил когда? Ты, Корень, получил наводку, а это значит, что я работу сделал, а дальше... дело за твоими бандитами...

– Не бандиты они, – оборвал его Корень, – а добытки на своё существование. Бандиты менты... готовые за бабло родную мать продать... и таким, как мои бойцы, жить не дают, преследуя на каждом шагу всех откинувшихся и даже желающих завязать с прошлым... начать семейную жизнь... Всё. Пошёл вон. Я позвоню, когда тебе явиться за своей долей.

¹³ Нелегальная связь – (лагерн. жаргон)

¹⁴ Сидели – (лагерн. жаргон)

¹⁵ Агент – (лагерн. жаргон)

Василий сделал недовольный вид, оставив недоеденные блюда, медленно поднялся и направился к выходу, а Корень даже не удостоив его своим взглядом, с видом, как будто того здесь и не было, продолжил поесть жареного судака, запивая белым вином. Игорь, Слава и Ворон с охранниками находились в мучительном ожидании, пока он не закончит трапезничать. Слава и Игорь, с одной стороны были удовлетворены тем, что, наконец, нашли то, что длительное время искали, понимая предстоящую и тщательную проверку, а с другой догадывались о той безрадостной и тяжкой жизни, которая их ожидает. Однако ни тот, ни другой не задумывались над тем, что с этой минуты оказались на самой нижней ступени своей, итак гнусной, жизни тонувшей в неизвестности судьбы. Пропасть между обществом, законом и бандой, членами которой согласились быть, не пугала их своей бездонной глубиной и ежеминутной опасностью. Их стремление сводилось к тому, чтобы жить вдоволь сегодня, не заботясь о завтрашнем дне.

Когда, наконец, Корень поднялся и направился к выходу, Ворон оплатил заказ, и все выехали к месту дислокации, которая нелегально и скрытно находилась в заброшенном помещении бывшего склада плодовоощной базы, расположенного среди поросших кустарников на краю города. Оборудовав комнаты заведующего, рабочих и часть склада под жилые и кабинет, Корень, группировка, насчитывавшая десять членов, использовала помещение в своих целях уже около года. В основном все они находились здесь постоянно, лишь изредка уходили в город к месту постоянного жительства, навещаясь в свои семьи. Здесь

же на территории по указанию Кореня было устроено подземное хранилище добытого огнестрельного оружия и боеприпасов, которым заведовал непосредственно Ворон. Он рьяно исполнял и эти обязанности, и как телохранитель своего главаря, да ещё отвечал за строгую внутреннюю и внешнюю безопасность.

Возвратившись на базу, как они называли место своего пребывания, Ворон отдал нужные распоряжения для готовности к предстоящему. Игорю и Славе хотелось узнать про грядущую вылазку, в которой, как они поняли, примут участие. Однако, чтобы не вызвать подозрение, не стали проявлять интерес и даже стали равнодушными ко всему происходившему.

Прошло время... незаметно подкрался вечер. Все, собравшись в одной комнате, ожидали наступления времени выезда. Кто играл в подкидного, кто дремал, но все как-то сторонились новичков, и Игорь со Славой, конечно же, это замечали. Ворон постоянно находился при Корене, который его тщательно инструктировал. Ближе к одиннадцати все засуетились, глянув на часы, висевшие на стене, что говорило об их информированности времени выезда. Все надели чёрные, похожие на спортивные шапки, которые, если раскатать вниз, окажутся масками, скрывающими лицо.

В комнату вошёл Ворон, окинув всех взглядом, остановился на новичках, бросил им такие же маски... своим раздал пистолеты, в сторону Игоря и Славы дал короткие указания:

– А вы на месте получите. Кроме того... ты, Колун... работаешь со мной, а ты, Сыч, с Фомой, – и указал на высокого и худого, который кивнул головой, соглашаясь и подтверждая сказанное.

Перед выездом Ворон с Фомой уединились и минут пять тихо переговаривались.

– Сычу дали пистолет с холостыми патронами. Стреляете оба. Ты валишь мента, в которого и Сыч должен стрелять. Будет... как будто он завалил. Понял, к чему я клоню?

– А чего не понять. Сделаю как надо, – ответил тот.

Разместившись в двух «жигулях» с ложными госномерами все выехали.

Ехали по просёлочной дороге и перед выездом на асфальт остановились.

Ворон оставил водителей и двух бойцов возле машин, а с остальными направился через лес к стационарному посту дорожно-патрульной службы.

Приблизившись на расстоянии метров тридцати, он распределил:

– Фома и Сыч укокошат вон того с жезлом на трассе. Волокуют его в кусты, забирают автомат, пистолет, раздают его и со всем, что взяли, бегом к автомобилям. Мы с Колуном берём того, что в будке. Делаем то же самое и возвращаемся туда, откуда пришли. Остальные, кого не назвал, ложат ментов и в их же машинах уезжают. Дальше знаете, что делать. Вопросы есть?

Похоже, всем всё было понятно... Игорь и Слава, обалдевшие от сказанного, потеряли дар речи. Ворон вынул из кармана пистолет и дал Игорю.

– Но позволь, Ворон... Я никогда в руках не держал бодягу¹⁶ и понятия не имею, как им пользоваться... К тому же мы оба не мокрушники¹⁷. Мы на такое не под-

¹⁶ Пистолет – (лагерн. жаргон)

¹⁷ Не убийцы – (лагерн. жаргон)

писывались, – возразил Игорь, испытывая ужас от предстоящего действия.

Слава, глядя на Ворона с широко открытыми глазами, в знак подтверждения сказанного Игорем закивал головой, рассчитывая на милосердие. Однако оно ни в коей мере не тронуло Ворона, холодно посматрившего на обоих и угрожающе с насмешливо-презрительной улыбкой заявившего:

– В таком случае вам обоим придётся разделить участь ментов... Выбирайте...

Наступила пауза, сопровождаемая пристальными взглядами всех членов группы.

«Буду стрелять мимо», – решил Игорь и посмотрел на Славу, стоявшего в паническом страхе.

– Ладно. Расскажи, как им пользоваться, – сказал Игорь и незаметно подмигнул Славе.

Ворон взял пистолет, снял с предохранителя, дослал патрон в патронник и вновь поставил на предохранитель, а потом коротко пояснил, что делать дальше:

– Ну, уяснили? Ничего хитрого нет. Снял, нажимай на скобу и стреляй.

Оба закивали головами. Ворон наклонился к Фоме и что-то стал говорить. Тем временем Игорь успел шепнуть Славе:

– Стреляй мимо.

– Подползаем поближе, – объявил Ворон, и все ползли к будке ГАИ.

Воспользовавшись общим движением, Игорь незаметно достал магазин из рукоятки пистолета и увидел, что в нём не боевые патроны, а холостые. «Испытывают, гады, и боятся, что выстрелю в кого-нибудь из них. Наверное, и у Сыча холостые», – подумал он и

возвратил магазин на место. В это время Ворон остановился и Фоме пальцем показал на гаишника с жезлом возле будки, а потом, глянув на Игоря, кивком головы велел следовать за ним. Они проползли ещё метров пятьдесят и оказались с левой стороны будки в пяти метрах от входной двери. Их полностью скрывали кустарник и темнота, но они, благодаря наружному освещению, хорошо видели всё, что происходит на участке дороги и возле поста ГАИ.

Среднего роста полноватый инспектор, расхаживая взад-вперёд, вдруг взмахом жезла остановил светлую «Волгу» и минут пять общался с водителем, а потом вместе с ним пошёл в будку к своему напарнику. Спустя минут десять он же вышел с водителем и вновь направился к автомобилю. Ворон видел, как он потребовал поднять капот и крышку багажника, а через несколько минут, вернув водителю документы, проводил долгим взглядом удаляющуюся «Волгу» и медленно направился к будке. Однако ему не суждено было достичь этой цели. Из-за угла постовой будки вышли Фома и Сыч. Ворон толкнул Игоря, и они побежали к входной двери. Уже открывая её, услышали два выстрела. Находившийся за столом старший лейтенант вскочил, но опомниться не успел. Первым выстрелил Игорь, и в долю секунды после прогремел выстрел Ворона. Офицер пытался открыть кобуру, но тут же упал на пол замертво.

– Возьми автомат, – скомандовал Игорю Ворон, указав на спинку стула, а когда тот исполнил, велел: – Бери за ноги, а я за руки и вытаскиваем в лес. Быстрее!

Вытащив офицера и раздев его, Ворон собрал одежду и обувь, в это время подоспела остальная

группа, которая схватила тело убитого и потащила к служебному автомобилю ГАИ.

– За мной, Колун! – приказал Ворон, и они в пробежку пустились к месту сбора.

Убегая, Игорь слышал гул мотора, доносившегося от поста ГАИ, а затем уже удаляющегося по дороге в противоположную от города сторону.

Бросив одежду и пистолет офицера в багажник, Ворон молча снял с плеча Игоря автомат и протянул к нему руку. Тот понял его жест и возвратил пистолет с холостыми патронами. В это время возвратились Фома и Слава, проделав то же самое, а потом встали перед Вороном и ждали дальнейших приказаний.

– Садитесь в этот автомобиль, – сказал Ворон Игорю и Славе.

Когда те исполнили это, он кивнул Фоме и пошёл к другой машине, уже сидя в ней, спросил:

– Ну как твой?

– Стрелял, но руки дрожали, как у нервнобольного. А после был как одуревший.

– Это объяснимо. Ты такой же был после первой мокрухи.

– А твой как?

– Действовал хорошо. Выстрелил прямо в мента и без сомнения уверен, что и его пуля, хотя там её не было, сыграла свою роль. Папа будет доволен. Однако я думаю, что их надо по-настоящему испытать. Так будет надёжнее.

Возвратившись на базу, Ворон сразу же направился к Кореню с докладом.

XII. Нападение на пост ГАИ

После сдачи экзамена Борис, воодушевлённый отличной оценкой по истории государства и права зарубежных стран, подходил к лаборантской, где его должна была ожидать Даша. С довольным и улыбающимся лицом он распахнул дверь и опешил, – Даша сидела вся в слезах. Он кинулся к ней и с возникшим волнением спросил:

– Дашенька, что случилось?

Та подняла на него полные слёз глазами, взяла пухлый конверт и бросила на край стола ближе к нему. Борис открыл его, достал пачку фотокарточек и обомлел, – на них увидел себя и Людмилу в самом отвратительном виде.

– Сволочи, – вырвалось из его груди. Он положил фотокарточки в свой карман и, наклонившись над Дашей, промолвил: – Я же тебе рассказывал об этом. Всё это безусловно преследует какую-то цель.

– Больно и противно получать такую посылку и смотреть на это, – заявила она, а потом возникли размышления, которые и озвучила: – Постой, постой... Фотокарточки о тебе подкинули под дверь моего кабинета. Думаю, для того, чтобы посмотрела именно я. Вопрос: кто этого очень хочет? Раньше Валя наклеивала на тебя, и здесь попахивает её фокусами. Но на фото... другая. Найти бы её...

– Поехали к Лапину, – перебил её Борис. – Прямо сейчас поехали. Он специалист своего дела и сможет дать толковый совет, а то и поможет.

Даша достала из сумочки зеркальце, платок, вытерла потёкшую по щекам тушь, и с готовным видом сказала:

– Поехали.

Лапин, как обычно, находился в своём кабинете и допрашивал пожилого мужчину. Увидев заглянувших в дверь Бориса и Дашу, улыбнулся:

– Минут десять... подождите в коридоре. Я скоро.

Те, кивнув головами, захлопнули дверь и уселись на скамейке у стены. В коридоре пахло неприятным затхлым запахом специфическим для таких учреждений. Борис встал и приоткрыл створку окна. Даша, подавленная подброшенной фотоинформацией, сидела молча. Её лицо выражало не столько естественную грусть, сколько внутреннее страдание, и Борис, глядя на неё, не мог себе простить, что является одним из главных источников её переживаний. Даша же видела беспомощность Бориса и не обвиняла его ни в чём. Её мучило другое... все мысли были направлены на разгадку целей неизвестного, и почему кто-то избрал именно её, подбросив этот злополучный пакет. «Ну не Рите же он или она подбросила эти фотографии?! Мне. Кто-то же усердно снимал, старался... Да и Бориса бандитским способом затащили в квартиру... и то, что всё это происходило в Валькиной квартире, подтверждают запечатлённые тумбочка с будильником, который я подарила... кровать её же, обои, те же тюль и шторы...», – размышляла она, и из этого состояния её вывел голос Лапина.

– Молодые люди! Прошу вас, – громко позвал он Дашу и Бориса, стоя в дверном проёме и во всё лицо улыбаясь. – Заходите, – а потом, глянув на Дашу, промолвил: – А почему мы такие грустные и расстроенные?

Борис молча пожал руку Лапину, а затем достал из кармана пакет и протянул ему. Тот показал вошедшим на стулья, а сам вынул фотокарточки, посмотрел и задумчиво промолвил:

– Так вот зачем тебя, Борис, заволокли в квартиру, а я-то голову ломал... Хитро продумано. На фото явно видна твоя беспомощность. Но та мегера умышленно закрывала от объектива своё лицо волосами. Но всё-таки нам, следакам, особую примету оставила... Цвет волос, на верхней части правой стороны спины два родимых пятна и на правом колене небольшой горизонтальный шрам. Осталось её найти, и отпираться будет бессмысленно. Любой эксперт даст положительное заключение. Следовательно, мишенью был Борис. А для чего? Ответ кроется в том вопросе... Кому прислан пакет.

– Даше подбросили под дверь лаборантской, – ответил Борис и перевернул фотокарточки, чтобы не смотреть на них.

Даша сидела с опущенными глазами, стыдясь поднять их, а Лапин перевёл на неё взгляд и уверенно заявил:

– Значит, Даша была конечной целью. Кому-то очень не хочется, чтобы... нет, вернее, хочется рассказать вас, ребята. Осталось вычислить кто это.

В это время раздался звонок переговорного устройства. Лапин подошёл и поднял трубку. Звонил прокурор.

– У нас «ЧП», Сергей Валерьевич. Нападение на пост ГАИ. Обнаружены следы крови, а сами два инспектора вместе с автомобилем и оружием исчезли. Сейчас за вами заедет авто с опергруппой... Поезжайте. По возвращению доложите, – распорядился он.

– Хорошо, Валерий Николаевич, – ответил тот, положил трубку и стал собираться. – На место происшествия выезжаю. Есть желание... поучаствовать в качестве понятых и одновременно окунуться в следственную практику? – сказал он, проверяя фотоаппарат.

– А можно? – оживившись, спросил Борис.

– Если предлагаю, значит можно, – и Лапин щёлкнул затвором фотоаппарата. – Этот снимок на память о вас, мои друзья.

В это время кто-то несмело постучал в дверь, и в приоткрытой двери показалась голова Валентины.

– Можно? – спросила она, но увидев Бориса и Дашу, стала закрывать дверь.

– Входите, входите! – крикнул ей Лапин.

Она вошла в кабинет с видом как будто её уличили в самом постыдном, поздоровалась несмело и остановилась по середине кабинета. Даша совершенно невольно повернулась к ней, и глаза их встретились. Валентина, не выдержав её взгляда, виновато прикрыла веки и глянула в сторону.

– Вы извините... Валентина... Я собираюсь выезжать на место происшествия... Пока я в состоянии сбора... говорите зачем пришли, – и Лапин не заметно для неё щёлкнул затвором фотоаппарата, а сам подумал: «Её фото использую при поиске фотолаборатории, изготовившей фотокарточки, и установления лица, заказавшего их».

Та как-то растерялась при виде Бориса и Даши, но потом быстро собралась и выдала:

– Я покаяться пришла.

Борис, Даша и Лапин пристально устремили на неё свои взгляды.

– И в чём же? – спросил Лапин.

– Вы тогда меня спрашивали... кто кроме меня живёт в моей квартире, и я сказала неправду... Боялась налоговой инспекции, да и хозяйка, которую заварила, что кроме меня жить в квартире никто не будет... Но мне нужны были деньги, и я пустила девушку, приехавшую с Украины. А тут заболела мама, и мне пришлось пожить у родителей. Когда же я вернулась, то обнаружила в квартире хаос... Всё разбросано, стол с кухни в зале, завонялись объедки пищи, постель разбросана, да при том грязная, шторы в кильке... наверное, руки вытирали... исчезли мои два новых платья... кофточка канареечного цвета, новые туфли и бижутерия. Я навела порядок, а тут и вы явились. Это всё. Наверное, она устроила такое в квартире. Я попыталась её найти, но увы...

Даша с Борисом переглянулись, а Лапин, сложивший всё необходимое в следственный портфель, бросил испытывающий взгляд на Валентину и спросил:

– Как зовут, фамилия и всё остальное, что касается этой девушки?

– Зовут её Люда. Приехала из Броваров, что под Киевом. Больше о ней ничего не знаю. Паспорт не смотрела... видела только его обложку. Это был ещё советский паспорт. Мы в кафе познакомились. Наука будет мне... дуре.

– В милицию обращались?

– Написала заявление. Дежурный РОВД «Южное Тушино» не принял и направил к оперу. Тот взял заявление... и объяснение от меня... Пообещал найти её.

В это время Лапину сообщили, что прибыла оперативная группа, он заторопился, а потом, глянув на пачку фотографий, взял одну, закрыл на ней пальцами лицо Бориса и показал Валентине:

– Это она?

Не ожидая увидеть фотографии, которые сама же подкинула, на столе следователя, она растерялась. Лицо вмиг стало розовым. Время для разглядывания фото она использовалась для самоуспокоения и в конечном итоге совершенно равнодушно ответила:

– Может, и она. Я её голой не видела. А с её лицом у вас нет фотки?

– Понятно. У вас всё? – стараясь закончить разговор и не отвечая на вопрос, произнёс следователь, а когда увидел, что та кивнула головой, добавил: – Можете идти.

Валентина повернулась, хотела что-то сказать Даше, но её опередил Лапин.

– Они едут со мной... Понадобитесь, я вас вызову, – сказал он, помещая фотокарточки в ящик стола.

С жалким и, казалось, покорным видом уходила Валентина, а Даша, с неизменившимся своим мнением о сестре, проводила её презрительным взглядом, подумав: «Каяться она пришла... В чём же её покаяние? В том, чего не может скрыть? Вижу по её лицу... врёт ведь про выдуманную Люду с Броваров. Ладно. Время покажет».

– Ну, что... по коням? – сказал Лапин и направился к выходу, а за ним последовали Борис и Даша.

Выйдя в коридор, он открыл соседнюю дверь и громко произнёс:

– Миша! Едешь со мной. Возьми всё необходимое для осмотра места происшествия, – а когда через минуту тот вышел, представил: – Наш стажёр... будущий следователь, подающий уверенные надежды. Познакомьтесь.

Обменявшись тёплыми словами и рукопожатиями, все заняли места в микроавтобусе. Вскоре были на месте. Лапин, выйдя из микроавтобуса, обратил внимание, что место происшествия обозначено цветной лентой, а внутри расхаживают разных званий работники милиции и лица, одетые в гражданскую одежду. Из будки в это время выходили подполковник и майор. К Лапину тут же направился начальник ГАИ и доложил обстановку. Тот внимательно выслушал, а потом, обращаясь ко всем находящимся, спросил:

– Кроме этих двоих, – и он указал на подполковника и майора. – Кто ещё заходил в помещение поста?

– Я, – ответил начальник ГАИ.

– Прикасались к чему либо?

– Ну-у... к некоторым...

– Понятно, – перебил начальника ГАИ следователь прокуратуры и сразу же обратился к стажёру: – Миша, у всех троих возьми отпечатки пальцев, а потом и следы обуви у всех сейчас стоявших внутри обозначенной территории места происшествия. Каждому раздай по два листа бумаги и пусть сами сделают оттиски и подпишут каждый свои... А теперь шагом марш за ленту. Что же у вас всех такая пагубная привычка... до приезда следователя лезть туда, куда нельзя?

Миша сразу же приступил исполнять поручение, а работники милиции с ворчанием подчинились. Некоторые, зная Лапина, на это не реагировали, поясняя:

– Он всегда так. Если Лапин выезжает на место происшествия, становится полным хозяином положения, не взирая на должности и погоны.

– Ну и правильно. А сколько таких случаев, когда опера ещё до приезда следователя наделают следов, среди которых не найдёшь тех, которые оставлены преступником, – поддержали другие.

Лапин тем временем скрупулёзно осматривал и фиксировал каждый сантиметр земли. Особенно он задержался возле обнаруженных тёмно-бурых пятен, похожих на кровь, и следов волочения. Тут же обнаружил две стреляные гильзы. Оттиски обуви в этих местах он велел криминалисту залить гипсом и изготовить слепки. Закончив осмотр возле будки поста, Лапин перешёл в помещение, пригласив туда и понятых. Борис стоял возле стола, а Даша при входе. Эксперт фотографировал детали внутренней обстановки и снимал на дактоплёнку обнаруженные следы пальцев рук, а Лапин описывал увиденное самым тщательным образом.

Борис обратил внимание на лежавший на столе журнал, опрокинутый стул и авторучку возле него. «Наверное, происходила борьба. Размазанные капли крови говорят о том, что жертву волоком потащили из помещения», – размышлял он и заглянул в журнал, где увидел последнюю запись, свидетельствующую, что инспектор в 23 часа 15 минут подверг проверке автомобиль с указанием марки и госномера, а также

водителя, отразив его фамилию, и начал было описывать основания проверки, что так и осталась без фиксации.

– Всё здесь происходило после 23-х 15-ти, – сказал Борис.

Лапин поднял голову и, посмотрев с удивлением, спросил:

– Почему ты так решил?

– Это не я решил. Об этом, Серёжа, свидетельствует запись вот в этом журнале, – и Борис показал на стол.

Следователь подошёл, прочитал и с одобрением заявил:

– Молодец, Боря... Глаз и мышление у тебя следственного работника. Так держать. До стола я ещё не дошёл... Зафиксирую обязательно. А сейчас вот опишу две стрелянных гильзы.

Закончив осмотр помещения, все вышли на площадку, местами поросшую травой. Отойдя чуть в сторону, Лапин присел и стал пристально смотреть на примятость травы и поверхность земли. Это же привлекло и Бориса.

– След волочения видишь? – спросил Борис.

– На него и смотрю, – ответил следователь и пошёл рядом со следами в лес.

Там было обнаружено множество следов мужской обуви и бурые пятна, похожие на кровь. После их фиксации Лапин обошёл всё вокруг, посмотрел следы протекторов автомобилей и, покачивая головой, заметил:

– Множество разных... А вот те, которые посвежее, можно считать, оставлены служебной. Инспекторы, в которых стреляли четыре человека, уехать сами не могли, а это значит, что их раненых или мёртвых на

автомобиле ГАИ увезли преступники... и увезли не в город.

– А почему ты считаешь, что стреляли четыре человека? – спросила Даша. – А может два... Сначала в одного, потом в другого... А может один...

– Э, Дашенька... ты не внимательно смотрела, – перебил её Борис и опередил Лапина. – Разве ты не обратила внимание, что стреляные гильзы разные. Одни от холостых патронов, а другие от боевых, у которых дульце как бы цветочком, а у боевых ровное. Да и по высоте гильзы разные, что говорит о том, что стреляли из разных пистолетов. К тому же, если бы один и два человека стреляли в инспектора, находившегося возле поста ГАИ, то разве находившийся в помещении инспектор... притом с оружием, ожидал, пока те войдут и застрелят его?!.. Четыре стрелка было.

Лапин посмотрел на него, улыбнулся:

– Ещё раз молодец, Боря. Умница. Из тебя выйдет толковый следак. Ты забегай ко мне почаще... вдвоём, конечно, с Дашей. Будем вместе выезжать на места происшествий. Это вам очень пригодится, как в учёбе, так и в будущей практической работе. А сейчас по домам.

Забрав все вещественные доказательства, обнаруженные на месте происшествия, они выехали в город, а по возвращению в прокуратуру, Лапин, расставаясь с Дашей и Борисом, заверил, что займётся розыском фотолаборатории, в которой были изготовлены фотокарточки, и этим путём может удастся установить их заказчика, а для этого пригодится и фотокарточка Валентины, снимок которой остался в его фотоаппарате.

XIII. Казнь «крота»

Корень, предавшись размышлениям по поводу нападения на пост ГАИ, периодически успевал забрасывать в рот то виноградину, то плод лесного ореха. Он понимал, что убив двух работников милиции, вызвал этим ответную реакцию, поэтому постоянно думал над тем, как бы как можно надёжнее обезопасить не только себя, но и всю группировку. Третий день он находился в мучительных раздумьях и, наконец, созрел к принятию решения, которое на его взгляд способствовало бы осуществлению задуманного.

– Ворон! – крикнул он, и сразу же тот, как будто сидел возле двери, вошёл и остановился в двух метрах. – Сядь... и налей вискаря... себе тоже.

Распоряжение было исполнено в один миг, и он уже сидел со стаканом в руке в ожидании, что скажет шеф, как они его называли. Корень сделал три глотка и поставил стакан на стол, его примеру последовал и Ворон.

– Вот что, Ворон, – продолжил он. – Мы фактически объявили ментам войну. Сам понимаешь, что они в долгу не останутся и будут землю рыть до тех пор, пока не нащупают верёвочку, за которую можно потянуть. Думаю, что они живыми брать не будут, а начнут мочить. Если же по-настоящему возьмутся, то могут добраться до нас... Ментов надо не только ненави-

деть, за то, что они менты, но и уважать за умение распутывать паутину, сплетённую нами и нам подобных... Говоря о паутине, я думаю, нам надо обезопасить себя. Направить след в другую сторону... Понимаешь, о чём я?

– Ну, конечно, шеф, – поспешил ответить Ворон, хотя сам понятия не имел, к чему это тот клонит. – Повернуть рельсы в другую сторону, – выпалил он в дополнение и этим попал как раз в цель.

– Во-о! Молодец. Кумекаешь не плохо. Где в городе самая слабенькая братва?

– Ховринская. Мы же оттуда Сову взяли. Он там всех знает не только в лицо, но и по месту жительства. О её слабости сам говорил.

– О-о! Это не мешает, скорее требуется. Если он там играл, скажем, не основную роль, а хотя бы существенную, то у нас получится. Поговори с ним... прямо сейчас и узнай, к кому он вхож, куда может проникнуть так, чтобы и самому не засветиться и дело сделать.

– А... дело в чём выражается?

– Тьфу, ты! Я думал ты понял, о чём речь идёт, а ты метёшь языком и сам не знаешь, о чём! Ментовский пистолет подбросить, а «калаши» нам пригодятся... А ещё стукнуть¹⁸ по телефону ментам, что, мол, видели, как из кармана за пояс перекаладывал пистолет. Менты тут же, как пчёлы, налетят, и следствие возьмёт другое направление. Уловил?

– Сделаю, шеф.

– Ступай. Побазарь с Совой. Доложишь потом.

Сова в организованной преступной группировке снискал всеобщее уважение. Чуткое отношение к каждому её члену, всегда проявляемые чудеса бесстрашия. Развитая способность в преступных вылазках, отменная физическая подготовка, прагматическое мышление и чёткая исполнительность – способствовали этому и соответствовали настоящей действительности... и сейчас, когда Ворон начал толковать суть поручения Кореня, то сразу понял, чего от него хотят.

– Понял, – сказал он, прервав Ворона. – Когда надо?

– Вчера, Сова, – ответил тот, заостря важность задуманного.

– Давай «посылку», и я пошёл.

Ворон ушёл, а через пять минут вернулся, вытирая тряпкой пистолет инспектора ГАИ. Сова завернул его в эту же тряпку, сунул себе за пояс под ветровку и ушёл.

Спустя полчаса Ворон не находил себе места. Вспомнив, что он из этого пистолета доставал магазин, на котором могут остаться отпечатки его же пальцев, колотил себя по голове, обзывая растяпой и олухом. Сообщить Сове об этом не было возможности, и он решил: «Вернётся Сова, ещё раз пошлю. Пусть хорошо протрёт магазин».

Тем временем Сова подходил к подъезду дома, в котором находилась однокомнатная квартира Кузи – члена ховринской братвы, с которым отношения между ним и Совой желали намного лучшего, из-за чего Сова и переметнулся к Кореню. Неоднократно бывая в квартире Кузи, он знал всю обстановку и располагал сведениями, как беспрепятственно можно проникнуть внутрь её. Несколько секунд работы от-

¹⁸ Донести – (лагерн. жаргон)

мычкой... и после того, как убедился в том, что в квартире никого нет, он уже поднимал подушку дивана, куда сунул пистолет, а тряпку выкинул через форточку во двор дома. Глянув на квартирный телефон, стоявший в коридоре на тумбочке, он поднял трубку, услышав гудок, он набрал телефон опера Николаева, который с момента бегства Сова от ховринской братвы его контролировал. В то время Сова прятался, зная, что братва его ищет не для того, чтобы поздороваться. Но жить на что-то надо было, и он иногда обворовывал квартиры. На одной из них попался, но успел выбросить краденое, и Николаев не смог доказать его причастность, а поэтому всячески пытался на компроматериале завербовать к сотрудничеству Сова. Тот несколько раз давал ему «наколки» на мелких воров, которые ему мешали, а потом замолк и уже более полугода не звонил. Когда в трубке раздался голос Николаева, он, понизив свой голос, сказал:

– Сова говорит. Бери карандаш и записывай. Говорить долго не могу. Взял?

Он продиктовал адрес Кузи и сообщил, что в его квартире находится пистолет «Макарова», и что он слышал, что Кузя причастен к «мокрухе» на посту ГАИ, после чего, не ожидая расспросов, положил трубку, протёр её краем куртки, вышел из квартиры, закрыв на замок дверь, и быстрым шагом удалился, стараясь не попасться на глаза не только братве, но и знакомым.

Возвратившись на базу, он зашёл к Ворону и хотел было докладывать об исполнении, как тот умоляюще глядя на него, сбивчиво протараторил:

– Сова... друг мой... Беги обратно. Идиот я... Ты можешь спасти... только ты.

– В чём дело, Ворон? – удивлённо спросил тот.

– Дело в том, что я вспомнил... вытаскивал магазин и смотрел патроны. Там остались отпечатки моих пальцев. Надо протереть...

– Поздно, – прервал его Сова. – Звонок в ментовку уже пошёл.

– Как? Когда? А кто позвонил?

– Моя знакомая. Я её попросил.

– И ты ей раскрылся?

– Ни в коем случае. Она меня знает под вымышленным мною именем. Несколько ночей я переспал с ней. А сегодня сказал ей, что мне рассказали о пистолете друга.

– Звони ей. Слышишь, Сова... Сейчас же звони, пусть скажет, что адрес перепутала и назовёт другой, а ты тем временем успеешь. Я тебя даже на авто подброшу. Давай, брат.

– Откуда звонить?

– Поехали, – взволнованно сказал Ворон, схватил его за локоть и повёл к автомобилю, а сядя за руль добавил: – До первого телефона-автомата... Оттуда и позвонишь.

Ворон гнал машину, не глядя на кочки и выбоины. Въезжая в город, он увидел будку телефона-автомата возле угла одного из домов и остановился.

– Иди быстрее, – торопил он Сова.

– А мелочь есть? – спросил тот.

Ворон целую горсть достал из кармана и сунул ему... Когда тот вошёл в телефонную будку, Ворон зашёл со стороны, чтобы Сова его не мог видеть и замер, прислушиваясь.

– Слышь, капитан, – начал Сова. – Не посылай на квартиру Кузи своих. Часик повремени. Есть такая не-

обходимость... позже объясню... Как? Уже? Вот чёрт... нет. Сейчас не могу. Попозже зайду. Всё не могу больше говорить.

Повесив трубку, он стоял в будке еще минут пять, а Ворон, затаив дыхание, обалдевший от услышанного, на цыпочках отошёл к автомобилю. «Двурушник... Утка ментовская. Вот так да», – пронеслось в его голове. В это время вернулся Сова.

– Ну-у? Позвонил? – спросил притворно Ворон, пристально глядя на него.

– Позвонил, но толку нет. Она перезвонила по телефону, но не ответили. Поехали к дому, посмотрим обстановку. Если ментов нет... зайду, а если они там, уедем, – ответил Сова.

Ворон до боли стиснул зубы и мысленно сам себе сказал: «Погоди, вернёмся. Я тебе устрою... Наседка¹⁹. Шпилить²⁰ вздумал?», – а потом запустил двигатель и поехал по указанному маршруту Сова. Проезжая возле дома Кузи, Сова ничего подозрительного не увидел и попросил:

– Притормози, Ворон, а сам встань за соседним домом.

Выйдя из машины, Сова осмотрелся и, проявляя осторожность, нырнул в подъезд. Подойдя к квартире Кузи, он ничего подозрительного не заметил и несколько раз нажал на кнопку звонка, но в комнате было тихо. Тогда он тем же методом открыл дверь, вошёл в квартиру, достал пистолет, вынул магазин и полой рубашки, висевшей на стуле, протёр его и пистолет, положил на место, после чего быстро вышел из квартиры.

¹⁹Агент – (лагерн. жаргон)

²⁰Шпилить – (лагерн. жаргон)

Как только он успел закрыть на замок дверь, услышал шаги по лестничному маршу и голос Кузи:

– Да это какое-то недоразумение. Я наркотой вообще не балуюсь... Так что пустая работа у тебя, капитан.

– Ну, что ж... Бывает и такое. Если ничего нет, извинения попросим и удалимся, а если найдём, пеняй на себя, – ответил тот, и Сова узнал голос опера Николаева.

Поднявшись этажом выше, а это был последний этаж пятиэтажки, он увидел открытый люк на чердак и полез туда. Внутри чердачного помещения было пыльно, отчего Сове вдруг захотелось чихнуть. Он зажал руками рот, чтобы получилось негромко. Перебравшись к люку соседнего подъезда, спустился по лестнице, этим путём вышел из подъезда, а потом резко свернул за угол и побежал к автомобилю Ворона.

Тот видел, как Сова заходил в один подъезд, а вышел из другого, видел и оперативную автомашину милиции, на которой привезли среднего роста, плотного телосложения мужчину. Когда Сова, запыхавшись, опустился на сиденье, Ворон спросил:

– Получилось?

– Еле успел. Ещё бы минута, и они застали бы меня в квартире. Всё сделал, Ворон, успокойся. Протёр тщательнее, – ответил Сова и тут же спросил: – А патроны в магазине ты не трогал?

– Нет... Слава Богу.

– Ну, тогда ништяк.

Всё время, затраченное на возвращение, у Ворона кипело внутри, и он стал сопоставлять факты неудач.

Некоторые вылазки группировки не подтверждали наличие «крота» внутри неё, две более мелких указывали на это. Одна из них, завладение выручкой в администрации тушинского рынка, а другая – налёт на продовольственный магазин, владелец которого категорически отказался платить за принудительное «крышевание». Как раз по этим обоим фактам Сова и сообщил Николаеву, не называя группировку. «Есть сведения, что завтра в 11 часов дня будет совершено нападение на...», – говорил он по телефону, указывая объект, после чего клал трубку. По более значимых налётах, как впрочем, нападение на пост ГАИ, он не стал сообщать, боясь, как он любил выражаться, «проколоться».

Размышляя, Ворон, остановился на эпизоде, связанном с постом ГАИ, и в его мозгу промелькнула мысль: «Почему же он не сообщил капитану. Побоялся? Так нет, за день до нападения он ездил в город по поручению Корень, а в то время он уже знал о готовящемся нападении. Непонятно. Наверное, попал на крючок капитану и подкармливал его изредка сообщениями, как и этот раз».

Прибыв на базу, сразу же зашёл к Кореню, закрыл поплотнее дверь и в полголоса сказал:

– Шеф, у нас «крот».

Тот встревожено и изумлённо поднял голову, впился в Ворона злыми глазами и промолвил:

– Продолжай, Ворон.

Тот со всеми подробностями доложил ему всю информацию, которой владел. Корень внимательно выслушал, задумался, а через минуту сказал:

– Надо менять базу. Займись срочно поиском более подходящего местечка. Здесь оставаться опасно.

Менты могут нанести нам сокрушительный удар... Но вот задача... Почему же наша работа на посту ГАИ прошла как по маслу? Не успел «стукнуть»? Как думаешь?

– У него было время. Ты же его посылаешь в город накануне налёта. Я уже тоже об этом думал. Ну был в городе... звонил капитану, а его в кабинете не оказалось в то время. Может быть такое?

– Вполне. А ну-ка давай его сюда.

Сова, когда его позвали к шефу, рассчитывал на благодарность и выдачу денежного вознаграждения, поэтому вошёл в хорошем расположении духа. Корень, не подавая виду, стал расспрашивать о деталях благополучного исхода, связанного с подброской пистолета и уничтожением следов пальцев рук Ворона на магазине. Когда же Сова закончил, Корень спросил:

– А девка надёжная?

– Да-а! Могила...

– Надо её пригласить поработать с нами... Дай-ка мне её телефон, – потребовал Корень и упёрся взглядом в лицо Совы.

Тот растерялся, стал что-то мямлить, а потом озвучил первое попавшее, что пришло на ум:

– Забыл, шеф. Вспомню, скажу.

– Да-а? – Корень откинулся на стуле и, сузив глаза, глядя на бледное лицо Совы, сказал: – Девка интересная... фокусница... Может превращаться в капитана. Не так ли... Сова? Что скажешь?

«Как он узнал про капитана?» – парализованный страхом Сова стал дрожать, не зная, что ответить. К нему подошёл Ворон и обыскал. Среди других личных принадлежностей он нашёл потёртый клочок бумаги с пятизначными цифрами и положил на стол перед

Коренем. Тот посмотрел, а потом строго спросил:

– Сам расскажешь или посылать людей в город, чтобы «пробили» этот номер?

– Говори, падла, не то башку прострелю! – закричал Ворон, выхватывая пистолет и приставляя к его виску.

– Не надо, Ворон, – остановил его Корень. – Патроны нам пригодятся для другого дела. Мы другое придумаем, – а потом, переводя взгляд на Сову, потребовал: – Говори. Ответь на мой вопрос.

– Не надо, – еле выдавил из себя тот. – Я всё расскажу.

И он, дрожа от страха, рассказал со всеми подробностями о встрече с капитаном, об их отношениях и количестве сообщений.

– О налёте на пост ГАИ сообщил? – осведомился Корень.

– Нет.

– Почему?

– Я сообщал ему т-только о м-мелочных, и то всё реже и реже, чтобы как-то отвязаться от него.

– А о нахождении нашей базы... о братве, небось, сообщил? Я же всё равно узнаю, лучше сам скажи.

– Нет, нет, я об этом не сообщал и не думал это делать.

– Запри его, Ворон, в подвале... А нет, постой. Позови-ка всех сюда.

Спустя пять минут вся братва собралась в комнате Кореня. Тот доложил всем о двурушничестве Совы и в конце, окинув всех взглядом, спросил:

– Нельзя одновременно служить братве и оперу... Ваше мнение о наказании Совы?

– К стенке, – загудела братва, зло поглядывая на Сову.

– На гилляку²¹, – выкрикнул Сухой.

– Во правильно, Сухой. Портить патрон на это дерьмо не будем. Повесим. Он этого заслужил, – сказал Корень. – Ворон, организуй. Вместе со всеми берите его и отведите поближе к центральной дороге. Пусть там болтается, пока кто-нибудь не обнаружит.

– Корень, прости. Век тебе буду служить верой и правдой... Клянусь Богом... Клянусь родной матерью. Прости, Корень...

– Ты уже проявил своё рвение. Уберите его с моих глаз. Не хочу его слышать и видеть.

Ворон и Сухой схватили Сову и вывели из комнаты. Вся братва последовала за ними. Сова в машине всё пытался уговорить братву, разжалобить. Однако все они настроены были на казнь через повешение. Оставив оба автомобиля, дальше пошли пешком.

– Тебе бы, болвану, в самом начале доложить Кореню о шантаже капитана, и потихоньку водил бы его занос, и жил бы спокойненько. А так на погосте будешь валяться, – сказал Колун, подталкивая Сову.

Его поддержали Сыч и все остальные. Прибыв на место, Ворон стал высматривать дерево и остановился на сосне с толстыми ветками, одна из которых на высоте два с половиной метра была обломлена, но мощный сук оставался на стволе. Сова снова стал умолять всех, плакать, и тут Ворон вдруг сказал:

– Ладно... так и быть. Развяжи ему руки, Сыч, – а потом достал из кармана блокнот и авторучку и, сунув Сове, предложил: – Пиши.

Тот обрадовано схватил авторучку, сел на землю и приготовился:

²¹ Ветка дерева – (украинский язык)

– А что писать-то? – дрожащим голосом спросил он.
 – За всё содеянное мною, – стал диктовать Ворон.
 – И за предательство моих товарищей... прошу простить меня. Мне стыдно за то, что я сделал и сам себе простить не могу. Не могу больше спокойно смотреть в глаза моих товарищей, а поэтому покидаю их... и твоя подпись.

Ворон взял из рук Сова блокнот, прочитал текст со множеством ошибок, кивнул головой, а Сова поднялся и с надеждой смотрел на Ворона. Сухой тем временем изготовил петлю на верёвке и закрепил её на суку. Ворон вырвал листок с текстом Сова и сунул ему в карман. Тот, всё поняв, скривил лицо в страшной гримасе и залепетал в страхе не разбирая что. Его тут же схватили, подтащили к сосне, приподняли. Сухой накинул петлю ему на шею, а затем резко отпустили. Сова задрогал ногами, лицо стало синеть, язык вывалился, тело конвульсивно трепыхнулось... и успокоилось навсегда.

Сухой нашёл пенёк, валявшийся поблизости, и подставил под ноги Сова, имитируя суицид.

– Так будет со всеми предателями и суками, – сказал Ворон. – Все на базу.

Возвращались все молча, находясь под впечатлением совершённой казни. Замшелые сосны, – свидетельницы совершённого, шумели на ветру помахивая ветвями. Со стороны болота доносился затхлый запах, а где-то рядом неугомонно стрекотала сорока. Игорь опустил голову, шёл за Вороном, его пронзила мысль: «А ведь мы все, если не так, так другим насильственным способом закончим свою безрадостную жизнь... так случится, что похоронить будет некому».

XIV. Предложение на должность следователя

Закончив общее оперативное совещание, прокурор оставил Лапина и стажёра Мишу, чтобы в очередной раз заслушать результаты расследования уголовного дела, возбуждённого по факту убийства двух работников ГАИ. Поднимая свои записи о прошлых заслушиваниях, он спросил Лапина:

- Начальника уголовного розыска пригласили?
- Он, наверное, уже в приёмной, – ответил тот.
- Зовите.

Когда все в сборе сидели за длинным столом, стоявшим у стены, прокурор перешёл от своего рабочего стола к этому, сел, окинул всех взглядом и промолвил:

– Вижу по вашим лицам, что результаты расследования те же, что и ранее... Ничего не изменилось. Угадал, Сергей Валерьевич и Олег Николаевич?

- Почти, но кое-что есть, – ответил Лапин.
- Слушаю.

– Пришли заключения ряда экспертиз. Судебно-медицинская подтвердила принадлежность крови, обнаруженной на месте происшествия, по групповым признакам исчезнувшим работникам ГАИ. Исследовались не только материалы, изъятые с места происшествия, но и данные из спецполиклиники и госпиталя. Кроме этого... дактилоскопическая экспертиза по отпечаткам следов пальцев рук, обнаруженных и изъятых в

помещении поста ГАИ, принадлежат, кроме некоторых работников милиции, оставленных ими до приезда следователя, то есть меня, ряду других неизвестных лиц... в том числе Иванову Игорю Лукьяновичу, ранее дважды судимому за грабежи и разбойные нападения и освободившемуся из мест лишения свободы в мае прошлого года. По данным учёта автотранспорта за ним автомобиль не числится, хотя, как мы установили, он разъезжает на «жигулях»... наверное, по доверенности. Кроме того, он же и ещё кто-то с ним... пока не установленный мужчина... снимают квартиру. Адрес имеется, но по нему ни тот, ни другой не появляются. Квартира нами взята под контроль. Вот он пока у нас единственный подозреваемый. Принятыми мерами ни исчезнувшие работники ГАИ, ни закреплённый за ними автомобиль, ни находившееся при них оружие не обнаружены. Есть ещё одна информация, подлежащая проверке, но о ней сообщит Олег Николаевич, – доложил следователь и глянул на начальника уголовного розыска.

Тот встал и уже открыл рот, но прокурор его остановил:

– Сидите.

– Сегодня, – начал тот, присаживаясь, – кандидат в агенты, находящийся на связи старшего оперуполномоченного Николаева, сообщил, что якобы в квартире члена ховринской ОПТ по кличке Кузя находится пистолет одного из исчезнувших работников ГАИ... Адрес, естественно, он тоже сообщил. Николаев с опергруппой выехал на место. Перед отъездом к вам он мне позвонил и сообщил, что пистолет обнаружен и по номеру действительно числился за работником

ГАИ. Николаев везёт в отдел задержанного Кузю и изъятый пистолет. На раскрытие этого преступления задействованы все вспомогательные... негласные силы. Сегодня у нас уже есть возможность изнутри ховринской ОПТ получить информацию о её причастности к обсуждаемому нами преступлению.

– Это уже кое-что, – удовлетворённо заявил прокурор. – Смотрите, следы пальцев на пистолете не сотрите невзначай... Кроме того срочно из ИТК затребуйте фотокарточку этого... Иванова, ориентируйте весь личный и подсобный состав на его задержание...

В этот момент зазвонил телефон, прервавший прокурора. Он поднял трубку, выслушал и ответил:

– Я понял. Пусть заезжают за моим следователем.

Положив трубку, он с полминуты сидел в раздумье, а потом поднял глаза на Лапина:

– Вы сегодня дежурный, Сергей Валерьевич? Насколько я помню.

– Так точно, Валерий Николаевич, – ответил тот.

– Не хотел вас отрывать от этого дела, но все следователи сдают зачёт по стрельбе... неизвестный молодой мужчина покончил жизнь путём повешения... Кстати, недалеко от поста ГАИ, набившего нам оскомину... С Мишей подскочите. Опергруппа сейчас за вами заедет. Всё. Все свободны. По возвращению доложите.

– Есть, – чётко ответил Лапин.

Выйдя от прокурора и подойдя к своему кабинету, он увидел сидевших на скамейке Бориса и Дашу. Обрадованный встрече, тепло поздоровался с ними, после чего предложил им поехать на место происшествия. Те с удовольствием согласились. Вскоре прибыл

автомобиль оперативной группы, и все выехали по указанному дежурным РОВД адресу.

Кроме судмедэксперта и криминалиста в автомобиле находился и старший оперуполномоченный угрозыска капитан Николаев. Воспользовавшись этим, Лапин спросил его:

– Как Кузя? Вообще-то его ко мне должны доставить для допроса...

– К вам и повезли. Разминулись, Сергей Валерьевич, – перебил его тот.

– Не колетса. Плачет и клянётся, что не может объяснить, как пистолет попал в его квартиру. Мы попытались поискать отпечатки пальцев, но на пистолете и даже на магазине не обнаружили. Всё это странно. Так не бывает. Как специально стёрты. На патронах обнаружили, но эксперт посмотрел и заявил, что Кузе не принадлежат... Оставлены другим... надо сличить с отпечатками владельца пистолета... если удастся найти живым или мёртвым. Судя по поведению Кузи, я остаюсь неуверенным в том, что ему что-либо известно о пистолете.

– Подброшен, думаете?

– Больше к этому склоняюсь.

В это время автомобиль подкатил к стоявшим у дороги сержанту милиции Круглову и леснику Ступину. Круглов под козырёк поприветствовал всех и доложил:

– Вон за этими кустами в лесу. Лесник обнаружил и сообщил.

Подойдя к висевшему на сосне, Николаев вконец расстроился. Хлопнув кулаком в ладонь, он выругался и стал ходить взад-вперёд.

– Что... знакомый? – спросил Лапин, глядя удивлённо на него.

– Сисолятин... кличке Сова, – ответил Николаев и, глянув на висевшего, а потом на пенёк, валявшийся рядом, возмущённо промолвил: – Дурак. Нашёл, где счёты с жизнью сводить, – а потом приказал сержанту: – Вызывай труповозку, – повернувшись к Лапину, сказал: – Вчера я с ним по телефону разговаривал. Это он сообщил, что у Кузи в квартире пистолет. Может, связь какая есть между сообщением и смертью?

– Всё может быть. Надо отработать эту версию. Во всяком случае что-то есть... В сообщении из доклада, я понял, что в нём звучало о пистолете, о работниках ГАИ. Думаю, это и есть та ниточка, за которую мы должны потянуть, – ответил Лапин.

– Так что... приподнимите! Я сниму петлю с его шеи, – сказал стажер Миша, добравшийся до сучка.

Судебный медик и криминалист, подойдя к висевшему, стали поднимать его вверх, удерживая за ноги.

– Стойте! – закричал Борис. – Разве вы не видите, что его повесили. Посмотрите, – он подошёл, поднял пенёк и поставил под ноги. Расстояние между пеньком и ступнями висевшего было сантиметров двадцать. – Он что подпрыгнул, чтобы попасть головой в петлю? А потом обратите внимание на нижнюю треть предплечья обеих рук. Там видно синюшные борозды от связывания рук.

– Вот так. И не стыдно нам. Понятые, хотя они пока ещё студенты и будущие следователи, учат нас. А ведь он прав, – сказал Лапин пристально приглядываясь к висевшему Сове. – Миша, замерь-ка общее расстояние от сучка до земли, от сучка до конца петли и от ступ-

ней до пенька, – распорядился он, а сам начал осмотр места происшествия по всем правилам с процессуальным оформлением.

Когда Миша выполнил указание следователя, и Сова был снят с петли, в его кармане Лапин обнаружил записку, которую извлёк и передал криминалисту для осмотра и обнаружения следов пальцев рук. Описав труп, следователь тщательно осмотрел прилегающую местность, при этом ругая сам себя, что отклонился от устоявшихся правил, заключающихся в том, что сначала осматривается всё кругом места происшествия, приближаясь к нему, а уж потом надо было приступить к самому непосредственному. Несмотря на это, он обнаружил множество следов обуви разного размера и поручил Мише и криминалисту изготовить слепки для последующей возможной идентификации с обувью подозреваемых. На одном рисунке, оставленной подошвой с прямоугольным удлинённым носком и прямым передним краем каблука, он остановил свой взгляд. Такой же след он видел возле поста ГАИ, который изъят во время осмотра. Лапин подозвал Мишу и сразу же поручил:

– Вот этот след запомни в особенности... сегодня же изготовленный слепок отвези эксперту... хотя... всё отвези, и эти, и те, которые изъяты возле поста ГАИ. Постановление я подготовлю и пришлю. Попроси его, чтобы как можно побыстрее идентифицировал и дал своё заключение.

– Будет сделано, – ответил тот и стал готовить арматуру для заливки гипсом следа.

Лапин, в отношении которого сослуживцы и опера, с которыми он частенько выезжал на места происше-

ствий, говорили в шутку, что он имеет собачий нюх. Если он выезжал на места происшествий, то знали, что обязательно что-нибудь стоящее да найдёт. Нашёл и на этот раз. Присматриваясь к травяному покрову и участкам земли, не покрытой травой, Лапин уходил всё дальше и дальше вглубь леса. Вся опергруппа следовала за ним. Они уже стали переглядываться, удивляясь его стараниям, как вдруг он остановился.

– Вот я так и думал, – произнёс он. – Здесь они оставили автомобили, – и он указал на следы протекторов шин. – Вот тот же след обуви, Мишенька, что я тебе показывал там... А потом все пошли... повесили Сову, вернулись обратно... Вот разворот, и уехали. Миша, сделай с криминалистом слепки следов протекторов... особенно с характерными признаками рисунка покрышки... и следов обуви.

Когда всё было сделано, то услышали звуковой сигнал автомобиля, доносившийся со стороны места происшествия. Поняв, что прибыла труповозка, все направились туда.

Лапин шёл молча, всё время шевеля губами. Когда прибыли к месту, где висел Сова, он что-то записал в осмотр места происшествия, а потом, подняв голову, встретился с любопытным взглядом Бориса.

– А ты молодец, Борька. С тобой бы я всегда выезжал на подобные дела. Береги его, Дашенька.

Та, одарив Бориса улыбкой, ответила:

– Ежедневно только этим и занимаюсь.

– А ты чего шептал всю дорогу? – спросил тот.

– Я не шептал, а считал шаги, – ответил Лапин и задумался, а потом встрепенулся и подозвал Мишу. – Будь другом, сделай ещё одно хорошее дело... На вот

тебе два чистых листа и на них нанеси оттиск обуви Сова.

Тот ушёл исполнять, а Борис, поразмыслив, спросил:

– Хочешь проверить по изъятым следам возле поста ГАИ, не был ли Сова там?

– Догадливый ты, паренёк... Именно так. А что мы теряем?! Всё складывается к тому, что был... только вот вопрос... Причина его казни? За что? Если, как Николаев сообщил, Сова звонил ему о пистолете в квартире Кузи, а после этого его повесили... Мог проколоться... Кто-то подслушал разговор или проговорился кому-либо. Будем отрабатывать все версии.

– Логично звучат твои слова, Серёжа. Думаю, что кто-то подслушал. Проговориться он не мог, ведь знал закон братвы отлично... Неминуемая смерть.

– Я тоже склоняюсь к этой же версии, – сказала Даша, заглянув счастливыми глазами в глаза Бориса.

– Ребята, закрутившись, я забыл вас спросить... Вы ко мне пришли по целевому вопросу или навестить, поработать со мной?

– Никаких целей, – в один голос заявили Борис и Даша.

– По вашим делам у меня ничего утешительного нет. Поход по фотолабораториям ничего не дал... Я всё-таки нашёл, где печатались фотокарточки, но кто именно заказывал, установить не удалось. Не помнят, ссылаясь на множество заказчиков.

– А где эта фотолаб? – поинтересовался Борис.

– Возле метро «Тушинская»... левый ряд бутиков. Так вот в одном из них.

По возвращению в кабинет Лапина, Борис попросил вернуть все фотокарточки и дать фото Валентины, при этом незаметно подмигнув Даше. Он решил попытаться поговорить самому. «А вдруг получится», – подумал он.

– Ты что... мне не веришь? – спросил Лапин, протягивая фотокарточки.

– Верю. Серёжа... эти фотки с порнухой я уничтожу, а с этой, – и он показал фото Валентины, – я попытаюсь поговорить ещё раз, но сам... Может быть, деньги освежат их память!

– Ну как знаешь.

В это время дверь открылась и конвой доставил Кузю для допроса. Чтобы не мешать, Борис с Дашей ушли, а Лапин приступил к допросу. Тот категорически отмежевался от пистолета и слёзно просил найти того, кто подбросил.

Спустя три дня прокурор вновь решил заслушать ход расследования уголовного дела, касающегося событий, происшедших на посту ГАИ. В этот раз на оперативное совещание кроме всё того же состава был приглашён и старший оперуполномоченный Николаев. Первым доложил Лапин:

– В части обнаружения работников ГАИ, их оружия и автомобиля результат всё тот же. В этом направлении следствие не продвинулось ни на сантиметр. Однако есть новые результаты, подтверждающие, что мы на правильном пути. Связуемым звеном событий возле поста ГАИ и повешенным Сисолятиным по кличке Сова являются обнаруженные следы обуви, оставленные не только уже нам известным ранее судимым Ивановым по кличке Колун, но другими пока

не известными. Что же касается Сова, то его след обуви обнаружен возле поста ГАИ. Всё это подтверждено заключениями эксперта. Таким образом, к исчезновению работников ГАИ, а точнее, нападению на пост и к повешению Сисолятина причастны одни и те же преступники. Судя по количеству следов, их в группе насчитывается десять, а может чуть больше человек. Кроме этого в кармане повешенного при осмотре места происшествия была найдена записка, на которой обнаружены следы пальцев рук нескольких человек. Результат дактилоскопической экспертизы с минуты на минуту доставит стажёр...

В этот момент дверь открылась, и вошёл Миша с папкой в руке, обратился к прокурору:

– Разрешите, Валерий Николаевич!

– Входи. Ждём тебя, – ответил тот. – И сразу докладывай.

– Результаты экспертизы потрясающие. На записке, находившейся в кармане Сова, обнаружены отпечатки пальцев его самого, а также ранее неоднократно судимого Воронина Кирилла по кличке Ворон. Для такого категоричного вывода экспертом использовались не только представленные следствием материалы, но и данные информационного центра России об учёте ранее судимых. Что же касается участия Воронина в нападении на пост ГАИ, эксперт категорично не утверждает. Отпечатки пальцев, изъятых с дверной коробки, чуть смазаны, но больше всех подходят ему. Это всё.

– Спасибо, – произнёс прокурор и задумался, вертя в руке карандаш, а потом, подняв глаза на Лапина, сказал: – Таким образом, мы уже твёрдо знаем, что в

казни Сисолятина и нападении на пост ГАИ участвовала одна и та же преступная группа, в составе которой находились ранее судимые Иванов, он же Колун, и Воронин, он же Ворон. Срочно запросите копии приговоров об их судимостях и направьте запрос в ИТК по месту их отсидки, указав все интересующие следствие вопросы... Так, а что нам сообщит капитан Николаев?

Тот поднялся, но прокурор показал жестом руки докладывать сидя. Он доложил об оперативных отношениях с Сисолятиным, о последнем его звонке по поводу пистолета и о подозрении в двурушничестве.

– Повешенный это и есть Сисолятин? Вы это категорично можете утверждать? – спросил прокурор.

– Без всякого сомнения, – ответил капитан. – Я завтра следователю доставлю его родственников для фиксации опознания.

– А двурушничество в чём выражается?

– Он сообщил мне несколько мелких эпизодов, которые нашли своё подтверждение, а вот о нападении на пост ГАИ нет. Даже, как я понял, он пытался следствие направить по ложному пути, сообщив о нахождении пистолета в квартире Кузьмина. Я считаю, что пистолет подбросил именно он.

Перед встречей с вами я ещё раз побеседовал с Кузьминым, который, кстати, тоже не подарок, и тюрьма по нему плачет, но пока у нас ничего на него нет... Так вот оказывается Сисолятин хорошо знаком с Кузьминым и его квартирой... состояли в одной преступной группировке и находились, если не во враждебных, то, во всяком случае, в крайне натянутых отношениях, сопровождаемых постоянными ссорами.

Сообщив о пистолете, он преследовал цель отвести наш удар от той группировки, в которой находился. Кузьмина надо освобождать.

– Придётся, – согласился прокурор и перевёл взгляд на начальника уголовного розыска. – У вас, Олег Николаевич, есть что добавить?

– Пару минут... Нападение на пост ГАИ с известными нам результатами наделало много шума. Этот факт сейчас на контроле министра. Вчера я возвратился с совещания, проводимого начальником ГУВД города... Гром и молния... Требование о немедленном раскрытии преступления звучало сначала и до конца, и уже вечером силами милиции нанесён сокрушительный удар по всем состоявшим на нашем оперучёте преступным группировкам. Считаю, что после этого между ними начнутся разборки, выясняя, кто совершил нападение на пост ГАИ, и результаты должны быть. Чего мы и ожидаем. На раскрытие преступления нацелена вся негласная служба милиции города, повсеместно проводится проверки соблюдения паспортного режима, преследуя цель – выявление неблагонадёжных лиц и подозреваемых в совершении этого преступления, усилена патрульно-постовая деятельность милиции, а так же дорожно-патрульная... Одним словом... сеём через сито, и уже из принятых мер есть положительные результаты... Правда, они к обсуждаемому делу отношений пока не имеют. Надежда на раскрытие не утрачена. У меня всё, Валерий Николаевич.

– Спасибо, – промолвил тот. – Прокурор города... Геннадий Семёнович... говоря условно... ежедневно сидит в моём кабинете... Вот и сейчас буду доклады-

вать, а он требует доклада утром и вечером. Так что будьте любезны побеспокойтесь о своевременном мне докладе, о всех положительных результатах работы. Всё. Все свободны за исключением Лапина.

Когда присутствовавшие вышли, прокурор обратился к нему:

– Постарайся, Сергей Валерьевич... Надо раскрыть это дело. Не то нам очень плохо будет... И ещё... Хорошего паренька на должность следователя на примете нет?

Тот подумал и ответил:

– Есть, Валерий Николаевич, толковый... очень толковый, мыслящий и башковитый, но он первый курс очного юрфака заканчивает... Каневский Борис Фёдорович.

– На заочное перешёл бы, а я потолковал бы с прокурором города, и как исключение взяли бы его. А?

– Поговорю с ним.

С этого дня фамилия Бориса будет звучать часто в стенах не только межрайонной прокуратуры, но и управлений кадров, как прокуратуры города, так и прокуратуры республики.

XV. Воровская сходка

Сняв у старушки в дачном кооперативе Красногорского района домик с небольшими двумя пристройками, Корень поздней ночью всей братвой перебазировался туда. В устном договоре с ней обозначалось, что арендатор будет проживать круглогодично, ухаживать за хозяйством и пользоваться всем росшим и выращенным. Хозяйка же должна забыть о существовании дачи на целый год, за что получила чуть бóльшую годичную плату, чем просила.

Участок из шести соток располагался последним в крайнем ряду, соприкасаясь с зарослями леса. Соседний участок без домика не был освоен, порос высоким бурьяном, на его территории валялись привезённые кирпич, поржавевшая рабица и пожухлые доски, столбы и жерди. Местами выросшие на нём кусты лозы скрывали от людских глаз всё происходящее на арендованном участке. Корень был доволен. Рядом в лесу под руководством Ворона был выкопан погреб, в который перевезли всё имеющееся оружие, после чего тщательно замаскировали вход. Пользуясь условиями устного договора, Корень внутри домика силами братвы произвёл некоторую перепланировку: отгородил для себя небольшую комнату, оборудовал кухнюшку, устроил для братвы двухъярусные нары в общей комнате и в незавершенной до конца мансарде

с настелённым до половины помещения полом. Для обустройства потребовалось всего три дня, но Корень даром время не терял и со второго дня пребывания на новом месте послал Сухого в город для разведки обстановки, а также встретиться с Василием, который, как работник милиции, мог дополнить интересующую информацию, ещё надо было доставить продукты питания.

К вечеру третьего дня пребывания на даче, Сухой возвратился, загнал «жигулёнка» во двор для разгрузки, а сам пошёл докладывать Кореню.

– Плохо дело, Корень, – начал он, – в городе расклеены листы о розыске Ворона и Колуна. Так что им вход в город заказан.

– И указано за что? – спросил тот.

– Конечно. За две мокрухи, только какие именно, не указывают.

– За две? Странно. За две... это за ментов и Сову... Но как им стало известно? Что Василий говорит по этому поводу?

– Чтобы легли на дно. Копают по этому делу капитан Николаев... служака и карьерист. Бабло ему на дух не надо.

– Может, мало давали?

– Нет. Он таков есть... Пашет за звёздочки.

– Стало быть, он сел нам на хвост?! Ладно... Зайдём с тылу. Ты вот что... Возвращайся в город, потопай за этим капитаном, узнай все его слабости, где живёт, кто семья. Одним словом всё, всё...

– Так он не один такой, – оборвал Кореня Сухой. – В прокуратуре следователь... Лапин. Он расследует дела в отношении ментов и Совы...

– Ещё раз поперёк встанешь... язык отрежу. Перебивать самая отвратительная манера... Так что... и по Сове тоже есть дело?

– Так я об этом и толкую. Васёк не распространялся, а лишь сказал, что по Сове завели дело, как по мокрухе, и что Ворон с Колуном засветились, оставив свои пальцы.

– Вон оно что?! И сказал, что с баблом соваться бесполезно?

– Так и сказал. Говорит, что эти два будут копать до конца. К ним даже начальство со шкурными просьбами не обращается. Да-а, чуть не забыл... Вчера менты одновременно нагрянули с визитом к ховринской, тушинской, строгинской, солнцевской братве... и всех остальных, в том числе и на наше старое место. Мы тогда только успели уйти, а они тут как тут.

– Конвертик Василию вручил?

– А как же. Он в первую очередь о нём поинтересовался.

Корень замолк, погружившись в размышления.

Чуть больше года, как он при поддержке Кириллыча, которому подчинялись все воры в законе, стал вором в законе. За этот период после коронавания он дважды встречался со своим протеже и то на короткое время. Свой взнос он аккуратно отправлял ему через посыльного, что не всегда тому нравилось. Зная его норы и жестокий характер по поводу любых нарушений воровских законов, Корень был уверен, что не сегодня, так завтра его будут разыскивать для участия в сходняке, поэтому решил подготовиться.

– Позови мне Ворона и Колуна, а сам вместе с этим... Сычом отправляйтесь в город. Ты за ментом, а он за следаком... Объяснишь ему суть дела... Два

дня вам на всё это, – распорядился Корень, пронизывающе глядя на Сухого.

Тот молча кивнул головой и поспешил к выходу. Корень продолжал размышлять над создавшейся ситуацией. Его внутренне бесило то, что Ворон и Колун так бессознательно наследили, и даже подумывал, как их наказать. Добротой он не отличался и чувство жалости к кому бы то ни было его никогда не посещало. Когда же они вошли в его комнату, он с минуту молча смотрел на них, сверля пронизательным взглядом и не приглашая присесть, а потом произнёс:

– Как мне хочется прямо сейчас сделать вам обоим невыносимо больно... до безумия хочется... Дундуки твердолобые... Идиоты паршивые... Не найду слов более отвратительных, чтобы выплеснуть в ваши противные морды.

– Что случилось, Корень? – расстроено и с опаской навлечь ещё худшее спросил Ворон.

– Что случилось? Самое худшее, что можно было ожидать. Как же вы, спецы в области криминалиста, могли оставить ментам свои автографы со всей своей гнусной биографией?

Колун, до настоящей минуты стоявший в совершенном спокойствии, вдруг заволновался, мысленно вычисляя возможные варианты во всех своих соприкосновениях с преступной жизнью, а потом как на производственной оперативке спросил:

– Точнее можно, Леонид Степанович?

Услышав впервые за много лет свои настоящие и законные имя и отчество, тот поначалу как бы растерялся, а потом, собравшись и выпучив глаза, сквозь зубы ответил:

– В нашей нелегальной обстановке, Колун, принято забыть о собственном имени и в обращении использовать погоняло²². Понятно? Это, во-первых, а во-вторых... Если задаёшь вопрос, ответ на который может касаться лично твоих бесконтрольных действий, то надо прежде всего подумать... задавать его... с невинной мордой... или же помолчать виновато. Последние два насока не далеки друг от друга. Это пост ГАИ и Сова. Так вот... Как вы ухитрились оставить ментам следы своих пальцев?

– Где галстук²³ одели Сове, там я никак не мог... и в гаишной будке... Ума не приложу, где именно, – оправдывался Колун с огорчением в голосе.

– А я, – начал, было, Ворон, а потом, хлопнув ладонью себе по лбу, вскрикнул: – Вспомнил! Я действительно идиот... Листок из моего блокнота я вырвал, Сова писал, и я же сунул ему в карман. Вай! Вай!..

– В город не ходить. Вы оба в розыске. Вы сейчас для меня обуза... как чемодан без ручки. Вас опасно прогнать и ещё опаснее держать при себе. Остаётся одно... пристрелить. Но я первый раз в жизни проявлю снисхождение... Только сорок процентов от возможного денежного вознаграждения будете получать до тех пор, пока я не отменю. А теперь пошли вон.

В лицах Ворона и Колуна произошло замешательство. Они бросили отсутствующий взгляд на Кореня и с поникшими головами направились к выходу.

– Ворон, задержись, – потребовал Корень и, подождав, когда за Колуном закрылась дверь, сказал: –

²² Кличка – (лагерн. жаргон)

²³ Петля – (лагерн. жаргон)

Моё решение не поспешное, но это не значит, что ты можешь спать целыми сутками. Займись поиском запасного места нашего нахождения, для чего используй кого хочешь... кроме Колуна. Пусть рыскают... ищут. Я посмотрю, а потом решу. Кроме этого... пошли Кота, пусть проедет по автодорогам... близпроходящим... надыбает хорошее местечко, где можно с использованием ментовского автомобиля поставить наших двоих переодетых в ментовскую шкуру и бомбануть фуру со значимым товаром, а потом потихоньку подбросим на рынок нашим торговцам Сеиту и Махмуду. Понял?

Тот одобрительно кивнул головой и в расстроенных чувствах ушёл.

Спустя час Кот уехал выполнять указание Кореня. Корень же в это время всё думал, как в недалёком будущем поступить с Вороном и Колуном. То, что от них надо избавляться для него с каждым часом становилось однозначным, но он хотел высосать из них до последней капли все их возможности, которые бы принесли хоть какую-нибудь пользу. И он решил, в случае вынужденного перебазирования на запасное место их с собой не брать: «Сухой замочит обоих, а его я поставлю вместо Ворона».

Ворон же в свою очередь тоже размышлял, прокручивая раз за разом эту же тему. Он прекрасно знал, что Корень в живых ни его, ни Колуна не оставит, поэтому на душе было мерзко и гадко: «Когда он это сделает? Ну не сегодня и не завтра, но тянуть не будет. Для него мы как бельмо на глазу. Поговорить с Колуном, да объединиться? А вдруг он до корней волос человек Кореня?! Бежать? На первой станции схватят.

Пойти в ментовку сдать ся и всё рассказать, так в хате²⁴ замочат. Надо думать. Положение крайне сложное».

К вечеру возвратился Кот и доложил, что нашёл хорошее место для нападения на проезжающие по дороге фуры:

– Есть возможность быстрого отхода, удаления с трассы фуры, но нужны ещё два человека-сигнальщика, которых надо поставить на изгибах дороги в обе стороны, чтобы подали знак на случай приближения настоящих гаишников... А фуры в сторону Москвы идут. Так что выбор есть.

– Молодец, Кот, толково мыслишь, – похвалил Корень, а сам подумал: «И этот вместо Ворона потянет только так». – Завтра же планируйте. Под твоё руководство, Кот. Отбери надёжных четырёх человек... Два в ментовской одежде, а два будут сигнальщики. А фуру куда спрятать на время?

– И этот вопрос я решил. Нашёл сухую ложбину, поросшую кустарником, кругом заросли. След ветками заметём. А как товар перевезём на рынок, фуру выгоним и оставим подальше или даже на трассе, чтобы побыстрее нашли.

«Башка у него варит. Молодец», – подумал Корень.

На рассвете Кота, Бурого, Щуку и Кнута на машине Белый отвёз к спрятанному автомобилю ГАИ. С ним Кот договорился о месте встречи ближе к вечеру, и он возвратился на базу, а оставшиеся стали готовиться к выезду. Кот и Бурый облачились в милицейские мундиры погребённых вблизи работников ГАИ, а Щука и Кнут запаслись для подачи сигналов зеркалацами на

²⁴ Камера – (лагерн. жаргон)

случай солнечного дня, а если день будет пасмурный, то фонариками. Перед выездом Кот с помощью зубной пасты и чёрного гуталина видоизменил госномера автомобиля. Прибыв на место, он загнал автомобиль в кусты, и все целый час наблюдали за утренним движением транспорта по автотрассе. Бурому надоело лежать на сырой земле, и он с юмором предложил:

– Начнём, товарищ старший лейтенант. Раньше начнём, раньше закончим. Вот смотри, какая красавица катит, – и он указал на движущуюся фуру.

– Подождём сержант, – поддержал шуточный тон Кот и уже серьёзно добавил: – Почему-то моё чутьё подсказывает, что надо повременить.

– Коленки и локти уже мокрые от влажной земли, – подключился Щука.

Кот посмотрел на него и тут же распорядился:

– А ну-ка марш по своим местам. Расположитесь так, чтобы нас видели. Я пока привяжу на куст белый платочек. Будете на месте, помашите нам бейсболками. Щука и Кнут поднялись и исчезли среди кустов. Вскоре тот и другой подали сигнал о месте своего нахождения.

Небо начало темнеть, хмуриться, обещая дождь...

Выждав ещё минут пятнадцать, Кот как-то нехотя произнёс:

– Ну что... пошли выводить на трассу авто?!

Не успел он закончить последние слова, как мимо промчалась «Волга» с обозначением принадлежности ГАИ.

– Во-о, бляха-муха! – вскрикнул Бурый. – Вот те на... Ну ты, Кот, чувствующий мужичок... Не зря оттягивал...

– Кончай базар, – перебил его тот. – Пошли быстрее. На дороге долго не задерживаемся. Берём фуру с товаром и в лес...

– А водилу куда? – просил Бурый, следуя за ним.

– Ну не на все четыре стороны... Он же будет видеть наши лица. Ты управлял грузовиком?

– Никогда. На легковушке несколько раз прокатился.

– Ладно. Сам за руль сяду, хотя ни разу не управлял этой машиной. Легковушкой часто, «газончиком» несколько раз.

Сидя за рулём, Кот запустил двигатель, выехал на трассу и остановился. Мимо проносились легковушки и грузовики... И тут из-за поворота показались две фуры. Бурый взмахом жезла подал сигнал водителю первой из них остановиться. Тот начал тормозить, а за ним стал делать это же и второй. Бурый подал ему знак, чтобы тот продолжил движение. Однако он не стал это делать и, высунувшись из окна, озвучил, что едут они вместе и будет ожидать.

– Что делать, Кот? – тихо спросил в растерянности Бурый.

– Для понта глянь документы и пусть катятся.

Тот так и поступил. Как только фуры тронулись, из-за поворота показалась длинная фура с серой кабиной и зелёным брезентом.

– Нам по цвету как раз, – задорно съязвил Бурый, выходя на дорогу и покручивая жезлом.

Раздался скрип тормозов, и фура медленно подкатила к самому автомобилю ГАИ и замерла. Водитель крепкого телосложения вышел из кабины с пачкой бумаг. В это время в небе появились сполохи молнии и

послышался близкий грохот грома, и дождь не замедлил себя ждать.

– Инспектор дорожно-патрульной службы сержант Приходько, – представился Бурый, назвав первую попавшуюся на ум фамилию. – Откуда и куда направляемся?

– Из Польши в Московский универсам, – с холодным равнодушием ответил шофёр.

Бурый выпрямил сутулую худую фигуру, вальяжно прошёлся вдоль фуры, постукивая жезлом по брезенту, и задал следующий вопрос:

– Что в кузове? Недозволенные товары, наркотики, оружие... имеется?

– Избави Бог. С такими вещами я не дружу, зная, что за это бывает... Везу продовольственные товары: масло сливочное, сыры, кондитерские изделия, спиртные напитки и прочее.

– Открывай, посмотрим, – потребовал Бурый.

– Не имею права, товарищ инспектор. Опломбировано на границе и теперь только таможня откроет...

– Ладно, пусть едет, – сказал Кот, подходя и глядя на Бурого, сделавшего удивлённое лицо.

– Спасибо, товарищ старший лейтенант, – сказал с той же холодностью шофёр и залез в кабину.

– А в кабине ты смотрел? – спросил Кот Бурого.

– Нет, – ответил тот. – Не успел из-за вашего распоряжения.

– В кабине есть что-либо недозволенное? – обратился Кот к водителю.

– Ничего нет. Можете посмотреть, – ответил тот, надеясь, что после сказанного отпадет желание досматривать кабину.

– А ну-ка подвинься, – потребовал Кот, встал на ступеньку, схватился за руль и молодецки оказался в кабине.

Водитель пересел на пассажирское сиденье, а Кот стал заглядывать в отсек, предназначенный для отдыха. Подняв матрас, он обнаружил там обрез и одноствольного охотничьего ружья 16-го калибра.

– Ну вот, а говорит ничего нет, – подколот он, подавая обрез Бурому. – Что в «бардачке»?

– Разная дребедень... А обрез для защиты от бандитов, – пояснил, волнуясь, шофёр.

Кот наклонился, открыл крышку и стал правой рукой переворачивать лежавшие там бумаги, а левой незаметно достал из кармана нож и резким движением вонзил его слева в грудь шофёра. Тот глубоко вздохнул и, осунувшись, замолк.

– Уходим, – сказал Кот Бурому. – Давай за мной.

Проехав по дороге полсотни метров, Кот свернул в лес и поехал просёлочной еле видимой дорогой. Бурый же после поворота проехал метров сто, остановил автомобиль и стал ожидать Шуку и Кнута, что вскоре явились с запыхавшимся видом. Наломав веток сосны, они замели следы машин после поворота с дороги, им помог и хлынувший ливнем дождь, а после сели в салон, и Бурый поспешил догонять Кота. Вскоре он настиг медленно движущуюся фуру. Загнав её в подготовленную ложбину, Кот и Бурый стали вскрывать кузов, а затем в багажник легковушки носить продукты и спиртные напитки.

Затарив ими полный багажник и замаскировав фуру приготовленными Кнудом и Шукой ветками, они закопали поблизости труп шофёра и уехали к месту назначенной встречи с Белым. Его там ещё не было.

Дождь к этому времени перестал. Тогда Кот распорядился выгрузить в кусты всё взятое из фуры, а сам автомобиль отогнал за километр, спрятал его в заросшем овраге, а сам вернулся к остальным. Белого пришлось ожидать чуть больше часа.

Погрузив товар в багажник, все сели в машину и благополучно возвратились на базу. Кот сразу же доложил Кореню, а тот выслушал и, сузив глаза, спросил:

– А сами-то не наследили... как Ворон и Колун?

– Нет. Замели, где надо, ветками, детали протёрли тряпками. Всё сделали в ажуре, шеф.

Корень ещё раз остался довольный Котом. К вечеру возвратились Сухой и Сыч. Оба доложили о положительно проделанной работе в отношении капитана Николаева и следователя прокуратуры Лапина. В конце доклада Сухой заявил:

– Это ещё не всё. В городе я наткнулся на Могилу, он боец из братвы Кириллыча. Так он сказал, что второй день по поручению Кириллыча ищет вас. На завтра запланирован сход всех уважаемых... в ресторане на Поварской... говорит, что вы знаете это место. И чтобы вы были обязательно.

– Некстати всё это... – задумчиво произнёс Корень, – но ничего не поделаешь. Придётся идти. Ты, Сухой, с Котом поедете со мной. Да оденьтесь поприличнее и свои тыквы приведите в порядок... Обросли волосами... на бичей смахиваете. Оружие не брать. Коту передай всё то, что я сказал... Ступай.

Корень задумался не на шутку. Он догадывался, что сходка будет проводиться в связи с убийством двух сотрудников ГАИ. Кириллыч начнёт выяснение, кто это сделал без наличия его согласия. Он знал и о том, что

тот виновного видит насквозь. От него трудно было скрыть что-либо, но всё-таки надеялся, что ему это удастся. Размышлял об этом полночи, выстраивая доводы вокруг своей невиновности, а точнее непричастности, пытаясь обмануть не только Кириллыча, но и самого себя.

Ближе к полудню окрылённый лживыми доводами уехал в сопровождении Сухого и Кота.

Возле ресторана находились десятка два представителей разношерстной братвы. Оставив своих, Корень вошёл в ресторан. За столом сидели десять воров в законе, контролирующие закреплённые за ними районы столицы. Все они встретили его недовольным взглядом. Поздоровавшись и не понимая происходящего, Корень осёкся в конце приветствия и стоял, ожидая разрешения Кириллыча на то, чтобы спуститься на единственно свободный стул.

– Заставляешь себя ждать, Корень? Здесь собрались авторитетные, уважаемые люди, вовремя прибывшие и уже в получасовом неведении ожидают тебя одного. Что можешь сказать по этому поводу? – отчитал его Кириллыч.

– Да я ведь раньше объявленного срока прибыл, – заявил тот и глянул на свои часы, а потом вдруг сделал неловкую мину лица. – Стоят... Прошу у всех извинения... Часы подвели.

– Со своими часами сам разберёшься... и чтобы этого больше не повторялось... – предупредил его Кириллыч и продолжил: – Присаживайся... Коль все уже собрались... то с Божией помощью начну... Я собрал вас всех вот по какому поводу... Сами наяву знаете, в какой ситуации мы живём. Империя рухнула... В

стране процветает беззаконие, хаос и разруха. Однако для нас это не значит, что мы можем беспредельничать, подыгрывать своего рода махновщине. Этот период для нас является главным и переходным к настоящей легальной жизни. Какое оно ни есть, но государство, в котором мы живём и тянули сроки... находились на нелегальном положении, подвергались всякого рода преследованиям... Наконец, разрешило всем, и нам, в том числе, иметь свою собственность. Этот период... период нашего становления мы должны пройти достойно, создав всякое благоприятствие для закрепления нашей с вами собственности, основанной на законе, но не на крови. Если мы будем жить по старинке, то кроме бесплатной хаты у кума ничего больше не добьёмся. Я к чему это говорю?! Кто-то из нас неизвестно зачем... самовольно провёл нападение на пост ГАИ с мокрухой двух ментов. В результате это на всех нас сказалось. По нашей братве сразу же был нанесён ощутимый удар. Мы понесли огромный ущерб, как в материально-финансовом плане, так и в живой силе. Я хочу, чтобы тот, кто это сделал, встал и объяснил уважаемым людям... с какой целью и почему без согласования всё это сделано... а потом мы решим, как быть дальше, как ответит беспредельщик и как будет возмещать причинённый вред.

Все сидели молча, бросая исподлобья пронизательные взгляды друг на друга. В этой молчаливой перестрелке больше всех удостоился особого внимания Корень. Стрелы отовсюду летели в него. Многие тайком недолго любили его за нескрываемую опеку со стороны Кириллыча и неукротимый характер. Корень в этой молчаливой схватке вёл себя безукоризненно.

Его спокойный и заранее подготовленный вид внушал сомнение авторитетов в его причастности к озвученному вопросу.

Выждав несколько минут, Кириллыч обвёл всех взглядом и требовательно произнёс:

– Обман ещё сильнее усугубит шаткое положение виновного. Придётся ответить вдвойне. Даю ещё одну минуту для осмысления, а уж потом... не взывайте. Я достоверно осведомлён, кто из присутствующих беспредельничал. По истечении названного мною времени... придётся объявить.

Молчание продолжалось, поглядывая на Кириллыча, все сидели в ожидании оглашения, а тот спокойно поглядывал на часы.

«Комедию Кириллыч строит. Что он может знать? На понт берёт», – подумал Корень.

Когда же время истекло, Кириллыч поднял голову, глухо стукнул ладонью по столу и продолжил:

– Ну что ж. Так тому и быть, – а потом перевёл взгляд на Кореня, спросил: – Ты, Корень... разве ничего не хочешь сказать уважаемым людям?

– А что я должен им сказать? То, что я уважаю всех сидящих здесь? Так это очевидно. Если вы считаете, что это моя работа, то глубоко ошибаетесь. Я слышал о нападении на пост ГАИ, но в это время мои люди усердно занимались поиском более безопасного места пребывания, и поэтому ни один из них не мог участвовать в этом ментовском инциденте, – солгал тот и даже глазом не моргнул.

Кириллыч проницательно посмотрел на него, а потом, опустив голову, как бы разглядывая свои пальцы рук, вдруг резко поднял её и, глянув на Кореня, произнёс:

– Всё время... до и после твоего избрания, я покровительствовал тебе, надеясь на аналогичное отношение. Однако вижу, что напрасно. Я понимаю, каждому из нас не чужды человеческие слабости, и у каждого есть свои счёты с ментами. Однако в любом деле должен быть порядок, и разводить махновщину никому не позволено. Ты должен был знать, что из-за твоего беспредела пострадают другие, то есть мы все, находящиеся за этим столом и отсутствующие по разным причинам...

– Кириллыч, да клянусь мамой. Век свободы не... – оборвал его Корень, но тот резко и громко ударил ладонью по столу и повысил голос:

– Молчать! Мы до ныне слушали тебя, но ничего не услышали, кроме вранья и попыток обмана. Я доселе не утрачивал надежду, что ты всё-таки честно объяснишь нам причину происшедшего на посту ГАИ, повинисься, ожидая снисхождения, но увы... С этой минуты я снимаю с тебя своё покровительственное отношение, – на этих словах он на короткое время замолк, а потом, повернув лицо к входной двери, где в чёрных кожанках стояли два бритоголовых бойца, повелительно сказал им: – Заводите!

Такой развязки Корень не ожидал. В помещение ресторана вошли Ворон и Колун. У Кореня глаза расширились, под сердцем похолодело, во рту пересохло. Он не знал, что люди Кириллыча, встретив в городе Сухого, не только через него передали приглашение Кореню на сходку, но и проследили до самой базы. К тому времени люди Кириллыча, находившиеся в среде сотрудников милиции, уже успели сообщить ему о провале Ворона и Колуна с объявлением их в розыск не только за нападение на пост ГАИ, но и убийство Совы. Как только Ко-

рень выехал на сходку и, убедившись, что он достиг города, два бойца Кириллыча приехали на его базу и под видом указания Кореня доставить Ворона и Колуна на сходняк, сопроводили их на машине Колуна.

Кириллыч подозвал их подойти поближе и представиться, а когда они исполнили, спросил Ворона:

– Под кем ходите оба?

– Люди Кореня, – ответил тот.

– Сколько вас человек принимало участие в скачке на пост ГАИ? – в лоб спросил Кириллыч.

– Семь. Четверо непосредственно и трое вспомогательно...

– А сколько всего бойцов под Коренем? – оборвал его Кириллыч.

– Двенадцать, – ответил Ворон и посмотрел на него, пытаясь угадать смысл дознания.

– Молодцы, – хитро похвалил тот и сразу же спросил: – План сами разрабатывали?

– Нет, конечно. Шеф, – поспешил пояснить Ворон и глянул на Кореня. Тот сидел с опущенной головой. Внутри в нём происходила та разрушительная буря, от которой надо было ожидать самого худшего.

– Ступайте, – велел Кириллыч Ворону и Колуну, а потом, глянув на всех сидевших за столом, предложил: – Прошу высказать своё мнение по поводу ответственности Кореня... его беспредела и лжи, втюханной нам...

Корень резко встал, чем не позволил Кириллычу договорить, вышел из-за стола и яростно, глядя на сидевших, со злой усмешкой произнёс:

– Не вам, защитникам ментов, решать о моей ответственности, – потом сделал паузу... и с раздражением добавил: – Я их убивал и убивать буду.

После этого он демонстративно направился к выходу. Кириллыч крикнул ему вслед:

– Корень! Опомнись!

Но тот даже не посмотрел на него, глухо стукнул дверью и ушёл. Он прекрасно понимал, что подобная выходка ему даром не пройдёт, и что Кириллыч примет все возможные и невозможные меры, чтобы его наказать самым строгим способом.

Возвращаясь на базу, он постоянно оборачивался назад, беспокоясь не осуществляется ли погоня. По прибытию, получив доклад о подготовленной запасной базе, сразу же распорядился перевезти всё хозяйство, и вместе со всеми покинул дачный домик.

В ходе подготовки к переезду он заметил отсутствие на базе Ворона и Колуна и понял, что те сбежали. Возмутившись, Корень послал Сухого в город к Василию с наказом сообщить ему о побеге, чтобы тот принял меры по их ликвидации. Перед выездом Сухого сказал:

– Ты не знаешь нашего нового места пребывания, а поэтому вернувшись... жди Фому у старого засохшего дуба. Да хвоста не притащи за собой. Назад поглядывай. С Василием решишь все вопросы... Забеги на рынок к Магомеду и договорись о месте встречи поближе к фуре. Пусть приедет за товаром.

Тот кивнул головой и уехал в город. Корень со своей братвой, замечая следы, двинулся к новому месту пребывания. Он понимал, что отныне находится между молотом и наковальней, что теперь за ним будут охотиться не только службы милиции, но и братва всех воров в законе.

XVI. В плену у Колуна

Закончили Борис и Даша первый курс обучения с неплохими результатами. За это время отношения между ними стали ещё теплее. Во время учёбы они расставались только чтобы поспать, а утром снова увидеть свет любимых глаз, ощутить тепло рук друг друга.

Надо было проведать родителей, и Борис собирался в дорогу, терзаясь мыслью – выдержит ли каникулы без Даши. Она тоже мучительно переживала грядущее расставание, не зная, как будет без Бориса такое столь тягостное и для неё неисчислимо длинное время.

Перед сдачей последнего экзамена за первый курс она уговорила свою бабушку, Прасковью Нестеровну, чтобы та с сентября взяла его на временное проживание в одну из комнат её трёхкомнатной квартиры и плату за проживание не брала. Та из-за любви к внучке сопротивлялась недолго.

– Так и быть. Ради тебя, внучка, возьму твоего кавалера в постояльцы... и то веселее будет. Целыми днями сама, как перст у окна сижу, наблюдая за передвижением людского муравейника, разнообразного транспорта, да болтанием воробьёв, – сказала она и принялась готовить комнату.

Борис, конечно, об этом не знал. Даша ему готовила такой сюрприз в тайне и была рада этому. Радо-

валась она и тому, что Борис будет жить на проходящей рядом Таганско-Краснопресненской линии метро с расстоянием от её квартиры в три станции. «Вернётся после каникул, скажу ему потом», – решила она.

Борис же, не желая оставлять на потом то, что можно сделать сейчас, заглянул всё-таки в фотолабораторию, преследуя цель выяснения – не Валентина ли является заказчиком злополучных фотографий... или же кто-то другой. Лаборант категорично заявил после просмотра предъявленного фото Валентины, что никогда не видел её. Однако девушка-кассир, через которую осуществляется оплата за изготовление фотокарточек, пояснила так, чтобы не слышал лаборант:

– Он боится, что его накажут за порнуху, поэтому якобы ничего не помнит или отрицает всё... Я же видела эту девушку, только вот подтвердить, с какой целью она заходила к нам, не могу, потому что у нас кроме изготовления фотокарточек, продаются книги, детские игрушки, радио- и видеотехника и прочее. К тому же я получаю от лаборанта фотозаказы после их выполнения в конвертах с номером заказа. Заказчик при получении предъявляет корешок с номером, производит оплату, и я выдаю пакет, не видя, что в нём. Так вот... эта девушка могла подходить к кассе для оплаты книги и всего прочего, в том числе и фотокарточек. Её надо... она и пояснит.

Поблагодарив девушку за эти сведения, видя, что всё складывается не так, как бы он хотел, Борис направился к Лапину.

Тот, выслушав его, развёл руками:

– На нет и суда нет. Обыск бы у неё в квартире произвести... Но как? Дела как такового у нас нет, а коль

нет, то и к прокурору за санкцией обращаться нет возможности... А там бы мы посмотрели хорошо и вдруг бы фотоаппарат нашли или фотоплёнку... ещё лучше. Будем надеяться... вдруг залетит по какому-то делу, и по нему будет возможность получить санкцию на объект.

– А может я... без санкции, пиратским путём посмотрю? Открыть замок... плёвое дело. А ты на улице прикроешь меня... на случай появления Валентины? Как думаешь?

– Нет. Это нарушение законности... При том грубейшее. Нельзя. Так можно без погон остаться. Тебе-то что?! А вот мне... Да-а... хорошо вспомнил... Шеф просил поговорить с тобой, вот на какую тему... Ты можешь на заочное обучение перейти?

– Это зачем?

– Он хочет тебя на работу взять. Если ты согласен, то он будет на эту тему разговор вести с прокурором города.

Борис задумался. Радостное чувство овладело им, лицо расцвело в довольной улыбке:

– Это было бы здорово. А можно я с Дашей посоветуюсь?

– Надо же как у тебя... Как с женой!

– К этому у нас идёт, Серёжа. Думаю, что к осени я сделаю ей предложение. Так как?

– Ну-у... посоветуйся. Ты когда к своим отчалишь?

– Послезавтра, а завтра я или позвоню тебе, или заеду... Да и в учебной части надо согласовать.

– Там всё будет в норме. Учёбку мы на себя возьмём. Главное твоё согласие, а остальное решится однозначно. Тогда жду?

– До завтра.

Борис вышел от Лапина окрылённый предложением. Размышляя над ним, он вспомнил, что где-то читал о порядке приёма на работу в органы прокуратуры, там было написано о такой возможности после третьего курса обучения на юрфаке, поэтому сразу эта мысль заставила его призадуматься. «Наверное, преждевременная моя радость», – подумал он и заскочил в автобус. Она ещё больше притупилась при встрече с Дашей. Та, выслушав Бориса, сразу же вспылала, но, поразмыслив, сказала:

– Не получится, Борь... Я вспомнила. В Прошлом году видела в учебной части документы на очника, уходящего на работу в прокуратуру, так он был после третьего курса.

Борис решительно ответил, что позвонит Лапину, даст согласие, а там как будет. В его утончённом характере вживалась и рассудительность, которая всегда была в нём необыкновенной хранительницей спокойствия. Подняв руки к груди, вдыхая воздух, он резко выбросил их вперёд с выдохом, как всегда делал в период волнения, и добавил, глядя в голубое бездонье Дашиных глаз:

– Мы, чудо моё, спокойны. Как Бог даст, так и будет. Не получится сейчас, значит, дождёмся окончания третьего курса... И тогда вместе. Ага?

Та смотрела на него с трепетом и нежностью, в мыслях пронеслось: «О чём мы сейчас говорим? О словах, объясняемых чрезвычайными для нас обстоятельствами времени? Он ведь завтра уедет и почти целых два месяца его не увижу. Я хочу, чтобы он поцеловал меня. Ну-у давай же». Он, как будто прочитал её

мысли, наклонился и сладко впился в сочные губы, а потом сделал шаг назад и промолвил:

– До вечера, моя радость. Ровно в семь у подъезда.

Удивительная красота её лица засияла с новой силой, и она ласково ответила:

– До вечера, Боренька.

Расставшись с Дашей, он поспешил в своё временное жилище. Надо было собрать всё необходимое для отъезда, привести себя в надлежащий вид и успеть вернуться на встречу с Дашей. Сегодня они запланировали пройтись по Красной Площади, а потом прогуляться по Арбату и вернуться домой к десяти часам вечера.

Проходя по площади Маяковского, его внимание привлекли двое сидевших на скамейке мужчин, один из которых показался ему знакомым. Обойдя их несколько раз, делая вид, что читает обронённую кем-то газету, в его мозгу просияло. Борис напряжённо вспоминал, казалось, он видел одно из этих лиц, когда терял сознание возле такси, ожидая Дашу. «Точно. Вот он и доставил меня в квартиру Валентины», – утвердился в мыслях Борис и решил проследить за ним.

Это были Колун и Ворон. Они решили не возвращаться в логово Кореня и уже несколько дней обсуждали и размышляли над тремя вариантами: оказаться в любой другой братве, что было крайне сложно, потому как оба находились в объявленном розыске; добыть финансовые средства для проживания, исходя из того, что Корень последнее время не то, что не выплачивал 40 процентов, но и вообще перестал выдавать им деньги; и уехать из Москвы, но для этого требовались документы, удостоверяющие личность, а

они находились у Кореня. С этой целью они и появились в разных районах города, как и сейчас на площади Маяковского. Приглядываясь к каждому прохожему, стараясь распознать представителей братвы. Колун узнал в Борисе того, кого он со Славой затащили в квартиру Валентины, но не подал виду, опустил голову, якобы разглядывая свои руки, а сам исподлобья следил за ним. Борис этого не заметил и, отойдя метров за тридцать, присел на скамейку, прорвал пальцем дырку в газете и через неё, делая вид, что читает, наблюдал за Борисом. Такая дуэль длилась недолго.

– Слышь, Ворон... встаём и медленно пошли, – сказал тихо Колун и добавил, вставая: – Не озирайся. Иди, как ни в чём не бывало.

Видя, что они уходят между домов в сторону Белорусского вокзала, Борис пошёл следом, делая вид, что смотрит в другую сторону. Колун заметил это. Ворон, не понимая происходящего, спросил:

– Может, объяснишь?

– Следят за нами. Вон дом на реконструкции... туда дойдём и возьмём этого гада, – ответил Колун.

– Понял. Слышь, Колун... А тебя в миру, как это церковники выражаются... как зовут?

– Игорем родился и рос, а потом это имя редко прозносилось.

– Меня Кириллом... А как иногда хочется, чтобы это имя звучало, не то скоро превращусь в настоящего ворона.

Подойдя к дому, обнесённому деревянным забором и подготовленному к реставрации, а потом почему-то приостановленному для проведения всяких работ,

они повернули за угол забора и остановились. Колун вытащил пистолет, приготовившись к удару.

Борис как только увидел, что они свернули за угол, боясь потерять их из виду, побежал. И чуть он показался из-за угла, Колун ударил его по голове. В глазах Бориса потемнело, земля под ногами зашаталась, и он упал. Колун ударом ноги вышиб нижнее крепление двух досок забора, отодвинул их в сторону, после чего они схватили Бориса, затащив его за забор.

– Поставь доски на место, а я пробегу по комнатам здания. Если найду подходящую... оставим его здесь, – сказал Ворону Колун и побежал к дому.

Уже заканчивая осмотр помещений, так ничего подходящего и не находил, как вдруг наткнулся на комнату, подготовленную для отдыха рабочих, и рядом комнату-кладовую, в которой лежало мешков десять задубелого и уже не пригодного к использованию цемента. Кладовая была без окон, но с дверью, на которой посредине переднего бруска обвязки находилась дверная накладка для навесного замка, а на дверной коробке петля. Оставалось найти замок, и тюрьма для Бориса была готова. Колун натащил в кладовую обрезки от досок, разной упаковочной бумаги, и устроил на полу своеобразное ложе, после чего вернулся к Ворону.

– Всё в ажуре, Ворон. Лучше не придумать. Не только этому, – и он кивнул на Бориса. – А и нам есть место для ночлега. Давай бери его и потащили.

Ворону находка Колуна тоже понравилась. Бросив Бориса на настил в кладовке, Колун обшарил его карманы и, найдя железнодорожный билет и деньги, обрадовался последним и забрал, а билет затолкал об-

ратно в его карман. После этого вышел из кладовки, закрыл и куском проволоки закрутил накладку двери. Ворон тем временем готовил два места для отдыха. Колун одобрил:

– Ладно, ты занимайся этим, а я пройдусь, посмотрю, чем связать руки и ноги нашему пленнику.

– А зачем ты его оставляешь? Давай прикончим и дело с концом, – предложил тот.

– Это успеется. У него в карманах я нашёл кое-какие деньжата. На первых порах для жизни нам хватит дней на восемь-десять, а до истечения этого срока мы попытаем ещё выкачать из него... через родственников.

Выйдя этим же путём на улицу, Игорь прошёл квартал и завернул за угол, как тут же увидел магазин. Зашёл туда, купил продуктов и в хозяйственном отделе скотч, навесной замок и бельевую верёвку. Вернувшись к Ворону, он увидел, что Борис стал приходить в себя. Тогда они отрезанным куском верёвки связали ему руки и ноги, заклеили скотчем рот, а потом, закрыв дверь на замок, начали трапезничать. Ворон стал допытываться о Борисе, и Колуну пришлось рассказать всю историю невольного знакомства возле университета и дальнейших событиях.

– Если там две девахи, то, может, и у них можно нам перекантоваться? – спросил Ворон, лицо его оживилось.

– Ты оставайся с этим, а я попытаюсь решить этот вопрос...

Разговор оборвал стук в деревянную стену кладовки. Они оба встали, открыли дверь, и Колун грубо крикнул:

– Чего бесишься? По калгану снова хочешь? У нас не заржавеет. Я сейчас буду тебя спрашивать, а ты отвечай коротко и ясно, – он оторвал один край скотча, после чего продолжил: – Хочешь уйти отсюда живым?

– Хочу, – ответил Борис. – А я могу тебя спросить?

– Нет. Вопросы задаю я, а ты на них отвечаешь... С кем живёшь? Мать, отец есть?

– Один живу. Я студент, приезжий.

– За тебя может кто-либо заплатить?

– Нет.

– Но в твоём кармане найдены немалые деньги. Откуда они?

– Стипендия за несколько месяцев. Кроме того, я по ночам вагоны разгружал и где мог, подрабатывал, не занимаясь таким промыслом как вы.

– Ну, тогда ты нам выбора не дал. Прикончим тебя, – пригрозил Колун и оторванный кусок скотча поставил на место, а потом пообещал: – Будешь бззить... согнём и ноги привяжем к голове. Лежи спокойно.

Они оба вышли, а Борис всё мычал, пытаясь что-то сказать, но те его не слушали.

– Тогда я пошёл? – сказал Колун, закрывая на замок дверь кладовой. – А ты не дрыхни, Ворон. Будь начеку.

– Ну ты надолго? – спросил тот.

– Как получится. Если она дома, то на часик задержусь, а если нет... придётся ожидать её появления... Без меня этого не открывай. Понял?

Ворона начало выводить из себя то, что Колун командует, но переборов чувство возмущения, он соглашательски кивнул головой, и тот ушёл.

Нахлобучив бейсболку на глаза, скрывая своё лицо, Колун на общественном транспорте добирался до ме-

ста жительства Валентины... «Жигулёнка» своего он ранее припарковал возле одного из домов, расположенных близ станции метро «Сокол», и теперь думал, как перегнать его ближе к своему месту обитания. Валентины дома не оказалось, и он, засунув спичку в замочную скважину, вышел из подъезда, возле соседнего облюбовал скамейку и стал ожидать. Прошёл час, другой, а она всё не появлялась. Тогда он решил сходить в магазин за сигаретами. Возвратившись, постоял, подумал, а затем пошёл посмотреть, на месте ли спичка. Её там не было, и она лежала кем-то отброшенная недалеко от двери. Так Колун удостоверился, что Валентна дома, и нажал на кнопку звона. За дверью было тихо. Он ещё раз повторил, но ничего не изменилось. Хорошо зная, что она не следует божьим заповедям и страдает симптомами тяготения к мужской близости, а поэтому в квартире может быть не одна, стал раз за разом нажимать на кнопку. Когда же перестал, то за дверью уловил слабый и неосторожный шорох.

– Валентина, я знаю, что ты в квартире. Считаю до трёх и вышибаю дверь, – угрожающе и громко произнёс Колун.

В соседней квартире лаем захлёбывалась собака и звучно била лапами в дверь. Было понятно, что сейчас она одна без хозяев.

– Раз... Два... – продолжал Колун, и дверь открылась.

На пороге в цветастом халате стояла Валентина. Увидев старого знакомого, она стала держаться холодно и высокомерно.

– Игорь, ты? – спросила она, подчёркивая в голосе безразличие. – Зачем пришёл?

Тот молча отстранил её рукой и вошёл в квартиру. На стуле возле кровати сидел невероятно толстый, хорошо одетый и ухоженный мужчина лет около сорока. На полу стоял его портфель, подтверждающий отношение хозяина к числу служащих. Лицо его застыло в неловкой начавшейся улыбке, а глаза, как маятник часов, бегали, глядя на Валентину и вошедшего, что остановил свой строгий взгляд на нём и сквозь зубы процедил:

– Пошёл вон... Катись колбаской.

Вдруг лицо толстяка изменилось, приняло серьёзный вид, и, намереваясь подчеркнуть своё умственное превосходство, с наигранным равнодушием он спросил:

– А у вас есть основания распоряжаться...

На последнем слове Колун оборвал его окриком:

– Молчать! Выбирай из трёх одно... Либо ты по-хорошему закроешь дверь с той стороны, либо я тебя выброшу через окно, либо переломаю твои кости и деформирую краснощёкую облицовку.

– Игорь! Как ты смеешь... – попыталась возмутиться хозяйка, но он перебил:

– А ты, Валентина, заткнись. С тобой я поговорю после того, как этот хмырь выберет одно из моих трёх требований.

Толстяк больше не осмелился перечить, взял свой портфель, выбрав золотое первое, медленно двинулся к выходу. Он в это время был похож на какое-то жалкое и нелепое создание.

Как только за ним захлопнулась дверь, Валентина накинулась:

– Ты почему здесь раскомандовался?! Ты, Игорь, мне никто, и я тебе тоже. Виделись однажды... к счастью и больше я не желаю. Убирайся.

– Закрой поддувало, а то кишки простудишь, – его голос звучал жёстко, а яростное выражение лица пугало. – Хочешь, чтобы от тебя прямоком в ментовку пошёл? Да рассказал о ваших с Людмилой проделках? Мне сейчас всё равно. Документов нет... нахожусь в розыске... Крова над головой нет и бабла тоже, а там, конечно, неуютно, однако есть свои плюсы... Дождь за воротник не капает, хоть и в вонючке, но спишь сутками, охраняют получше членов правительства, кормят... А тебе стало жаль этого толстяка, который ушёл несолоно хлебавши? Или часть содержимого его кошелька? Так что выбирай, Валюха... Я уйду или остаюсь. Да-а, забыл тебе сказать... привет тебе от Бориса.

Услышав это имя, та живо заинтересовалась. Нетерпимость ко всему не соответствующему её желаниям притупилась, и она, смягчившись, спросила:

– От какого Бориса?

– От того, который нагишом вместе с вами кувыр-кался на этой кровати.

– Не поняла. А как это он... через тебя?

– А вот так. Следить за мной вздумал. Мы его и взяли... упаковали... и сейчас в укромном местечке валяется связанным.

– А Дашка?..

– Он один был.

Валентина совсем размякла и уже радостно попросила:

– Игорёк, а его краем глаза посмотреть можно?

– Можно, только после того, как решим одну проблему. Я тебе уже говорил, что жить нам негде... и прочее. Так вот... у тебя можно? Может, месяц, а может, чуть меньше, а потом мы уедем.

– Со Славой?

– Нет. С другим.

– Тебе же по улице опасно ходить без документов?!

Как ты сюда пришёл? Ведь могут остановить на каждом шагу.

– А что поделаешь? Все мы находимся во власти судьбы... и менты тоже. Если жизнь надоела, пусть останавливают. Ну так, что скажешь?

– Согласна. Живите. Но спать будете на полу.

– Зато чайник есть, умывальник, ванная и унитаз...

Ну что? Пошли за Кириллом и заодно посмотришь на Борьку, покуда он ещё жив, – предложил удовлетворённый решением проблемы Колун.

Она стала собираться. А в небе сгустились грозовые тучи, обещающие проливной дождь.

XVII. Банда Кореня действует

В маленькое окошко сарая, который братва приспособила под очередную воровскую базу, назойливо заглядывал луч утреннего солнца, освещая скудное жилище Кореня. Часы его, висевшие на гвоздике, отсчитывали время. За наспех сколоченным сооружением, смахивающим на стол, в раздумье сидел на ящичке их хозяин. А подумать было над чем. Сложившаяся вокруг него и его братвы ситуация грозила полным разгромом. Бесспорно, он понимал, что похвастаться нечем, что горит ярким пламенем всё над ним вокруг, и что пожар этот потушить уже невозможно. Но спастись или ложиться на дно он оттягивал, но не исключал. Его целью было как можно большей суммой сколотить собственный капитал, используя для этого братку, а после либо распустить всех на все четыре стороны, либо уничтожить и самому скрыться подальше от Москвы. Проданные Сеитом и Махмудом товары из первой спрятанной фуры принесли ему немалый доход. Братве же он выделил самую малость. Теперь планировал совершить очередной дорожный налёт на фуру и нападение на инкассаторский автомобиль. «Если всё обойдётся удачно с этим баблом, уеду. Но для этого ещё надо покумекать насчёт документов с другой фамилией, именем и отчеством», – подумал он и позвал окриком Сыча и Сухого.

– От фуры избавились? – спросил Корень Сыча.

– Ещё на прошлой неделе, – ответил тот, – и труп водилы в кузов бросили.

– Вы что... с ума сошли? Да нахрена это было делать? Ну ладно... Коль так сделали, назад не вернёшь. Завтра бери Кота и на трассу. Бурый и Щука с вами. Подберите фуру с более ценным товаром... и спрятать её таким же способом. Теперь старшим в группе будешь ты. Если хорошо возьмём... тогда подумаем, что дальше делать... разбежаться или продолжать. Всё понял?

– Мы как дорожные пираты...

– Не философствуй, а то без языка останешься. Ишь, моду взяли.

– Да понял я, понял...

– Тогда ступай. Собери всех своих, и обговорите действия каждого до мелочей.

Когда Сыч ушёл, Корень, уставившись на Сухого, чуть понизив голос, напутствовал:

– А тебе особое задание. Восьми Кнута или Антона и поезжайте в город. Попасите инкассаторские автомобили более крупного банка, записывайте все до мелочей... время, маршруты, точки инкассации и прочее. Подумаем и над этим вопросом. Уловил?

– Ага, – ответил тот.

– Тогда иди и позови мне Фому. Да смотрите не светитесь, следуйте за инкассаторским авто осторожно и на расстоянии. Пусть впереди вас будут пара машин. Так меньше внимания будете привлекать. Понял? – когда тот понятиво кивнул головой, добавил: – Три дня вам на это. Вот ежедневно и смотрите... Маршрут один и тот же? И по времени тоже... Ма-

шину меняйте ежедневно, чтобы не примелькаться... Всё, ступай... и позови мне Фому.

Фома был коренной москвич, выходец из спортивного общества. Его, Корень ещё в конце 1990 года вовлёк в свою группу, тогда ещё состоявшую из четырёх человек. Начинили они с уличных грабежей и квартир видных граждан, а после перешли к «крышеванию» торговых палаток и магазинов. С ростом численности братвы возрастало и поле преступной деятельности. Фома среди всех отличался жестокостью, настырностью и злопамятством. Первая его стычка с Колуном и Сычём в ресторане, после которой они оба оказались в братве Кореня, отпечаталась в его мозгах, и он выжидал случая отплатить, особенно Колуну, сейчас болезненно перенося его внезапное исчезновение в связи с невозможностью удовлетворить своё желание.

– Тебе, Фома, особенное задание, – начал Корень, как только тот появился. – Ты москвич, обладающий большим числом знакомых, друзей и приятелей. Нужен либо художник, либо другой спец, который смог бы сделать паспорт... Сможешь выполнить?

– Художник исключается, – ответил тот. – Паспортист ментовский нужен и фотокарточка того, кому понадобился паспорт... и, конечно, же бабло. Попытаюсь... намётки есть. А кому...

– Не надо об этом, – оборвал его Корень. – Твоё дело найти такого человека и свести меня с ним, а остальное без тебя решится. Сколько тебе времени понадобится?

– Пара дней.

– Поезжай прямо сейчас. Размер mzды пусть тебя не волнует.

Фома уехал в город, а Корень потирал руки, надеясь на положительное разрешение всех своих планов, которых в уме назвал грандиозными. «Пока мне везёт... Двух ментов ухлопали, Сову тоже, фура принесла весомую прибыль, от авторитетов улизнул. Бог на моей стороне», – рассуждал Корень. Однако по неписанному закону жизни везение не может быть бесконечным, и вскоре он убедится в этом...

Сыч и Кот, переодевшись в гаишную форменную одежду, по прежнему способу выехали на автотрассу и стали ожидать появления фуры.

Милицейская одежда на Сыче была размера на два больше нужного, сидела на нём, как на колу, и он больше смахивал на огородное пугало, чем на работника дорожно-патрульной службы. Водители с недоверием смотрели на него и с сомнением отдавали ему в руки свои документы.

Первая фура оказалась гружёная кондитерскими изделиями, вторая – бакалейными, а третья вообще была пустая и следовала под погрузку. Пришлось ждать следующую.

– Сделаем перерыв, – сказал Сыч Коту. – Не то нарвёмся на ментов.

Они уехали с дороги и просидели целый час в лесу. За это время действительно проехали два милицейских автомобиля, и Сыч задорно, даже с превосходством посмотрел на Кота, мол, скажи спасибо, не то пришлось бы тяжеловато. Когда же вернулись на дорогу предложил Коту:

– Ты останавливай и веди разговор, а то они все смотрят на мою форму с недоверием, а ты как вликрой... как будто для тебя пошили.

– Нет проблем. Ты же первым спешил... как пионер, – ответил тот и вышел останавливать показавшуюся из-за поворота фуру.

Несколько первых вопросов, и сразу оба поняли, что эта фура то, что надо. В ней, по пояснению водителя, находились: одежда, обувь и радиотовары. Но водитель, отвечая на вопросы Кота, всё время поглядывал на Сыча, одежда которого наводила на определённые сомнения. Когда же Кот потребовал накладные на товар, водитель полез в кабину доставать их, но вместо накладных наставил на него охотничий дувствольный обрез.

– Документ работника ГАИ предъяви, – потребовал он.

Тот опешил, но медленно достал удостоверение личности старшего лейтенанта, тогда как на его плечах находились совершенно другие погоны. Водитель заметил это и, угрожая оружием, закричал:

– Оба на землю! На землю, сказал!..

Кот уже было встал на колени и намеревался лечь, как вдруг Сыч из кобуры выхватил свой пистолет, но в этот момент водитель оценил это действие по своему и первым нажал на спусковой крючок. Прогрел выстрел обреза, а следом и пистолета. Кот замертво упал на асфальт, орошая его кровью, а водитель склонил голову в кабине и уронил себе под ноги обрез, – пуля Сыча угодила ему в грудь слева направо.

Сыч растерялся, не зная, что делать дальше и стал подавать сигналы Бурому и Щуке. Пока те бежали к нему, он с трудом затащил в автомобиль ГАИ Кота и затолкнул мёртвого водителя на пассажирское сиденье фуры.

– Бурый, за руль грузовика, – начальственным тоном и одновременно взволнованно сказал подбежавшему, а сам выпрыгнул из кабины и пошёл к легкому втушке.

Садясь за руль, услышал, как заревел двигатель грузовика, и в этот момент увидел выбежавшего из леса Кнута. Тот, запыхавшись, подбежал к Сычу и уже хотел сесть в салон, но Сыч строго сказал:

– Бери ветку и заметай следы грузовика, как только тот повернёт в лес.

Грузовик медленно двинулся с места, прокатился метров пятьдесят по дороге, и Бурый направил его в лес. Кнут побежал выполнять поручение Сыча, а тот, нервничая, никак не мог завести мотор, который несколько раз фыркнув, не проявлял признаков жизни. Присмотревшись к щитку приборов, увидел, что указатель уровня топлива свидетельствует о пустом баке. Ударив со злости кулаком по рулевому колесу, Сыч, уже начал открывать дверь, как вдруг мимо промчался автомобиль ГАИ. Через метров сто послышался резкий скрип тормозов, и автомобиль стал разворачиваться. Сыч пулей выскочил из салона и бросился в лес. Сидевшие в автомобиле ГАИ не успели это заметить и, выйдя из автомобиля, обнаружили в салоне труп сотрудника ГАИ, после чего по рации вызвали оперативную группу.

Тем временем Сыч и Кнут продолжали бежать, уходя вглубь леса. Прошло два часа, а они с короткой передышкой всё бежали, как вдруг впереди послышался гул приближающегося мотора. Спрятавшись в лесу близ просёлочной дороги, они увидели «жигули», которым управлял Белый... вышли ему навстречу.

– Что случилось? – спросил взволнованно тот.

Сыч, переодеваясь в свою одежду, рассказал о происшедшем и прямо на дороге сжёг милицейскую форму и находившиеся в ней документы. После этого все они вернулись на базу, и Сыч пошёл с докладом к Кореню.

Тот, нервно барабанив пальцами по столу, выслушал, а потом со злостью выпалил:

– Заставь дураков Богу молиться, так они и лоб разобьют... А ты лично... заплатишься.

– Но я же...

– Молчать! – закричал Корень и оборвал Сыча. – Что, мозгов не хватило, чтобы посмотреть, есть ли бензин в баке? Сейчас по пальцам узнают, что это Кот, вычислят братву, к которой он относится... и жди со дня на день гостей... Идиот. Пошёл вон... Белого позови, – а когда он уже был у двери, угрожающе заявил: – Я тебя накажу по-своему... Пожалеешь, что на свет родился. Зря ты штаны носишь... юбку тебе как раз... Белого зови.

Вышел Сыч из комнаты, а в голове мысли роем: «Бежать. И немедленно. Знать бы, где Игорёк... и к нему». Найдя Белого, он послал его к Кореню, а сам забился в дальний угол, находясь в полном расстройстве.

Увидев плохое настроение Кореня, Белый остановился у самой входной двери, а тот с минуту смотрел на него, потом спросил:

– Как ты думаешь... жалование я вам плачу хорошее? Вы довольны? Или нет?

– Довольны, шеф.

– Почему тогда не стараетесь выполнить работу так, чтобы затраченные вами энергия и умение соответствовали размеру полученного бабла?

– Стараемся, но иногда получается не так, как хотелось бы...

– Я от вас всех требую чего-нибудь чрезвычайного? Больше того, чем сможет человек?

– Да нет, шеф...

– Вот тогда, – перебил он его, – я посмотрю, как вы выйдете из положения, в которое загнали сами себя... Бензина в баке не оказалось... Хм... А потом подумаю, – платить вам вообще или нет.

Это он сказал специально, как бы заранее подготавливая к тому, что в конечном итоге может быть.

– Ты, Белый, вот что... завтра же вместе с Омичем поедете к фуре и там будете ожидать приезда Махмуда и Сеита, а Сычу передай: пусть на рассвете едет в город... на рынке найдёт этих двух азиатов... Пусть не позже, а завтра прямо с утра едут за товаром. Они должны вывезти его завтра же. Всё понял?

– Понял, шеф.

– Ступай.

Выйдя от Кореня, Белый сразу же направился к Сычу и передал всё то, что велено.

Выслушав его, Сыч так обрадовался, что не мог скрыть на лице улыбку. В его голове пронеслось: «Вот и момент. Пойду в город, найду на рынке этих чёрных, передам требование Кореня и ноги в руки... Не вернусь сюда. Если найду Игоря – хорошо, а нет, рвану к брату в Воронеж».

Ночь для него оказалась как год. Он еле дождался рассвета...

Антон отвёз его к городской околице, а дальше он добирался общественным транспортом. Махмуда и Сеита нашёл сразу и передал всё слово в слово. Те тут же засо-

бирались к поездке, а Сыч пошёл и, сам не зная, почему в сторону расположения квартиры Валентины.

В это время Ворон и Колун смотрели, как Валентина готовилась к встрече с Борисом: надела брюки, накинула пиджак Ворона, подобрал волосы, нахлобучила на самый лоб спортивную шапочку, закрыла глаза тёмными очками, а остальную часть лица чёрным шарфом, оставив на ногах свои туфли с узкими металлическими вставками, начинающимися от набойки до самого задника, на середине тыльной части каблуков.

– Я готова, – заявила она, покрутившись перед ними.

Борис в этот момент, лёжа на настиле, как червь извиваясь, приблизился к деревянной стенке, стал бить ногами, создавая сильный грохот.

– Идём, а то он разнесёт кладовку, – сказал Колун и направился к Борису, а Валентина и Ворон последовали за ним.

Ворон обошёл их обоих и открыл ключом замок, а войдя внутрь, снял с одной стороны щеки Бориса скотч, освободив рот.

– Чего дурью маешься? По башке снова захотел? У нас есть успокоитель... Не заржавеет, – с угрозой произнёс Ворон.

Борис, увидев, что их теперь трое, обратил внимание на незнакомца, скрывающего лицо. Он скользил взглядом с головы до ног и по туфлям догадался, что это женщина, только не понимал – Валентина или Людмила?

– Выпустите меня на минуту... Я уже не могу терпеть... Пожалуйста, – умоляюще попросил он и скрыл лицо.

– В штаны не пробовал? Давай туда. Знаешь, как приятно, – ответил Колун, и тут же получил от Валентины тумак в бок.

Она, глядя на него, кивнула головой, показывая, чтобы тот выполнил просьбу Бориса. Колун сделал недовольное лицо, но, вспомнив, что придётся некоторое время жить в её квартире, вернулся в комнату, принёс бельевую верёвку, сделал петлю и надел её на шею Бориса, потом достал из-за пояса пистолет и сказал Ворону:

– Развяжи его.

Тот исполнил, Колун кивнул Борису головой в сторону выхода. Видя оружие в его руках, Борис не проявлял попытку к побегу, но возвращаясь уже обратно, попросил:

– Отпусти меня. Какая польза вам от того, что держите меня. Денег у меня нет, родственников богатых тоже, да и время-то... безденежное. Кто ты, я не знаю. Вы ничем не рискуете.

– Зачем следил за нами? – нервно спросил Колун.

– Показалось твоё лицо знакомо, вот и пошёл, а оказалось, ошибся... Отпусти... А?

– Давай пока заходи на своё место, а там посмотрим, – и уже обращаясь к Ворону, произнёс: – Дай ему покушать, а после свяжи, как было, и рот заклей.

Тот снова затаил обиду на то, что Колун командует им, но выполнил сказанное.

После всего этого Колун, Ворон и Валентина ушли, а Борис в щёлку смотрел им вслед, и его взгляд остановился на тыльной стороне её каблуков. «Боялась быть опознанной», – промелькнуло в его голове.

Зайдя по пути в магазин, Колун, Ворон и Валентина, купили спиртных напитков и закуски, после чего направились на квартиру к Валентине. К дому они подошли со стороны середины квартала и как только достигли дверей подъезда, из-за угла вышел Сыч.

– О-о! Кореш²⁵ ты мой! – воскликнул Колун. – Какими судьбами?!

– Повторил ваш подвиг, сбежал, – ответил тот, здороваясь и ласково поглядывая на Валентину.

Зайдя в квартиру, он рассказал о событиях, происшедших в логове Кореня, о том, как он попал в город и об угрозах Кореня в отношении Колуна и Ворона.

– Так, так, брат... Стало быть, ты подорвался на условной противоавтомобильной мине?! – с шуткой и сожалением заметил Колун.

– Да-а... Такие вещи Корень не прощает. Мы все трое теперь им приговорены к смерти, – сказал Ворон.

Колун, поразмыслив несколько секунд, призвал:

– Предлагаю, не ожидать, пока он исполнит угрозы, а ворваться на базу и прикончить его.

– Опасно, – возразил Ворон. – После этого за нами будет охотиться вся братва авторитетов города.

– Есть другое предложение, – подключился Сыч, – стукнуть в ментовку... анонимно... о фуре, вывозе товара и о прочем, в том числе и о месте нахождения Кореня. Но опять же... У него денег достаточно, чтобы откупиться.

– Это не подходит. Крысятничать не будем. Надо подумать, – сказал Колун. – Говоришь, Корень тебя послал на рынок к Махмуду, чтобы срочно из фуры товар вывез?

²⁵ Друг – (лагерн. жаргон)

– Ну да, – подтвердил Сыч.

– Значит, готовится к перемене места жительства или ещё к чему-то. Надо нам действовать... Он не даст нам жизни.

Тем временем Махмуд и Сеит на двух грузовиках подъезжали к месту нахождения спрятанной фуры. Белого, стоявшего возле «жигулей» Махмуд увидел ещё издали и сказал Сеиту:

– Здесь братва, – а потом, приближаясь к нему, обратился к шофёру: – Ты, брат, поворачивай резко влево и задом к фуре.

Как только один и другой автомобили встали на место погрузки, и двигатели заглохли, из кустов выскочили работники милиции и всех взяли в окружение. Махмуд только теперь увидел через открытое окно пристёгнутого наручниками к рулю Белого и как выходил с пистолетом в руке человек в штатском.

Белый с момента его задержания стоял в таком положении три часа, а Омичу удалось незаметно убежать и затаиться в лесу. Около часа он наблюдал, как после Белого милиционеры задержали Сеита и Махмуда, как осматривали машины, на которых они приехали, и автомобиль Белого в том числе. А потом стал пробираться на базу. Весь оставшийся день он бродил по лесу и вышел на асфальтную дорогу. К этому времени уже было темно. Попытки на попутном транспорте добраться до города длительное время были безуспешными, лишь на сотый раз остановился самосвал. На окраине Митино Омич вышел и стал искать возможности уехать на базу, а спустя полчаса он уже мчался на угнанных «жигулях».

Корень в это время нервно ходил по комнате. Его раздражала неизвестность, касающаяся Белого, Омича и Сыча. Радовало только то, что Сухой возвратился с хорошим результатом. Слежка за инкассаторами удалась, к тому же он через своего приятеля, который был пьян, узнал дату инкассации крупной суммы денег. Фома тоже вернулся и пролил бальзам на сердце Кореня. Он нашёл путь к инспектору паспортного стола и уже была назначена на послезавтра с ним встреча, на которую должен прибыть сам Корень для заполнения необходимых документов и доставки фотокарточек. Не выдержав воздействия силы природы, которая строго отвела человеку время суток для сна, Корень сдался и далеко за полночь, не раздеваясь, лёг и уснул.

Омич, прибыв на базу на утренней зорьке, не стал беспокоить Кореня, дремал за рулём автомобиля.

Кнут, выполнявший роль часового, поддался силе ночи и, положив обе руки на подоконник и на них голлову, сладко спал.

Когда же полностью рассвело, Омич вышел из машины, потянулся, глядя на вершины деревьев, а потом вошёл в сарай. Увидев спящего возле окна Кнута, толкнул его в бок... тот вскочил, как ошпаренный.

– Сон на посту?! Забыл, как шеф наказывает? – промолвил тихо Омич с улыбкой на лице.

Прогибаясь от болей в позвонке из-за сна в неудобном положении, Кнут, умоляюще глядя на него, попросил:

– Не говори, брат... пришибёт.

– Он дрыхнет?

– Наверное. Очень поздно уснул, а то всё тебя и Белого ожидал.

– Нет Белого... Повязали менты.

– Как? А ты как?

В это время дверь открылась, из-за своей загородки вышел с сонным лицом Корень. Увидев Омича, пробежал взглядом по комнате и, не увидев Белого, строго произнёс:

– Позови Белого и оба зайдите ко мне.

Не ожидая ответа, он вернулся к себе, а следом за ним вошёл и Омич.

Корень, выслушав доклад, взялся за голову и с минуту сидел молча, а потом вслух стал анализировать:

– Если менты набросились на вас, как только Белый остановил машину, значит, они ждали вас... засада... Значит, они по следу грузовика прибыли... Это о чём говорит? А о том, что Сыч и его группа след не замела... или плохо это сделали... Убью падла... Уничтожу, – а потом ещё с минуту посидел, поразмышлял и строго спросил: – А ты-то как слинял?²⁶

– Как только Белый остановил авто, я сразу же открыл дверцу, которая чуть уперлась в куст. Менты бежали со всех сторон и орал: «Не двигаться!.. Руки на панель!» Я скользнул в образовавшуюся щель, заполз под авто. Они выдернули из-за руля Белого, обшманали авто и повели его к грузовику, а я ползком и в лес.

– Молодец... умно сработал, – сказал скупой на похвалу Корень и тут же распорядился: – Поднимай всех... Никаких завтраков... Уходим.

Началась невообразимая суета. Все бегали туда-сюда, загружали автомобили, а отъехав за километр,

²⁶ Убежал – (лагерн. жаргон)

Корень остановил всех и велел вернуться, чтобы хорошо замести следы транспорта. Выполнив, что было велено, все возвратились. Ехать было некуда, так как запасную базу подготовить не успели. Тогда Корень, заехав в глухомань, велел остановиться. Оставив при себе Омича и Кнута, послал Фому, Сухого, Бурого и Антона произвести разведку и установить, что находится кругом на расстоянии трёх километров. Спустя два часа все возвратились, и каждый доложил результат. Корень понял, что место, где они находятся, самое удобное, и велел копать ямы и устраивать землянки.

– Это наше временное жильё. К зиме мы перейдём в тёплые и уютные помещения, – подбодрил он братву, а сам для себя мысленно решил: «Если доживёте».

К вечеру три землянки были готовы. Вместо крыши устроили жердевой накат, укрыли толстым слоем соломы, сухой травы и веток. Такой же настил устроили и внутри для отдыха.

– Испытаем, как партизаны жили в землянках, – заметил шуточно Сухой.

– Так они в таких условиях жили не только летом, но и зимой, – добавил Фома.

Кореня неотступно мучила непонятная тревога, и он стал подумывать об отмене намеченного наскока на инкассаторов, но жажда услышать шелест купюр брала вверх. Временами, в результате активной преступной деятельности, он был сказочно богат. Все добытые таким путём финансовые средства складывал в бидон, похищенный на молочно-товарной колхозной ферме и закопанный в лесу. Но освободившись из мест лишения свободы, обнаружил, что на месте егоклада выросли здания пионерского лагеря. Со злости

он на первых порах хотел было поджечь все строения, но постепенно успокоился и чтобы вылезти из состояния бедности, взялся за старое, грабил, совершал разбойные нападения, «крышевал» торговые точки, а потом закопал новый такой же бидон, но в особом месте, где всякое строение невозможно и постоянно пополнял его. При этом быкам²⁷ своим выдавал, как он любил говорить, жалование не всегда и как можно в незначительных суммах, а от взноса в общак под разным предлогом всячески старался либо уклониться вообще, либо внести как можно меньшую сумму. А два дня назад он в очередной раз навестил свой «банк» и с довольной улыбкой на лице отметил весомое наличие российских купюр и американской «зелени». Тут же твёрдо решил, что если инкассаторское содержимое сумок перекочет в этот своеобразный «сейф», то он будет полный. Вспомнив об этом, Корень сразу прогнал тревожное состояние и приказал готовиться к завтрашнему налёту. Налёт на инкассаторский автомобиль было решено осуществить не в пути движения, а во время последней инкассации универсама, после которой инкассаторы возвращаются в банк. Для отвлечения милицейского внимания Корень поручил Фоме из телефона-автомата позвонить в информационную службу «02» и сообщить, что якобы братва Кириллыча выехала ограбить банк «Росинвест», находящийся в противоположной от действий братвы Кореня стороне. Естественно, оперативные группы милиции молни-

---

²⁷ Боец, член подчинённой братвы – (лагерн. жаргон)

носно среагировали на анонимное сообщение и выехали по месту предполагаемого происшествия. Тем временем Сухой с Бурым разглядывали витрину универсама слева от входной двери, а Омич и Щука расположились справа, подметая тротуар. У Сухого и Бурого под плащами висели на плече автоматы, а у тех за поясом находились пистолеты. За углом в сотню метров ждали своего часа Антон и Кнут на автомобилях с работающими двигателями, чтобы в любую минуту оказаться рядом и забрать четырёх бойцов с денежными сумками. В автомобиле Антона находился и сам Корень. Своим присутствием он подчёркивал важность проводимого наскока.

Всё было готово. До прибытия инкассаторов оставалось пять минут. Корень нервно сжимал пальцы рук. Как только ожидаемое время прошло, появился автомобиль инкассаторов. Он подкатил к входной двери магазина, и два дюжих инкассатора пошли в его помещение. За рулём остался водитель. Он сразу обратил внимание на Сухого и Бурого, о чём-то споривших, показывая пальцами на витрину. Не понравились ему и уборщики тротуара, которых ранее здесь он не замечал. В это время из магазина вышли инкассаторы с сумками, водитель открыл им дверь, как вдруг прогремела короткая очередь Сухого, и инкассаторы упали на тротуар, уронив сумки. Омич подбежал к открытой двери автомобиля и поднял пистолет на водителя, но выстрелить не успел. Тот опередил его, и Омич, сражённый пулей, упал рядом с инкассаторами. Следом за Омичем подбежал к двери Щука и, не появляясь в проёме, а лишь высунув руку, выстрелил. Пуля попала водителю в шею,

и он свалился на руль. Пока Сухой подбирал сумки с деньгами на тротуаре, Щука и Бурый заскочили в салон автомобиля и забрали находившиеся там такие же сумки.

В это время Антон и Кнут на машинах подоспели к входной двери магазина. Корень, закрыв лицо шарфом, вышел посмотреть обстановку, встретился с глазами Омича, лежавшего в луже крови.

– Корень, не оставляй меня здесь, – тихим голосом попросил тот, умоляюще глядя на него.

– Извини, брат, – только и сказал Корень, выстрелил ему в голову. – Быстрее... Чего возитесь, – поторопил он остальных.

Бросив всё это в автомобили, все в одно мгновение скрылись. Весь налёт произошёл настолько молниеносно, что случайно проходившие граждане не опомнились и не успели разглядеть нападавших.

На Ленинском проспекте Корень приказал остановиться и велел Сухому и Щуке пересесть в машину Кнута. Те сидели молча, глядя в затылок Кореню. Тот, разозлившись, рывкнул:

– Я что... невнятно сказал?

– Зачем вы Омича...

– А у нас есть возможность лечить его? – вопросом на вопрос перебил Сухого Корень. – Все в тот автомобиль... и сами тоже. Я вернусь за Фомой, а вы быстрее выезжайте из города. Не то через несколько минут будет всё перекрыто. За городом просёлочными... Без меня не вскрывать сумки... Давай, давай быстрее.

Сухой и Щука, забрав сумки с деньгами пошли к машине Кнута. Было видно, что они переживали слу-

чившееся с Омичем. Только успел Кнут начать движение, как Сухой со злостью произнёс:

– Сука он... тварь. Как он мог... своего бойца застрелить? Братка... надо уходить. Каждого из нас ожидает то, что он сделал с Омичем. Мы для него не люди, а уже отработанный материал.

– Дело говорит Сухой, – поддержал Щука, а за ним послышался гомон остальных.

Тем временем Корень, подобрав в условленном месте Фому, поехал на встречу с паспортистом. До назначенного времени оставалось чуть больше двух часов, и они заехали в кафе перекусить.

– Как там всё прошло, шеф? – спросил Фома, посылая в рот очередную ложку супа.

– Хорошо прошло, – ответил тот, но, увидев недовольное лицо, добавил: – Одно плохо. Омич был тяжело ранен... Пришлось пристрелить... чтобы не мучился... и в руки ментам не попал.

– Как пристрелить? – вырвалось у Фомы, и он бросил ложку в миску супа.

– А вот так. Пока бы везли, он копыта отбросил бы, а если нет, то что с ним делать? Лечить где и как? – ответил возмущённо и не оправдываясь Корень.

После этого никто из них не проронил ни слова, и ели молча. А Фома долго смотрел в миску, а потом стал медленно кушать. Подходило время к встрече, и они выехали к условленному месту.

Паспортист проявил пунктуальность и был уже на месте. Отойдя вглубь сквера, он и Корень присели на скамейку, обменялись несколькими словами и Корень стал заполнять принесённые бланки. Когда всё было готово, он спросил паспортиста:

– Когда будет готово?

– Всё это я могу оформить за один час. Однако, чтобы не вызвать подозрение, надо, чтобы паспорт прошёл весь фильтр контроля. Во-первых, бланк будет значиться в числе испорченных, такие уничтожаются не ежедневно, а по графику... Примерно около месяца надо потерпеть...

– Хорошо. Как я узнаю? И сколько?

– Позвоните вот по этому номеру, – и он на газете написал, а потом чуть ниже обозначил три тысячи, глянув на Кореня, произнёс: – Баксов, конечно.

– Не три, а пять за лучшее исполнение, – сказал Корень, забирая из его рук газету. – Встречаемся здесь.

Тот молча кивнул и довольный ушёл, а Корень вернулся к автомобилю. «За месяц я ещё покажу, где раки зимуют. Запомните Кореня надолго, а через месяц Леонид Степанович Корнеев превратится в Никона Фроловича Гурава... и ищите ветра в поле», – произнёс он тихо сам себе под нос.

Когда они выезжали из города, в стороне слышались частые звуки милицейской сирены.

XVIII. Откровения Белого

О состоянии борьбы с преступностью, Валерий Николаевич на очередном координационном совещании сделал пятнадцатиминутный доклад, остановившись особо: на деятельности следственного аппарата, как прокураторы, так и милиции, на недостатках в работе участковых уполномоченных; на упущениях в прокурорском надзоре за следствием и дознанием помощников прокурора, на недостаточной профилактической деятельности. Досталось и помощникам прокурора по уголовно-судебному надзору, которые вместо того, чтобы принимать все возможные меры при добыче и закреплении доказательств вины подсудимых в ходе судебного следствия идут по наименьшему сопротивлению, заявляя ходатайства о возвращении уголовных дел для дополнительного расследования, из-за чего такие дела теряют актуальность, и нередко лица, совершившие уголовные преступления, уходят от ответственности, вновь вставая на преступный путь.

На этом совещании были заслушаны: начальник отдела милиции майор Ломанов, его начальник уголовного розыска и заместитель по работе с участковыми уполномоченными, начальник следственного отделения РОВД, заместитель прокурора по следствию в прокуратуре и другие работники.

По результатам был утверждён план профилактической совместной работы. Когда повестка дня была исчерпана, прокурор объявил:

– Всем до свидания, а оперативную группу сотрудников прокуратуры и милиции, работающей над раскрытием убийства работников ГАИ и других преступлений, прошу остаться, – а когда кабинет опустел, он перевёл взгляд на Лапина и предложил: – Начнём с вас, Сергей Валерьевич... Доложите о результатах расследования. Что нового появилось за истекший период?

– Нового, Валерий Николаевич, более чем достаточно... Экспертизой по следам обуви, оставленных возле поста ГАИ, установлено, что одни принадлежат Сисолятину, который, как вы уже знаете, был обнаружен повешенным, а о других чуть позже... В автомобиле ГАИ, вверенном погибшим гаишникам, был обнаружен труп человека в милицейской форме. Мы сначала думали, что он один из тех работников ГАИ. Однако не был опознан, и дактилоскопической экспертизой установили, что это никто иной, как ранее неоднократно судимый Катунов Арсений Илларионович, по кличке «Кот». Его же следы обуви были обнаружены при осмотре места происшествия возле поста ГАИ. Кроме того... он был убит водителем фуры из обреза, обнаруженного в кабине с отпечатками пальцев рук того. А сам водитель кем-то застрелен из пистолета «Макарова», который, как установлено экспертизой, ранее принадлежал старшему лейтенанту ГАИ, убитому при уже известных обстоятельствах. Дальше ведёт дорожка, подтверждающая активные действия одной и той же преступной группировки. Я ранее вам

докладывал о нападении на инкассаторов. Так вот... на сегодняшний день установлено, что кроме убитых двух инкассаторов и тяжелораненого их водителя, за жизнь которого сейчас борются врачи, был обнаружен труп ранее судимого Омигова Юрия Анатольевича... по кличке «Омич». Так вот... Следы его обуви были обнаружены и возле поста ГАИ, подвергнутого нападению. Это ещё не всё... Во время засады в лесу возле фуры задержан ранее неоднократно судимый Белик Степан Григорьевич по кличке «Белый». Следы его обуви также обнаружены возле того поста ГАИ. Таким образом... все они звенья одной преступной цепи. Длительное время он категорически отказывался сотрудничать со следствием, но мы с Олегом Николаевичем разработали план, который помог возвратить Белого к разуму... Посадили его в автомобиль и повезли в лес, а он стал интересоваться, куда мы его везём. Пришлось объяснить, что везём поближе к авто-риту... Кореню... мол, помогли добраться до базы... С этого места я хотел бы, чтобы продолжил начальник угрозыска.

Прокурор, лицо которого приобрело довольный вид, перевёл взгляд:

– Прошу вас, Олег Николаевич.

– С помощью агентуры получены точные сведения, что в городе действует преступная группировка во главе с вором в законе Корнеевым Леонидом Степановичем по кличке «Корень», отличающийся особой жестокостью не только к жертвам преступлений, но и к своей братве. Хочу подчеркнуть, что по данным агентуры он лишён опеки и всякой поддержки со стороны всех воров в законе и даже у такой знаменито-

сти в криминальном мире, как Кириллыч, который распорядился найти Кореня и наказать за творимый беспредел. Так вот... Мы к этому времени с Сергеем Валерьевичем узнали, где именно дислоцируется база Кореня, который систематически меняет своё местонахождение. Когда же Белому, посадив в автозак, сказали, что везём к Кореню, и высадили его рядом с логовом этого зверя, да так, чтобы кто-либо из братвы заметил, а сами уедем обратно... он взмолился, попросил возвратиться, мол, всё расскажет. Мы возвратились. Белый не только рассказал, а показал, где закопаны трупы убитых работников ГАИ. После эксгумации и опознания трупы исследуются судебным медиком. Кроме этого, Белый назвал всех членов банды: Ворона – возглавляющего службу безопасности, Фому, Сухого, известного нам Кота, Шуку, Бурого, Кнута, Омича, Антона, Сову... повешенного, Сыча и Колуна. Я назвал их клички, но некоторые уже известны согласно всех пунктов анкеты. Ворон, Сыч и Колун от Кореня сбежали, не выдержав режима. Корень дал приказ найти их и ликвидировать. Они находятся где-то в городе, а поэтому агентура нацелена на их обнаружение. Кроме того, в наших структурах у Кореня есть свой человек по имени Василий. Мы сейчас плотно занялись его установлением. Нападение на пост ГАИ, повешение Сисолятина, наскоки на фуры и инкассаторов с убийствами – дело рук группы Корены. Так утверждает Белый.

– Как скоро можно обезвредить Кореня и его группу? – спросил прокурор.

– Мы стараемся, но сложность заключается в том, что Корень очень осторожный, расчётливый и ум-

ный... По каждому подозрительному шороху сразу же меняет базу, а для смены её готовит заранее. Но всё равно мы его возьмём. Его не только мы ищем, но и братва Кириллыча. Кстати, с ним сейчас ведётся разговор о передаче Кореня нам, если его люди найдут первыми, но переговоры пока ни к чему не привели, – ответил начальник угрозыска и добавил: – У меня всё, Валерий Николаевич.

– Неплохо, неплохо... Кольцо вокруг Кореня сжимается. Не дайте ему улизнуть. У вас, товарищ Лапин, есть ещё что добавить?

– Так точно, Валерий Николаевич, – ответил тот и продолжил: – Вы помните разговор о моём общественном помощнике... студенте Каневском... Так вот он бесследно исчез. Дома не появляется, в институте тоже... Невеста его... Даша... в панике. Сегодня пятый день, как он без вести пропал. У него билет был на поезд... к родителям хотел поехать... Так билет остался не использованным, и у родителей его не оказалось. Невеста является последней видевшей его. Они расстались, и он уехал в общежитие, но туда не прибыл. Значит, что-то случилось в пути, а он по характеру такой, что мимо несправедливости и тем более зла пройти не сможет.

– Маршрут его возвращения в общежитие невеста наверняка знает... Надо его отработать, особенно те места, которые он должен преодолевать не общественным транспортом, а пешком... Заглянуть в новостройки, подвалы, овраги и другие места. Свяжитесь с Ломановым и совместно проведите эту работу. Он человек деятельный... выделит нужное количество работников милиции. Розыск Каневского объявили?

– После истечения трёх суток, Валерий Николаевич.

– Если видите основания, возбуждайте уголовное дело. А как с этой девкой?.. Это я возвращаюсь к тому случаю, о котором вы мне рассказывали... О первом похищении Каневского. Не связано ли и второе с первым?

– Возможно. Я уже об этом думал. Объединю оба факта и расследую в рамках дела о его исчезновении, которое возбужу сегодня же.

– Держите меня в курсе. Ко мне есть ещё вопросы? – и он посмотрел на Лапина и остальных членов оперативной группы и, видя, что те молчат, сказал: – Тогда за работу. Постарайтесь накрыть банду Кореня целиком и успокоить не только наше высшее руководство, но и общественность.

Возвратившись в свой кабинет, Лапин позвонил Даше. Та сразу же подняла трубку, было件нятно, что волнуется и ждёт новостей, не отходя далеко от телефона, и конечно же, в ожидании звонка Бориса. Лапин поздоровался и поинтересовался, есть ли что-то новое про Каневского. Даша рыдала в трубку, не могла толком объяснить... он понял, что результат нулевой.

– Успокойся, Дашенька. Мы его найдём. Я почему-то уверен, что он жив, – попытался успокоить её, а потом спросил: – А ты по этому вопросу с Валентиной не говорила?

– Она не поднимает трубку. Может, уехала куда, – сквозь слёзы еле ответила та.

– Ладно. Я сам навещу её квартиру. Сегодня будет возбуждено дело по факту без вести пропавшего Каневского, и это развяжет нам руки. Будем смелее дей-

ствовать. А ты, если вдруг Борис подаст весточку, сразу же звони мне. Хорошо?

Та, вытирая слёзы, кивнула головой, он чувствовал, что при любой новой вести она тут же сообщит, и повесил трубку... а её дрожащие губы тихо произнесли:

– Что с Борисом? Кто пытается убить мою душу... вырвать моё сердце. Я чувствую себя пойманной птицей и посаженной в клетку. За что мне такое? Я ведь никогда не гневилла Бога, не нарушала его заповедей и всех требований морали... Уважала людей, детей и стариков, считая это своим долгом. Мечтала о парне с нежным и чутким сердцем, которому не было безразлично всё, что со мной связано, а было бы близко и дорого... И просила Бога дать мне такого. Он и дал его мне. Его красота, человечность, разум, доброта, а всё вместе притягательная сила, которая как магнит держит меня и хочет, чтобы я была рядом. Но как... как это сделать. Укажи, Боже, где он. Направь меня на верный путь. Господь мой... не посчитай мои просьбы чересчур нахальными... Смилуйся надо мной. Я буду вечной твоей рабыней... А любимого моего Бориса отметь своей милостью, опекой и защитой.

Даша не заметила, как её голова медленно опустилась на руки, безвольно лежавшие на столе рядом с телефоном, и она потерялась во сне. Её состояние сказалось от бессонных ночей, проведённых в слезах возле окна. Утешения родных не помогали, наоборот, усиливали её беспокойство, заставляли нервничать, вызывая боль души.

Не все люди уповают на Бога и в молитвах проносят его имя и в церкви. Чтобы помолиться заходят редко, а то и вовсе обходят её стороной. Но как

только любой, даже совершивший злодеяние, почувствовал уязвлённость судьбы, забывая о покаянии, сразу же обращается к нему за помощью, умоляя о защите. Это есть аксиома, подтверждённая жизнью. Но Даша была не такой и находилась в числе частых посетителей храмов для богослужения. Она могла часами слушать церковное песнопение, смотреть на священнодействие, проводимое священником православной церкви, поэтому сейчас обращённые к Богу мольбы сопровождала с мысленным представлением лика Божьего, надеясь, что он её услышал.

В этом положении её застали родители, возвратившиеся с работы.

Нина Фёдоровна, увидев дочь, уснувшую у стола, прослезилась, а Пётр Степанович заскрипел расстроено зубами. Тихо уединившись в кухне и прикрыв дверь, они долго советовались, как помочь дочери, которая на любые утешения не реагировала в положительном смысле, а порою её реакция оказывалась противоположной.

XIX. Бегство из плена

Созерцая творение своего ума и рук Колун и Ворон радовались переносимым страданиям Каневского. Лишь Сыч в компании своих соучастников молчаливо, но с поддельной улыбкой поддерживал их, а в душе всё-таки сочувствовал лишённому свободы. Душевная бесчувственность Колуна и Ворона в какой-то степени раздражала его, хотя виду он не показывал, эти чувства таил в себе. Во время дежурства возле своего узника, а дежурили они поочередно и посуточно, ему порой хотелось как бы невзначай оставить дверь кладовки не запертой, но боязнь возмездия со стороны Колуна и Ворона удерживала его.

Шли двенадцатые сутки нахождения Бориса в этих ужасающих условиях. Он за это время исхудал так, что брюки стали больше его тела на несколько размеров, щёки ввалились, лицо заросло густыми волосами, а на нижней трети предплечий рук и внизу на ногах от воздействия верёвок образовались глубокие раны. На эти сутки, согласно установленного графика, должен был дежурить Ворон. Однако с учётом его дня рождения, Сыч согласился подменить его. Колун, Ворон и Валентина весь день пьянствовали в её же квартире. Мужчины не только дежурили поочередно, охраняя Бориса, но и таким же методом спали с Валентиной. Она же ничуть не стеснялась, вела себя раскованно, как

будто так и должно быть. Во время пьянки разговор зашёл о Борисе, и Валентина в очередной раз предложила:

– Отпустите его ради Бога. Зачем вы держите его? Какой толк? Он безденежный... Дашка могла бы, но такая же. Папаня её... служака... мзду не берёт, чисто-плюй, а у матери оклад как у лысого волос. Вот возьмите и в честь дня рождения Ворона амнистируйте Бориса.

– А что? Так и сделаем, – подхватил Ворон. – Пойдём, прогуляемся, а то в этих стенах с ума можно сойти.

– Идём, – согласился Колун. – Но отпустить его не сможем... Видел наши лица, прикончить... другое дело.

– Почему вы такие кровожадные? Вас прямо тянет на мокруху, – возмущалась Валентина. – А хоть раз в вашем воспалённом мозгу пролетала мысль подарить кому-либо жизнь? – и сама же ответила. – Нет. Так вот, друзья мои, сегодня есть у вас такая возможность.

– А мы тебе не друзья, – возразил Колун и, глядя на неё насмешливо циничным взглядом, добавил: – Молочные братья, – и они оба рассмеялись.

Валентина намёк приняла равнодушно, посчитала своим поражением, насупившись, замолкла.

Пока собирались идти к автобусной остановке, потому как Колун не стал использовать для поездки автомобиль, у Валентины чувство оскорблённой невинности росло всё больше и больше. «Фигу вы больше получите, будете все трое валяться на полу, а я ещё подумаю да позвоню в ментовку и сообщу, что вы у меня. Вот тогда поскалитесь», – подумала она и с глу-

боким презрением кинула взгляд на Колуна. В этот момент раздался звонок в дверь. Все притихли и насторожились. Валентина прижала к губам палец, показывая жестом мужчинам на молчание, а сама тихо сняла туфли и на цыпочках пошла к двери. Заглянув в глазок, она как ошпаренная отпрянула назад. За дверью стоял Лапин. Он нажимал и нажимал на кнопку, а потом, постояв и прислушиваясь, направился к выходу.

– Следак прокурорский... с которым Дашка с Борисом приходили, – тихо пояснила Валентина, а потом, подойдя к окну, осторожно посмотрела. – Точно он. Сел в машину и укатил. Наверное, и в те разы приходил он. И чего это зачастил... О-о! Поняла. Борис исчез. Дашка обратилась к нему, а он ищет... Не-е, ребята... отпускайте его сегодня же и сами подыскивайте другое жилище. У меня уже нельзя. Думаю, что следующий раз следак дверь будет ломать.

– И то верно, – согласился Колун и подал команду. – Собираем всё своё. Сюда не возвращаемся. Поживём по соседству с Борисом и будем думать, что делать дальше.

А Борис тем временем перетёр о ребро доски верёвочную связку на руках, а потом развязал ноги, лёг в той же позе, что и лежал во время контроля Сыча, и стал колотить в дощатую стену. Сыч подошёл, заглянул в щель и спросил:

– Ты чего?

– В туалет выведи. Не могу больше терпеть, – ответил Борис и скривил лицо.

Сыч постоял, переминаясь с ноги на ногу, подумал, а потом ответил:

– Я, наверное, тебя вообще отпущу. Ты только мне синяк... небольшой присандаль и свяжешь. Как смотришь на это дело?

– Ты шутишь? Или всерьёз?

– Не шучу. Мне жаль тебя. Давно хотел это сделать, но боялся Колуна и Ворона. Они очень жестокие.

– Тогда открывай.

Не успел Сыч распахнуть дверь, как тут же получил удар в лицо. Потеряв равновесие, упал, а Борис начал его связывать.

– Так ты уже сам развязался: и меня уколошил бы без моего согласия на это?

– А ты как думал?! Колун был во время похищения меня от института?

– И я тоже.

– Даже так? А чья это была идея?

– Валентины и Людмилы. Они обе подруги. А о цели я точно не могу сказать, но слышал от них обоих, что всё это было затеяно из-за какой-то Даши.

– Сюда приходила женщина... Кто она? – спросил Борис, заканчивая связывать.

– Ну-у эта же... Валентина.

– Так вы все остановились у неё?

– Ну, конечно.

– Тебя как зовут-то?

– Святослав меня зовут... Славой называют все.

– Спасибо тебе, Слава. В случае чего... буду за тебя ходатайствовать...

В это время послышался с улицы треск, и они оба насторожились. После этого стал доноситься шум шагов нескольких человек и тихий говор.

– Уходи, Борис... быстрее. По лестнице на второй этаж и через третий подъезд уйдёшь.

– Огромное тебе спасибо, Славик, – сказал шёпотом Борис и, соблюдая осторожность в передвижении, ушёл на второй этаж.

Спустя минуту вошли Колун, Ворон и Валентина. Увидев распахнутую дверь кладовки, Колун и Ворон бросились туда. От удивления, что видят связанного не Бориса, а Сыча, у Колуна и рот открылся, а Ворон присвистнул:

– Как? А Борис...

– Убежал он, – перебил его Сыч, – и с нетерпением продолжил: – Час назад убежал... Начал стучать и кричать... Оказалось, у него скотч отклеился возле рта... Говорит, верёвка впилась в тело... боль страшная и начали ноги распухать. Я и открыл дверь, а когда вошёл... он и набросился. Сволочь! Верёвку перетёр, освободился от неё полностью и был готов к этому. Да развяжите же, наконец, меня!

Взгляд Ворона блуждал по одежде Сыча, вдруг остановился на сильно оттопыренном кармане. Нагнувшись, он извлёк из него пистолет. Лютая злоба перекосила его лицо.

– Развязался сам... говоришь? А пистолет тебе оставил? А может, ты помог ему? Ты ведь несколько раз озвучивал свои предложения об освобождении его... непоправимую ошибку ты допустил, – сказал Ворон, поднял пистолет и выстрелил в голову Сыча. Тот конвульсивно дёрнулся несколько раз и затих. Валентина с состраданием смотрела на него и, еле переведя дух, промолвила:

– Ты что... обалдел?

Колун с появившейся от злости пеной возле рта и с широко открытыми глазами повернулся к Ворону и сквозь зубы процедил:

– Ты что сделал? Разве не видишь валяющиеся путы с перетёртостью?

– А ты разве не видишь, что он его отпустил?! И теперь нам надо не выяснять отношения, а сматываться как можно быстрее, не то здесь менты нас застукают.

Видя, что Ворон держит в руке пистолет Сыча и решительно готов в любую минуту выстрелить, Колун не стал тянуться к пистолету, который находился у него за поясом под ветровкой, зная, что не успеет, пошёл на хитрость.

– Ладно... Уходим, – сказал он и, глянув на Сыча, подошёл к нему, закрыл застывшие в предсмертии глаза, обшарил его карманы и, не найдя ничего, вышел из кладовки. Затем залёз в комнату отдыха, где также ничего, что может остаться для милицейского глаза, не увидел и незаметно для Ворона достал из-за пояса пистолет. Выходя из комнаты, сказал: – Мы с Валей уйдём, а ты, Ворон... останешься, – и тут же выкинул руку с пистолетом вперёд.

Рука Ворона тоже дёрнулась, но пистолет поднять не успел. Прогремел выстрел, и он рухнул возле кладовки, орошая кровью пол.

Колун подошёл, обшарил его карманы, забрал пистолеты его и Сыча, а так же деньги и, глянув на трясущуюся от страха Валентину, промолвил:

– Уходим. Быстрее. Давай очнись, не то поздно будет.

Борис, у которого попытка выйти незаметно не удалась, слышал два выстрела и видел со второго

этажа, как и каким образом Колун и Валентина покидали объект и как ускоренным шагом уходили по улице. Он быстро спустился на первый этаж и подошёл к кладовке. Увидев два трупа, он быстро ушёл, сожалея о смерти Сыча.

Найдя телефон-автомат, Борис набрал номер Лапина, но долго никто не подходил, наконец, он услышал:

– Да-а! Говорите.

– Серёжа, это я, Борис...

– Я Миша, а Сергей Валерьевич у прокурора, – ответил поднявший трубку.

– Миша, времени нет, надо срочно сообщить Лапину, что Валентина с одним бандитом только что ушли к ней на квартиру. Кроме этого, застрелены ещё два бандита... Записывай адрес, – и он продиктовал, а потом добавил: – Застрелил тот, который ушёл с Валентиной. Всё понял?

– Всё понял, Борис. Беги... как ты?

– Потом, Миша... Давай быстрее. Не то опоздает и улизнёт стрелок.

Повесив трубку, Борис с минуту стоял, думал, вспоминая номер телефона Даши, а потом набрал его. Она сразу же подняла трубку.

– Дашенька, родная, любимая, здравствуй, – промолвил дрожащим от волнения голосом.

– Боречка... любимый, – еле простонала та, и наступившие блаженные надежды, нахлынувшие чувства радости стали бороться с глубокой грустью и страданием, с той мучительной неизвестностью о Борисе, с которой она провела столько дней, и трубка выскользнула из её дрожащей руки.

Даша бесчувственно уронила голову на грудь, а слёзы, теперь уже предвестники радости, а не горя, ручьём полились из её глаз.

– Даша! Дашенька! Алло! Даша! – кричал в трубку Борис. – Ты меня слышишь?! Родная, любимая, ответь же мне.

– Алло! Борис... это Нина Фёдоровна, слышалось в трубке. – Простите. Даша в полусознательном состоянии. Где вы? У вас всё хорошо?

– Всё хорошо, Нина Фёдоровна. Скажите Даше, что я через пару часов приеду... Приведу себя в порядок и приеду... Мои мучители получили по заслугам. Я теперь знаю всё... Расскажу.

– Хорошо. Приезжайте, – ответила Нина Фёдоровна и стала хлопотать возле дочери, приводя её в нормальное состояние от перенесённой многодневной тревоги, волнения... вознаграждение за всё это – радостная весть.

Борис тем временем, выйдя из телефонной будки, в нерешительности стоял и не мог определиться, куда ему идти: поспешить к месту жительства Валентины, вернуться на место убийства Ворона и Сыча или направиться домой. Он только сейчас обратил внимание на свою до неузнаваемости грязную одежду, несущееся от неё зловоние, заросшее лицо, грязные руки, не видевшие воды с момента водворения в кладовку, и такое же тело. Несмотря на это он был рад тому, что с ним всё хорошо и благополучно закончилось, чем могло быть.

Не найдя конкретного решения, Борис направился в сторону станции метро. Прохожие шарахались от него, зажимая нос, а он, стыдясь и опустив глаза, продолжал идти, как вдруг услышал окрик:

– Гражданин! Минуточку!

Повернув голову и увидев двух милиционеров, вышедших из автомобиля с буквами «ППС», остановился. Те подошли, и сержант потребовал:

– Прошу предъявить ваши документы.

Борис коротко объяснил всё, что с ним случилось, и кто он вообще, а в конце в подтверждение сказанного сообщил, что по его звонку в райотдел милиции выехали оперативные группы. Сержант, с недоверием смотревший на него, молча кивнул напарнику, тот пошёл к автомобилю, связался с дежурным по рации и, вернувшись, доложил:

– Дежурный подтвердил.

Сержант уже с теплеющим взглядом спросил Бориса:

– Сам-то где живёшь?

Тот назвал адрес и сержант воскликнул:

– Так это совсем недалеко. Садись... довезём... так уж и быть.

Борис, так жаждущий воочию увидеть задержание бандита в квартире Валентины, а заодно посмотреть в глаза этой злобной девицы, не стал перечить и согласился.

В это время Лапин, пославший на задержание группу во главе с начальником уголовного розыска, сам выехал на место убийства Ворона и Сыча.

Олег Николаевич с тремя операми поднялся на этаж к двери квартиры, названной Лапиным, раз за разом нажимал кнопку звонка. Долго никто не отвечал, а потом за дверью раздался возмущённый женский голос:

– Ну, кого там принесло? Помыться не дадут.

– Откройте. Милиция, – строго сказал начальник угрозыска и назвал свою фамилию: – майор Тимофеев.

– Сейчас оденусь и открою, – ответила женщина, и за дверью стало тихо.

Прошло минут пять, и Олег Николаевич вновь начал нажимать на кнопку звонка.

– Да открываю... Невтерпёж что ли?

Дверь распахнулась, и в проёме стояла молодая раскрасневшаяся девица.

– Можем войти? – спросил её начальник угрозыска.

– Входите, – ответила недовольно та.

Войдя в квартиру и заглянув везде, он спросил:

– Вы, что... одна?

– А с кем ещё? Одна... А вы кого ищете?

Олег Николаевич обратил внимание, что сквозняк от открытой входной двери затягивает штормину за пределы окна. Подойдя, он посмотрел вниз и увидел, как мужчина спрыгнул с противопожарной лестницы, устроенной вдоль стены от окна последнего этажа до первого рядом с окном этой квартиры. Мужчина поднял голову и посмотрел на него, а тот погрозил ему кулаком. В ответ мужчина показал ему средний палец и побежал за угол дома. «Да-а, не знал, что есть лестница. Неразумно поступил. Ну что ж... ошибки учат. Но я его всё равно поймаю», – подумал Олег Николаевич и, повернувшись к Валентине, стоявшей в оцепенении, строго спросил:

– Фамилия?

– Я не знаю, а зовут его Игорь... по кличке Колун, – голос её дрожал.

– Не его, а ваша?

– Ш-шустова В-валентина, – ответила она, заикаясь.

– Собирайтесь, Шустова... Документы свои возьмите. Поедете с нами, – сказал начальник угрозыска и, повернувшись к операм, попросил: произведите обыск в квартире, только пусть один из вас пригласит двух понятых. А я пока допрошу эту даму.

Опера кивнули головой и приступили к исполнению. Валентина заволновалась, лицо стало бардовым, она возмущённо выпалила:

– А санкция прокурора у вас есть?

– В безотлагательных случаях, гражданка Шустова, её не требуется, но закон обязывает следователя в определённые сроки уведомить о произведённом обыске прокурора, что мы и сделаем. А вы пока... присядьте вот сюда, – и он показал на стул возле стола. – Я буду задавать вопросы, а вы должны на них отвечать. Только сразу предупреждаю... не пытаться что-то скрыть... уклониться. Если не хотите осложнить своё положение, то сотрудничайте со следствием. Договорились?

Та, присаживаясь, кивнула головой. Зная всё о Борисе из рассказа Лапина он начал с момента нахождения в этой квартире Бориса. Валентина, не скрывая, всё рассказывала, потащив за собою и Людмилу, которая сразу в её рассказе превратилась из залётной украинки в реальную москвичку. К этому времени опера обнаружили фотокарточки, на которых была запечатлена голая Валентина и беспомощный Борис. Кроме этого на шкафу сыщики района обнаружили и флакончик с жидкостью, с помощью которой Игорь и Слава обезвредили Бориса, а в тумбочке были най-

дены справки об освобождении: Иванова Игоря Петровича, он же «Колун», Сычёва Святослава, он же «Сыч» и Воронина Кирилла, он же «Ворон». Валентина назвала не только номер телефона, но и адрес местожительства своей подружки и соучастницы Людмилы. Под конец дачи показаний, она чуть осмелела, неловко улыбалась, опуская вниз глаза. Такие приёмы девиц лёгкого поведения она проделывала частенько, когда возникала потребность привлечь к себе внимание мужчин. Жизнь её, протекающая в блуде и во лжи, обходя доброту, порядочность и правду, нравилась ей и затягивала всё глубже в пропасть потери нравственности.

Возвратившись в отдел милиции, Тимофеев посадил Валентину на три часа за решётку и поехал докладывать Лапину о результатах выполненной работы. А она, забившись в угол, сжавшись в комок и задыхаясь, кусала губы, стараясь подавить нахлынувшие слёзы. Обида за то, что самостоятельно до сегодняшнего дня распорядилась своей блудной жизнью, изыскивала возможность схватить судьбу за хвост, а теперь получилось наоборот – судьба определила её в то место, которое поправу заслужила, напомнив ей о полной морально-психологической деградации. Бесшабашная жизнь дала невозполнимую трещину, и ей в её цветущие годы придётся нести строгую ответственность в соответствии с существующим законом.

– Привет, подружка, – вдруг послышался из-за решётки знакомый голос.

Валентина подняла голову и увидела глядевших на неё без всякого сострадания Дашу и Бориса. Не успевшая приготовиться к такой встрече, лицо её чуть рас-

плылось в какой-то кривой улыбке, которая тут же погасла, а вспыхнувшая надежда на помощь сразу умерла, увидев их осуждающие лица, лишённые снисходительности. Она опустила голову и отвернула лицо к стене. Валентина поняла, что Даша и Борис, наверняка, уже знают и о флаконе, и о фотографиях, изъятых в её квартире, и обо всём другом.

Сжав свою душу в кулак, она твёрдо решила, что будет вести разговор и раскаиваться только в том, что невозможно будет скрыть и не более.

А Борис и Даша с совершенным равнодушием смотрели на неё как на жалкое никчёмное существо.

XX. Расправа Корень

Поспешно оставив земляные убежища, Корень с шестью оставшимися бойцами перебрался вглубь леса и обосновался временно в лесной сторожке. Понимая, что сюда могут в любое время заявиться лесники, постоянно размышлял, что делать дальше... и пришёл к выводу: «Когда на руках будут личные документы, тогда и решу». Он обрадовался, что вспомнил о них, потому как именно на сегодня была назначена встреча с паспортистом, с которым он должен обменять договорную сумму денег на паспорт. Глянув на часы и в уме посчитав время в пути, понял, что может добраться до условленного места в городе несколькими минутами раньше или позже к назначенному часу, если выедет немедленно. Не откладывая, он позвал Фому, велел ему срочно подготовить «Жигули»... и уже спустя десять минут выехал.

Во внутреннем кармане его пиджака лежала пачка денег, а рядом острое шило. Как всегда, алчность брала своё. Ему никак не хотелось расставаться с пахнущими свежестью купюрами, и чтобы они продолжали оставаться в его кармане, взял шило, которым намеревался расплатиться с инспектором паспортного стола, если этому будут способствовать обстоятельства.

В город въехали благополучно, лишь в одном месте инспекторы ДПС проводили их автомобиль длинным

и пристальным взглядом, но не попытались остановить. К месту встречи Корень пришёл на пять минут позже назначенного времени. Инспектор, встретивший его с недовольным лицом, был уже на месте.

– Всё готово? – без приветствия спросил Корень, смерив паспортиста строгим взглядом.

– А я зачем бы сюда пришёл? – ответил тот вопросом на вопрос, потом медленно достал из внутреннего кармана паспорт на имя Гурова Никона Фроловича с фотокарточкой Корень и подал ему.

Посмотрев все листы, Корень, конечно, был доволен работой инспектора, но характер зануды тут же проявился:

– Ну... Гуров... ладно... имя и отчество – Никон да ещё Фролович – откуда выкопал? – спросил он, окинув взглядом вокруг, опасаясь поимки.

– Фамилия, имя и отчество, естественно, вымышленные, и я в этом должен признаться. Тогда я сказал неправду, надеясь, что правда вас интересует меньше, чем наличие документа. Правда всегда проверяемая, Леонид Степанович, а в данном случае никто не докопается... Место вашего ложного рождения не позволит. И вообще... вы в таком тоне озвучили свой вопрос, что я стал сомневаться в получении вашей благодарности, а риск, скажу я вам... крайне велик... для меня, конечно... И я хочу просить вас увеличить договорную сумму... по вашему усмотрению.

– Успокойтесь. Всё нормально. Я уже увеличил, заранее зная, что вы попросите добавку, – сказал Корень, ещё раз осмотрелся и стал медленно вытаскивать из кармана пиджака шило вместо денег, а потом резким движением воткнул его в область сердца ин-

спектора, после чего добавил: – Такие работники как ты на твоей работе считаются предателями, а поэтому и я не гарантирован, что не предашь и меня. Извини... такова жизнь.

Смертельно раненый склонил голову и стал валиться со скамейки на асфальт, но Корень подхватил его, склонил на спинку скамейки, поднялся и неспеша направился к выходу. Сквозь ограду, заросшую кустарником сирени, за его действиями наблюдал Фома, когда увидел, что тот направился к месту стоянки автомобиля, пулей метнулся и занял место за рулём.

– Живодёр. Ничего святого у него нет, – сам себе сказал Фома, имея ввиду Корень.

Тот же, миновав ворота и глянув на будку телефона-автомата, зашёл в неё, набрав номер телефона, стал ожидать, когда на другом конце провода возьмут трубку.

– Слушаю, – важно ответил абонент.

– Давно не общались, – начал Корень, не здороваясь. – Что нового, Василий?

– Твой звонок и есть новое.

– А в вашей ментовке?

– Ты, как Фигаро. Фигаро тут – Фигаро там... Не найти. Надо бы встретиться, обменяться тёплыми словами, подкреплёнными действиями, – сказал «продажный мент», как его между братвой называл Корень, намекая на очередной транш за принесённую в уши вора в законе информацию. – Ты вообще-то откуда звонишь?

– Неважно. Слушай, Василий... сам понимаешь, что далее окраины я не ходок. Если у тебя есть что мне

сказать... жду тебя в лесочке по Пятницкому шоссе в конце Митино... через час. Если нет, то будь здоров.

– Буду вовремя.

Корень повесил трубку и потрогал пальцами внутренний карман пиджака, где находилась всё та же пачка денег и орудие убийства – шило. «Приходи, голубь сизокрылый. Расчёт получишь. Надо подчистить за собой и смотаться отсюда подальше», – только и крутилось у него в голове. Возвратившись к Фоме, он уселся на заднее сиденье, после чего спросил:

– Сколько тебе надо времени, чтобы оказаться в конце Митино по Пятницкому шоссе?

– Минут двадцать, – ответил тот.

– Минут десять-пятнадцать постоим здесь и трогай, – сказал Корень, рассчитывая за это время понаблюдать – будет ли суета после убийства инспектора.

Откинувшись на спинку сиденья, Корень смотрел с холодным равнодушием через стекло дверцы машины на мелькающий транспорт, торопливых пешеходов, но особое внимание уделял воротам, за которыми оставил лишённое жизни тело паспортиста. Прошло названное им время. Он уже открыл было рот, чтобы дать распоряжение Фоме о выезде, как вдруг послышалась сирена милицейского автомобиля. Он проехал мимо и направился в ворота.

– Поехали, – безмятежно спокойно произнёс Корень, и Фома молча исполнил.

Улицы на удивление не были заполнены потоками автотранспорта, и Фома за пятнадцать минут доставил Корень на условленное место.

Сидя в салоне, они ожидали появления Василия. «Этого тоже он убьёт?!» – подумал Фома, скосив взгляд

на закрывшего глаза шефа, а тот думал о своём: «Этот тоже больше не нужен. Что мне было нужно, я от него получил сполна. Оставлять его в живых опасно. Слишком много знает. Сгорит на чём-то другом и войдёт в контакт со следствием, в ходе которого за снижение наказания продаст меня с потрохами».

Василий прибыл на пятнадцать минут позже условленного времени, и Корень начал возмущаться.

– Но не умышленно же я это сделал. Ну, извините. Начальство будь оно... то одно, то другое занеси... Еле выскользнул, – оправдывался Василий.

– Ты хоть кто по званию? – спросил Корень. – А то постоянно приходишь в цивильном.

– А чего погонями сверкать? Светиться? Капитан я.

– Ты же раньше, как мне кажется, повыше званием был?

– Ну, был... да споткнулся. Какая-то сволочь документы особой важности стырила, и вот результат. Но уже после этого я на одну ступень поднялся.

– Бывает. Ну, пойдём, пройдемся... подышим свежими запахами леса, – предложил Корень, выходя из машины, и тут же добавил: – Капитан должен быть пунктуален во всех отношениях... несмотря ни на что.

– Вы всё за своё. А «извините», моё не принимается?

– Принимается, Вася, – ответил Корень, а сам подумал: «Продлил ты жизнь свою на пятнадцать минут», – и, пройдя несколько шагов, потребовал: – Ну-у, выкладывай, что там у тебя?!

– Ворона твоего и Сыча больше нет. Их трупы обнаружены в одном из ремонтируемых домов. Колуна не смогли взять. Был, как говорится, уже в капкане, но

сумел сбежать... объявлен в розыск... Ты тоже объявлен в розыск. Белый дал показания против тебя. Махмуд и Сеит тоже. Готовятся материалы на объявление в розыск Бурого, Щуки, Кнута – как участников нападения на инкассаторов, Фому, Сухого – как участников нападения на пост ГАИ, совершённый со всеми мною перечисленными. Белый выдал всех. Личности Ворона, Сыча, Совы, Антона, Кота, Омича... да и всех остальных уже установлены. Одним словом, Корень, надо вам всем что-то делать... замести следы и уехать...

– А ты подготовишь документы на оставшуюся группу? – оборвал его вопросом Корень. – И мне, в том числе?

– Это не в моих возможностях. Другая и не подведомственная мне служба... Степаныч... Не могу.

– А что ты можешь? – процедил сквозь зубы Корень и стал пристально смотреть на Василия, не отрывая глаз.

По интонации его голоса, тот понял, что в их отношениях наступил кульминационный момент, и стал копаться в своих мозгах, подыскивая пути выхода из складывающейся ситуации. Сейчас капитан в душе ругал себя самыми последними словами за то, что согласился и поехал на встречу с Коренем в столь глухое место.

– Степаныч, что я мог, я делал... и вот сейчас доставил тебе неплохую информацию, – попытался смягчить обстановку он. – И очень ценную...

– Грош цена ей. Я об этом знал давным-давно, а ты пришёл сообщить мне то, что уже известно... надеюсь получить за это бабло?! Как называют ментов, которые работают на таких, как я?

Василий, насупившись, молчал, испытывая мучительную тревогу за свою жизнь. Он видел, что Корень с каждой минутой становится всё агрессивнее.

– Я тебя спрашиваю, капитан? – настаивал Корень.

– Ну-у... оборотни, – буркнул из-под носа тот.

– Во-о! Вот ты и есть. А про паспортиста что можешь сказать?

– А что... Это ты его?

– Я, Вася. Он такой же, как ты. А какую он мне ксиву²⁸ смастерил... Показать?

После этих слов Василий понял, что ему вернуться в город живым не суждено, и начал незаметно подбираться к пистолету, находящемуся за поясом его брюк за спиной. Корень полез рукой во внутренний карман пиджака и нащупал рукоятку шила, но, заметив движение руки капитана, ускорился, резко выхватил шило и вонзил в грудь Василия. Тот открыл рот, вдохнул последний раз лесной воздух и упал на игольник. Корень обшарил его карманы, забрал найденные деньги и пистолет за поясом и быстро вернулся к машине.

---

²⁸ Документ – (лагерн. жаргон)

XXI. Задержание банды Кореня

Воскресный день выдался солнечным и безветренным. Деревья стояли как нарисованные, не шелохнувшись, а листва замерла, притихла.

Даша сидела у окна и смотрела на окружающую жилые кварталы зелень, на мечущийся по улицам разнovidный транспорт, спешащих по тротуарам пешеходов, порхающих из-под крыш птиц. Этот день был для неё значимым. Сегодня она будет знакомить Бориса с родителями, присутствующее волнение не покидало её. Но не заметив в поведении родителей никаких перемен, немного успокоилась. Отец со свойственным ему спокойствием читал «Московский комсомолец», мать хлопотала на кухне. Всё на первый взгляд как обычно, но Даша всё-таки ошибалась. Мать старалась приготовить на стол блюда поизысканнее и повкуснее, не афишируя свои старания, а отец, только для вида уткнувшись в газету, размышлял над тематикой разговора и перечнем вопросов, которые хотел бы задать Борису, но из слов дочери, скорее всего разговор начнётся после предложения или просьбы, которые хочет озвучить Борис.

Приглядевшись пристальнее, Даша показалось, что мать всё же сосредоточенная, а отец, рассеянно смотревший в полосу газеты, был уныл, как-то мрачен и даже, казалось, безразличен ко всему. Но мысленно

успокоила себя тем, что, может, всё это она надумала, чувствуя ответственность и важность встречи. Опять обратила свой взгляд на происходившее за окном...

Вдруг раздался звонок в дверь. Даша вздрогнула от неожиданности, вскочила и кинулась в коридор. Там уже, как по тревоге стояли отец и мать. Дверь распахнулась, и вошёл Борис. В одной руке он держал бутылки шампанского и коньяка, а в другой – два букета цветов. Лицо его бледное и худое сияло, а одежда – костюм, белая рубашка с красным галстуком, свидетельствовали о торжестве дня.

Поставив спиртное на тумбочку, стоявшую под висевшим на стене зеркалом и, взяв букеты в обе руки, он смело шагнул на середину перед выстроившимися в ряд родителями и Дашей, неожиданно для всех встал на колени и с заметным волнением в голосе промолвил:

– Пётр Степанович и Нина Фёдоровна... Я, Каневский Борис Фёдорович, осознавая здраво свои действия... Прошу руки вашей дочери, а тебя, Дашенька... быть моей женой.

Нежный и продолжительный взгляд Даши задрожал, глаза повлажнели, и родители ещё не успели опомниться, как она выпалила:

– Я согласна!

– А я нет, – решительно заявил отец.

И все с тревогой посмотрели на него, – Даша со страхом, Нина Фёдоровна в недоумении. А он продолжил: – Пока Борис будет стоять на коленях... Поднимайся. За столом будет... твоё сватовство.

– Не могу. По нашим обычаям отец мой должен первый вести разговор с вами, но его здесь нет, хотя я

уже получил родительское благословение... поэтому буду находиться в таком положении, пока не получу ответ, – твёрдо заявил Борис, продолжая стоять на коленях.

Пётр Степанович и Нина Фёдоровна с улыбкой на лице переглянулись и, как будто поняв друг друга, в один голос ответили:

– Мы даём своё согласие и благословление...

Борис поднялся, поклонился обоим и трогательно промолвил:

– Благодарю вас. Я постараюсь быть хорошим, заботливым и любящим мужем Даши, а вам не только зятем, но и сыном, – подошёл к Даше и Нине Фёдоровне и вручил им цветы, а после этого пожал протянутую руку Петра Степановича.

Родители Даши поочередно тепло обняли Бориса и пригласили за стол. Женщины пили шампанское, а мужчины коньяк. Беседовали непринуждённо, высказывались неоднозначно по разным вопросам, но все темы сводились к повестке дня и к тому, что каждому человеку брак необходим, и новая семья – это прекрасно, имеет глубокий смысл... когда два человека стремятся к счастью, их союз скрепляет самое важное и главное – любовь, и все радости и тревоги они готовы встречать вместе, и поддерживать друг друга всегда и во всём.

Когда уже многое обсудили, и разговор подходил к концу, – Пётр Степанович спросил:

– Что было в плену, Борис?

– Пётр Степанович, если вы не против... я об этом расскажу как-нибудь потом, а сегодня мне не хочется вспоминать об этом омерзительном прошлом... Не

хочу этими воспоминаниями омрачать самый торжественный день в моей жизни.

– Согласен. Прошу меня извинить. Ты, Борис, благовоспитанный человек, и за это уважаю тебя. А родителей своих... наведишь?

– Обязательно. Если вы позволите... вместе с Дашей. Познакомлю её с ними. О ней они знают из моих писем... Завтра и поедем, – ответил Борис и вопросительно посмотрел на будущего тестя.

Тот обменялся взглядами с Ниной Фёдоровной, и вновь, как будто по негласной договорённости, они оба одновременно произнесли:

– Ну что же... поезжайте.

После застолья Пётр Степанович и Борис, выйдя на балкон, долго говорили на разные жизненные темы, в том числе и о обозримом будущем Бориса, касаясь предложения руководства прокуратуры о его работе. Когда же возвратились в комнату, Борис с разрешения подошёл к телефону и стал звонить Лапину. К домашнему телефону никто не подходил, и он набрал служебный.

– Лапин у телефона, – послышалось в трубке.

– Здравствуй, Серёжа. Борис побеспокоил. Домой звоню... никто не ответил... А ты-то чего по воскресеньям на работе?

– Дел много. Да и происшествия посыпались одно за другим. Как ты? Оклемался?

– В порядке. Хотим с Дашей навестить тебя.

– Сегодня не получится. Давай завтра в любое удобное для вас время.

– Тогда уже по приезду. Завтра мы к моим уезжаем и вернёмся во второй половине августа. А у тебя что нового по моим «друзьям»... в кавычках?

– Ничего особенного. Иванов, он же Колун, в бегах. Как вьон ускользает от нас. Корень тоже... залёг на дно... со своей братвой. Два новых убийства одним и тем же оружием и методом... с использованием шила. Один работник милиции... оборотень погиб от рук своих криминальных хозяев, а другой почти такой же спец по подделкам документов... Одним словом, тоже работник милиции. Валентину пришлось отпустить под подписку о невыезде. Участие её в банде не доказано. Зацепка есть лишь та, что связана с первым твоим похищением, а во втором она не участвовала. Наоборот, упрашивала бандитов отпустить тебя. Так, что ещё?.. Ага. Письмо о твоей работе пошло по инстанции. Думаю, вопрос решится положительно. Готовься, брат. Будем вместе бороться с этой нечестью. А вам с Дашей удачи. Жду вас обоих, когда вернётесь.

– Спасибо за информацию. А в части моего личного вопроса о работе, то я готов. Жду решения твоего руководства. Пока, Серёжа.

Из-за повышенной громкости микрофона разговор Бориса и Лапина слышал Пётр Степанович, его заинтересовало услышанное, вследствие чего они продолжили разговор, находясь в зале. Чем больше будущий тесть общался с Борисом, тем сильнее убеждался в том, что в этом молодом человеке присутствовали и необыкновенно сочетались такие необходимые человеку положительные черты, как проницательность, верностью, добродушие, покладистость, остроумие и добропорядочность. После каждого его ответа на поставленный вопрос, он одобрительно отмечал это для себя, и главное, что он обнаружил в Борисе – что в общении не обременял, а наоборот, притягивал к себе,

возникало желание продолжать общение. Пётр Степанович был безмерно доволен выбором дочери.

Борис, общаясь со своим будущим семейством, старался держаться непринуждённо, спокойно, с достоинством, без признаков волнения, участвуя в обсуждении любой животрепещущей темы.

Нина Фёдоровна со своей стороны тоже дала свою оценку будущему зятю и была горда за обоих. Её преждевременная в волосах проседь говорила не столько о возрасте, сколько о благородстве, высокопорядочности и неисчерпаемом уме. В этом плане она была достаточно богата и своими достоинствами щедро наделила Дашу, которая несравненно много хорошего переняла и воплотила в себе, как от матери, так и от отца. Сейчас она с невозмутимым спокойствием сидела, прижавшись щекой к плечу Бориса и молчаливо участвовала во всех обсуждаемых мужчинами тем. Так прошёл день. На ночь Борис уехал к себе, а рано утром на такси заехал за Дашей, и они, попрощавшись с родителями, поторопились к поезду.

Однако там их ожидала неудача. К кассе стояла длинная очередь, и почти все хотели купить билет именно на тот поезд, что и Борис с Дашей. Когда же кассир объявила, что в купейные вагоны все места проданы, а в плацкартные свободных мест оставалось немного, то им пришлось довольствоваться тем, что было.

В плацкартном вагоне на боковых местах Даша расположилась на верхней полке, а Борис на нижней, но по проходу происходило постоянное хождение пассажиров, что по-своему создавало неудобства. Даша спустилась вниз. Минут пятнадцать они сидели у окна

за трансформируемым столиком, но Даша захотела опять на свою полку, где стала читать «Овод». Борис разложил столик, постелил всё необходимое и лёг, уткнувшись в наставление по каратэ. Особое и тщательное внимание он уделял рисункам и описанию приёмов, которые им из-за нахождения в изоляции не были отработаны.

Через проход на нижней полке лежал участник Великой Отечественной войны с орденами на пиджаке, а на другой нижней – молодая белокурая женщина с годовалым ребёнком. У противоположной стенки отсека по соседству с Дашей лежала женщина лет пятидесяти. По ходу поезда купе проводника разделяли ещё два отсека, заполненные полностью пассажирами.

В вагоне всё было спокойно, и ничто не предвещало непредвиденное, как вдруг после минутной остановки по непонятной причине в вагон вошла группа из шести мужчин. Один из них, на вид солидного возраста, со строгостью командовал остальными.

– Фома, – обратился он к одному из них. – А ну-ка притащи сюда проводника.

Тот метнулся... и через несколько секунд проводник стоял перед мужчиной, поправляя на себе железнодорожную форменную одежду.

– Кто такие и что угодно? – спросил проводник, бросив недовольный взгляд на мужчину в годах.

– Корень, разреши, я его остужу, чтобы гонор свой поубавил, – попросил Фома у отдавшего распоряжение.

– Не надо. Он и так всё сделает, – ответил тот, а потом обратился к проводнику: – Вот эти два отсека сей-

час же освободи от пассажиров... Здесь примерно два часа ехать будем мы. Понял, что я сказал?

Борис насторожился. Клички разыскиваемых бандитов он слышал от Лапина и понял по их поведению, что это они.

– А как это вы себе представляете? Каждый из них купил билет с указанием в нём места...

Он не договорил. Фома, видя, что Корень от слов проводника насутился и зло смотрел на него, ударил проводника в живот. Тот, вскрикнув от боли, согнулся.

– Фома, верни его в купе и сам будь с ним до конца. Никаких ему общений, – приказал Корень и сразу же перевёл взгляд на другого: – А ты, Сухой, с братвой очистите эти два отсека.

Фома поволок проводника в его купе, а Сухой объявил пассажирам двух отсеков освободить места на два часа. Однако те не двинулись с места. Тогда четверо бросились в отсеки, и сидевших, и лежавших там выбрасывали с применением тумачков и пинков. Когда места были свободными, один из бандитов зашёл в третий отсек, окинул его взором, заметив не понравившийся ему взгляд Бориса, подошёл к нему и сквозь зубы процедил:

– А ты чем недоволен?

– Бурый! – окликнул его Сухой. – Этих не надо. Пусть находятся на своих местах. Нам достаточно, – добавил он, и было слышно, как загрели бутылки в оккупированных бандитами отсеках.

Но Бурый, как будто не слышал сказанного, продолжал зло смотреть на Бориса, ожидая ответа. Тот не стал находиться в лежачей позе, поднялся, скатал постель и поднял среднюю часть полки, сел за столик.

Место напротив было занято постелью. Глянув на неё, Бурый схватил и бросил на пол в отсек, где лежал ветеран войны, после чего сел напротив Бориса. Ветеран поднял голову, посмотрел на бандита осуждающе, но воздержался от высказываний. Бурый не останавливался и желал получить ответ на свой вопрос.

– Так я жду ещё минуту, а потом тебе будет очень плохо, – сказал он, злобно сверля взглядом Бориса.

Тот молча продолжал с ненавистью смотреть на него. Тогда Бурый поднял ногу и грязным ботинком надавил между ног Бориса. Острая боль пронизала низ живота. Борис резким движением руки отбросил его ногу в сторону.

– Ты что же это делаешь, сопляк? – возмутился ветеран, видевший действия бандита, и стал подниматься.

Бурый вскочил и нанёс удар кулаком в его лицо. Кровь сразу же хлынула на грудь ветерана. Борис хотел было вскочить, но Бурый выхватил пистолет и направил на него. Пришлось сесть на место. Бурый сел напротив, не выпуская из руки пистолет, а второй растянул свою ширинку и стал по-лёгкому оправляться на брюки Бориса. Почувствовав мокрое, тот в гневе резко схватил наглеца за волосы и что есть силы ударил лбом об стол. Бурый, выронив пистолет, недвижимо осел на стол. Борис поднял пистолет, схватил в охапку Бурого и быстро потащил в другой конец вагона. Пассажиры, не видевшие происшедшего, в недоумении смотрели им вслед, но никто не вмешивался.

Затащив Бурого в туалет, Борис его же ремнём связал руки и ноги и в согнутом состоянии бросил возле унитаза, но к этому времени Бурый стал приходить в

себя и вскрикнул, после чего получил удар пистолетом по голове и затих.

Борис вернулся на своё место. Ветеран к этому времени поднял скатанный матрац Бориса на самый навверх, сидел, вытирая полотенцем окровавленный нос. Даша, закусив пальцы, в тревоге смотрела на Бориса и только хотела попытаться подняться, чтобы слезть к нему, как он жестом руки не разрешил ей это сделать.

– Помощь нужна? – тихо спросил ветеран и добавил: – Если что... рассчитывай на меня.

Всё увиденное повлияло на ребёнка, он стал громко плакать, а его мать никак не могла утихомирить малыша. Непрекращающийся крик ребёнка стал раздражать пьянствующих бандитов. Не выдержав, один из них пришёл и, глядя на плачущего малютку, спросил мать, что трепетно, но с волнением качала его:

– Не можешь успокоить? – и тут же вытащил из-за пояса пистолет: – Тогда я смогу.

Женщина прижала ребёнка к груди и он, как будто чувствуя угрозу, затих. Бандит, засунув пистолет снова за пояс, осмотрелся и спросил у Бориса:

– Наш... куда ушёл?

– В ту сторону, – ответил тот, показывая в конец вагона.

Бандит направился туда, а Борис, тихо ступая, пошёл следом. Возле последнего отсека ударил его по голове и потащил в туалет. С ним он поступил, как и с первым, и сразу же вернулся на своё место. Ветеран задорно глянул на Бориса и тихо спросил:

– Сколько их ещё?

– Трое здесь и один в купе проводника, – Борис протянул ветерану пистолет, взятый у второго бандита.

– О-о! Это другое дело, – ветеран положил оружие под подушку.

Только успел это сделать, как вошёл ещё один. Посмотрев отсек и глянув вдоль вагона по проходу, спросил у ветерана:

– Наши... куда ушли? Не видели?

– Я за ними не слежу, – грубо ответил тот.

– Оба вон туда, – сказал Борис и показал в конец вагона. – Они что-то вроде сумки понесли.

Бандит хотел было возвратиться, но, услышав последние слова, пошёл туда вдоль вагона. Борис за ним следом. С этим произошло всё то же самое, что и с теми двумя.

Возвратившись на место, Борис посмотрел на ветерана и тихо промолвил:

– Ожидать, пока выйдет четвёртый, не стоит. Те могут прийти в себя и будут кричать. Я пошёл.

– Я с тобой, сынок, – сказал ветеран, доставая из-под подушки пистолет.

Корень и Сухой закусывали после очередной чарки и громко обсуждали то ли место, которое покинули, то ли, то куда едут. Борис быстрым шагом вошёл в их секцию и, ничего не говоря, ударил Сухого пистолетом по голове, отчего она упала на столик. Корень, не ожидавший подобного, не мог сориентироваться, что делать в такой ситуации, смотрел непонимающе на Бориса, который спросил:

– Оружие есть?

– Не имею такого. Деньги есть... – ответил Корень и полез рукой во внутренний карман пиджака.

Вместо денег он, по уже испытанному методу, стал вытаскивать дважды опробованное орудие убийства – шило, но в этот момент ветеран, заметив такое движение, молниеносно оказался у него сбоку с пистолетом в руке. Борис сел за столик напротив Кореня и глядя в его волчьи глаза, налитые от злости и безвыходности кровью, сказал:

– Так вот ты какой... Корень! Или ты другой? Выдаёшь себя за него?

Тот, не отвечая, наклонился к столу и вытащил шило из кармана, но применить его не успел, – ветеран ударил его пистолетом по голове. Шило выскользнуло из рук Кореня, Борис поднял его. Глянув на ветерана с благодарностью, он покачал головой и глубоко вздохнул.

– Через меня, сынок, Бог тебя спас. Родинка на твоём лице – это его отметина. Благодарю Его чаще в Святом Храме.

– Спасибо Ему за это, а вам персонально. Надо же... из-за крышки стола я не видел, что намеревается сделать этот волчара. В следственном органе я слышал об убийстве двух сотрудников милиции именно шилом. Значит это работа его.

В это время зашли два дюжих парня, которых вместе с другими пассажирами выгнали с их мест бандиты.

– Помощь нужна? – спросил один из них.

– Связывайте этих двоих, а я к последнему наведаюсь, – сказал Борис и метнулся к купе проводника.

Открыв дверь, он увидел сжавшегося в углу проводника и Фому, уплетающего за обе щёки его продукты. Увидев Бориса, он в недоумении посмотрел на него. Нанести удар сразу Борис не решился, так как мешала

опущенная полка, и он пошёл на хитрость, пряча за спину пистолет.

– Ты Фома? – спросил он бандита.

– Ну, я. А ты кто? – ответил тот, чавкая.

– Тебя Корень зовёт. Сказал срочно.

– А ты-то кто? – выпучив глаза от удивления, вновь спросил Фома, поднявшись и оказавшись перед Борисом.

– А я Борис. Будущий следователь прокуратуры, – и резким движением ударил его пистолетом по голове.

Удар пришёлся ребром рукоятки, и из рассечённой раны кровь хлынула Фоме на лицо. Он зашатался и стал валиться на проводника, но тот изловчился, подняв ногу, толкнул его на полку.

– Верёвка, шпагат или что-то подобное есть у вас? – спросил Борис проводника, видя отсутствие ремня на поясе Фомы.

– Для этого, гада, найду...

Вскоре Фома был связан по рукам и ногам.

Борис забрал пистолет Фомы и обратился к проводнику:

– Связь с бригадиром есть?

– Конечно, – ответил тот, и лицо его засветилось решительностью.

– Сообщите... Пусть срочно вызывает наряд милиции, если есть таковой в составе поезда, а если нет, то по рации надо сообщить диспетчеру самой первой железнодорожной станции, которая сейчас будет.

Проводник, глянув на свои наручные часы, покачал головой и ответил:

– Через полчаса будет. Стоим пять минут... – и стал звонить бригадиру.

А Борис схватил за шиворот Фому, выволок из купе в коридор и потащил по полу в отсек к Кореню и Сухому. Ветеран и парни победоносно и с восхищением смотрели на него.

– Ребята, вы смогли бы взять под охрану тот крайний туалет... Там связанные трое бандитов. Через полчаса станция, и там их заберёт милиция.

– Легко, – звонко и с радостью вскрикнули оба и пошли занимать свой пост.

Борис присел на полку рядом с ветераном, посмотрел на него с чувством благодарности, промолвил:

– Спасибо, отец... Я, Борис.

– Тебе спасибо, сынок. Боевой ты парень. Таких немало встречал во время войны... А я Савелий Михайлович... Конотопчанин... сына проведаль в Москве и домой в Конотоп возвращаюсь, – а потом, остановив свой взгляд на ворохе баулов, принадлежащих бандитам, предложил: – Не мешало бы заглянуть и посмотреть, что там.

– И то правда, – согласился Борис и стал осматривать багаж.

Там кроме одежды, обуви и других предметов, необходимых в дороге, находились два автомата «Калашникова», патроны, три гранаты и четыре пистолета «Макарова». В это время с другого конца вагона слышались крики, – давали о себе знать связанные и очнувшиеся бандиты. Пришёл в себя и Корень. Он медленно открыл глаза, посмотрел вокруг, дёрнулся, но поняв, что скручен надёжно, затих. Глянув на приходившего в себя Сухого, он наклонился и вытер об его одежду слюни, текущие изо рта.

– Тебя как зовут, – спросил он Бориса, глядя на него глазами, которые пытался сделать добрыми и покладистыми, но это у него плохо получалось.

– А тебе это зачем? Сиди молча... и жди долгожданное свидание с милицией.

– Я дам тебе деньги... много денег... столько, сколько ты в руках не держал... Отпусти меня.

– Даже разговор на эту тему не веди.

– Этих всех оставь и сдашь ментам, а меня одного отпусти. Не пожалеешь. Вот тут, в левом кармане пиджака возьми деньги и дай мне возможность исчезнуть, а этих оставь, – повторил Корень, и на его глазах выступили слёзы отчаяния.

Сухой медленно поднял окровавленную голову, зло посмотрел на Кореня и, стиснув зубы, сказал:

– Ну, ты и сука, Корень, – и переведя взгляд на Бориса, уже другим, более мягким голосом, добавил: – Не отпускай его. Всё, что мы натворили... это по его приказу, а некоторые факты и он сам... За решёткой мы его проучим. Будет знать, как распоряжаться нашими судьбами.

Борис с минуту смотрел на обоих сверливших друг друга глазами, потом стал обыскивать одежду Кореня. Из карманов он вытаскивал пачки денег, под рубашкой обнаружил пояс с пачками купюр, извлёк из-за пазухи паспорт на имя Гурова Никона Фроловича, а потом открыл рюкзак, который Корень прятал за своей спиной, прикрыв подушкой. Он был полон деньгами.

– Вот падла, – процедил Сухой. – А нас держал на безденежье. Этого бабла хватит за всю зону. Ну, Корень... тебе конец. Вся братва... и на воле тоже... обо всём узнает, даже не сомневайся.

В это время поезд стал сбавлять скорость, задёргался, гремя «тарелками», и остановился. Борис, глянув в окно, сразу увидел несколько милицейских машин, а от них бежавших к вагону вооружённых работников милиции.

Не прошло и минуты, как они заполнили весь вагон. Седовласый майор представился, назвав себя начальником уголовного розыска Скутинеевым и вопросительно окинул взглядом троих связанных.

– Этих троих и ещё троих, которые штабелем сложены в крайнем туалете, сторожил вот этот парень, – сказал ветеран и положил мозолистую руку на плечо Бориса. – Ему одному честь и хвала, я по-стариковски кланяюсь ему, – он склонил голову и уже хотел было преклонить колено, но Борис подхватил его и умоляюще попросил:

– Не надо, Савелий Михайлович. Это я должен стоять перед вами на коленях с благодарностью за Великую Победу над фашизмом.

– Стоп, товарищи... Так ещё есть задержанные?! – воскликнул майор и кивком головы, направленным к мужчинке в гражданском, дал понять, что надо делать.

Тот махнул рукой нескольким милиционерам, и они кинулись в конец вагона, а вскоре притащили ещё троих. Майор быстро задокументировал изъятие оружия, боеприпасов, документов и вещей, распорядился доставить задержанных в автомобиль, а потом обратился к ветерану и Борису:

– Вам придётся остаться на некоторое время у нас, а потом мы обеспечим без всяких доплат вашу отправку следующим поездом. Надо закрепить вашими показаниями факт задержания.

– Товарищ майор, это уже будет моя третья попытка уехать домой. Я вообще-то не один еду... с невестой. Может, на обратном пути?..

– Нельзя так, Борис Фёдорович. Как я понял... вы тоже имеете какое-то отношение к нашей службе и должны понять, что моя просьба основана на требовании закона. Это займёт несколько часов... Мы со своей стороны будем стараться сократить это время.

– Ну что ж... Если надо... Ничего не поделаешь. Придётся подчиниться, – и Борис, обняв подошедшую Дашу, мягко произнёс: – Ты не против? А следующим уедем...

– Ты, Боря, покорила всё моё воображение, удивил меня бесконечно, поэтому я в твоей власти. Как надо, так и поступай, – её милые нежные глаза смотрели на любимого с искорками радости и счастья.

– Спасибо тебе, – сказал Борис. – Идём быстро собирать вещи.

Поезд ушёл, а Борис с Дашей, Савелий Михайлович и ещё двое парней, по просьбе Скутинеева остались.

Прибывший по телефонной просьбе Лапина следователь прокуратуры допросил всех, задокументировал все остальные следственные действия и разрешил уезжать.

Корень на очной ставке с Борисом ничего не отрицал, что касалось действий братвы в вагоне и всего изъятого. Однако от показаний по поводу оружия, денег и поддельного паспорта категорически отказался. Перед окончанием следственного действия он свирепо посмотрел на Бориса и с угрозой изрёк:

– Разве я мог когда-либо подумать, что какой-то сопляк меня и пятерых моих бойцов застопорит? Ну

ладно... земля круглая... Ещё встретимся. Сочтёмся...
Горькими будешь рыдать.

Борис посмотрел на него, как на что-то ненужное и, ничего не ответив, ушёл из кабинета следователя. Через полчаса он с Дашей и всеми остальными, снятыми с поезда, уже ехали опять в одном вагоне, весело обсуждая всё происшедшее.

XXII. Поручение прокурора

Кириллыч на очередном сходняке бегло обсудил со всеми авторитетными ворами в законе вопрос о пополнении общака и сконцентрировал всё внимание на собственной безопасности городской группировки.

– В ментовских и других правоохранительных циркулярах нас продолжают называть преступной группировкой, а это нам ни к чему. Особой гордости такое определение не прибавляет, наоборот, вбивает безразмерный клин между нами и обществом, делает бездонную пропасть, отделяя нас от людей. В настоящее время обстановка в стране, да и в мире вообще, складывается так, что мы должны менять свою политику, жить среди людей не только легально, но и легитимно. Пока в данное время Борис Ельцин выясняет отношения с Руцким и Верховным Советом, мы должны срочно взять курс перехода от нашей прежней жизни к активному участию в легальном бизнесе. У некоторых из нас фундамент и надстройка в этом направлении уже есть, – сказал он и продолжил: – Это во-первых... а во-вторых... уважаемые... надо чистить свои ряды, избавляться от таких беспредельщиков, как Корень. Такие будут только вредить нашему общему делу. Кстати, кто располагает информацией, где он? Наше решение, принятое ранее на сходняке, до сих пор не исполнено...

Его прервал стук каблучков по паркетному полу. Кириллыч поднял голову и увидел Смуглого, который обеспечивал безопасность, отлично знал, что тот зря не войдёт туда, где собрались авторитеты... значит, есть у него обоснованный повод. Подойдя вплотную к Кириллычу, нашёптывал на ухо какую-то информацию.

– Доложи всем, – коротко распорядился тот.

– Прошу меня простить за вторжение, уважаемые, но вопрос настолько важен и дорог к обсуждаемой вами теме, как ложка к обеду. Дело в том, что наши люди, находящиеся в правоохранительных органах, сообщили только что... Корень, а с ним пять его бойцов повязаны в поезде и находятся в Бутырке. Корень с огромной суммой общака пытался улизнуть, но она вместе с оружием ментами изъята. Это ещё не всё... Из Бутырки от наших людей пришло сообщение, что Сухой, Фома и вся остальная братва приняли решение о ликвидации Кореня... за то, что тот пытался сдать их ментам, а сам через подкуп хотел слинять по поддельному паспорту.

Наступила тишина... Каждый из присутствующих обмозговывал сообщённое... Первым нарушил паузу Кириллыч:

– Не будем им мешать. По этому вопросу наше решение остаётся в силе. Корень заслужил этого. Он предал не только нас, но и своих бойцов. Так что... думаю, они приняли верное решение.

– А то и помочь им в этом... – сказал ховринский авторитет, а потом добавил: – Руководствуясь в большей степени не только принятым ранее нашим общим решением, но и своим личным убеждением, я могу это сделать. У меня есть такая возможность.

В знак одобрения все авторитетные загудели, кивая головами, а Кириллыч в результате заключил:

– Значит на этом и порешили.

В это же самое время прокурор города Москвы Пономарёв заслушивал ход следствия по всем объединённым в одно производство уголовным делам, касающихся эпизодов преступных действий преступной группы Кореня. Руководителем созданной оперативной группы следователей, в которую входили и работники уголовного розыска, был назначен Лапин. В своём докладе в заключение он сказал:

– Благодаря этому чудо-человеку – студенту юридического вуза – Борису Каневскому раскрыты эти столь тяжкие преступления и задержана почти вся преступная группировка Кореня вместе с её лидером. Каневский сам лично и задержал всех вооружённых шестерых бандитов и передал их работникам милиции. Это кажется немыслимо, но это достоверно и подтверждено не только результатами, но и свидетельскими показаниями. Его личностью, насколько мне известно, заинтересовались, как кадры МВД, так и ФСБ, и уже направили свои письма руководителю вуза. Поэтому надо бы нам ускорить решение вопроса о взятии Каневского на службу в органы прокуратуры.

– С соответствующим письмом мы уже обратились в Генеральную прокуратуру, – пояснил первый заместитель прокурора города Герасимов.

– Надо, Сергей Иванович, активизировать наше стремление. Свяжитесь с кадрами генпрокуратуры и ещё разок напомните о Каневском. Если моё вмешательство потребуется... скажите... Я переговорю с Генеральным. Это моё важное поручение вам.

– Не надо, Геннадий Семёнович, ни с кем говорить. Я дважды говорил с кадровиками. Сегодня ещё раз... Они заверили о положительном решении, и что их письмо поступит к нам завтра. Так что... – и он перевёл взгляд на межрайонного прокурора: – Вам, Валерий Николаевич, следует пригласить Каневского и направить в управление кадров прокуратуры города для оформления. Что же касается руководства вуза, то я уже переговорил с ректором, и сегодня наше письмо будет у него. Относительно самого Каневского и его согласия перейти на заочное обучение товарищ Лапин заверил, что тот согласен. На этой неделе мы можем поставить точку в поднятом вопросе.

– Не получится, Сергей Иванович, – возразил тот. – Каневский сейчас выехал из Москвы и будет во второй половине августа. Но его письменное заявление на имя прокурора города находится у меня. С соответствующим заявлением он обратился и к руководителю вуза.

– Ну, тогда нечего и беспокоиться. Вопросы, интересующие нас, рассматриваются положительно, – заключил прокурор города. – Я прошу вас, Сергей Иванович, лично контролируйте не только этот вопрос, но и весь ход расследования дела.

Как руководитель, он и его первый заместитель Герасимов, курирующий следствие, не только среди личного состава органов прокуратуры города, но и других правоохранительных структур, в том числе и жителей города, пользовались огромным уважением. Этому способствовали высококвалифицированность, принципиальность, строгое соблюдение требований

законов, служебная порядочность и человечность этих руководителей. Таких командиров во время боевых действий в годы войны солдаты грудью заслоняли от пуль противника.

Одним из таких солдат был и следователь Лапин. Для него доброе слово руководителя было дороже любой награды.

– Сергей Валерьевич, постарайся в максимально сжатые сроки, соблюдая законность, закончить дело, потому как любое затягивание сроков следствия пагубно отражается на стойкость доказательств и актуальность дела. Я надеюсь на тебя, – напутствовал его после совещания первый заместитель прокурора города.

– Не подведу, Сергей Иванович, – ответил тот и отбыл в распоряжение межрайонной прокуратуры.

До поздней ночи он сидел в своём кабинете, составляя планы работы по каждому эпизоду объединённых уголовных дел, а утром дал телеграмму Борису Каневскому о решении вопроса его трудоустройства в органы прокуратуры, и после приступил, при содействии всей группы следователей, к выполнению всего намеченного.

При допросах подозреваемых, а он допрашивал каждого лично, Фома, Сухой, Щука, Бурый и Кнут рассказывали всё, ничего не утаивая, тогда как Корень категорически всё отрицал и удивлялся каждому факту преступления, совершенного руководимой им группой, заявляя, что всё происходило без его ведома. Кроме этого, он стал утверждать, что группой руководил не он, а Ворон. Однако на очных ставках каждый задержанный уличал его. О цели выезда поездом они

пояснили Лапину, что Корень решил уйти из-под влияния городских авторитетов и менял место расположения, а заодно планировал совершить нападение на один из банков в Брянске, после этого уйти на территорию Украины.

XXIII. Убийство Валентины

Колун, скрываясь от милиции, каждые три дня менял место своего пребывания. На это время он останавливался то у своих знакомых и бесследно исчезал, то у одиноких женщин, с которыми был ранее знаком, то вместе с бомжами кантовался в подвалах.

В одной из пивных он познакомился с бывшим гримёром театра, уволенным с работы за систематическое пьянство и, пользуясь тем, что тот проживал в двухкомнатной квартире на «Соколе» один, задержался у него на целую неделю. Гримёра, с постоянно трясущимися руками, больше всего от злоупотребления спиртным, звали Адамом, не исключено, что это он сам себя так называл. Собутельники постоянно над ним подшучивали, спрашивая, где его Ева, и не он ли совершил грехопадение, нарушив заветы Бога.

Колун, проживая у этого человека, ежедневно спаивал его спиртным, но несмотря на это, он успел научиться его тонкостям применения грима, в том числе изменения внешности с наклейкой усов и парика. Воспользовавшись полученными навыками, Колун свободно, не шарахаясь от каждого встречного милиционера, ходил по городу.

Возвратившись как-то в квартиру Адама, он узнал от старухи-соседки трагическую новость о гибели Адама, что произошло непоправимое – он закончил

свою беспутную жизнь под колёсами автомобиля, будучи в сильном опьянении. Оставаться в его квартире Колун не решился, зная, что назревает время похорон, на которых могут быть лица, у которых возникнет ряд вопросов к нему. Потому, загримировавшись, наклеив усы и парик, захватив ключи от квартиры, личные документы Адама, он ушёл. Целый день до самого вечера слонялся по городу, а когда стемнело, решил навестить Валентину. На звонок в дверь она открыла сразу, как будто ожидала его прихода. Но увидев перед собой незнакомого мужчину, удивлённо спросила:

– Вам кого?

Колун загадочно улыбнулся и, не ожидая разрешения войти, перешагнув через порог:

– Тебя, Валюха. Не узнаёшь?

– Вы ошиблись. Я вас не знаю, – с тревогой в голосе сказала та, стоя у открытой двери.

«Не узнаёт, значит, это здорово. Менты тем более не узнают», – подумал Колун, молча прошёл, зашёл в ванную комнату, снял усы и парик, смыл грим и вернулся к Валентине, продолжающей в оцепенении стоять на том же месте.

– Игорь?! – воскликнула она. – Ты? Вот так дела. Вообще не узнала. Ну надо же! – удивилась она, и наконец, захлопнула дверь. – А я-то думала, вы все в катажке.

– А ты, небось, страстно хотела этого?

– Да мне какая разница, что с тобой и твоими друзьями будет. Вы что... мне родственники? Когда ты улизнул из моей квартиры, я думала, что тебя всё-таки стреножили, а вижу... неуловим.

– Ментам всё выдала?

– А чего мне скрывать. Твои дружки... некоторые... на погосте, ты, как я считала, арестован... Я и говорила то, о чём спрашивал следак.

– Язык бы тебе отрезать... баба рязанская... за болтовню, да вот настроение испорчено гибелью хорошего приятеля.

– Это ещё кого?

– Не твоё дело. Чем ты будешь меньше знать, тем целее я буду... и безопаснее.

– Ох, ох! Какие мы обидчивые, – сказала Валентина, придав лицу серьёзности и наигранного достоинства.

– Ладно тебе... Покушать есть что? С утра во рту ничего не было. Одним словом, кушать так хочется, да и негде, и не с кем переспать, – сказал Колун и рассмеялся.

– Пельмени... магазинные будешь? Сварю, а нет... чай, баранки, консервы рыбные.

– Не густо... не густо. Давай пельмени.

– А чего ты хотел? Зайди в магазин, всё пусто хоть шаром покати. Да ещё безденежье донимает... Собственные деньги сбербанк людям не отдаёт, и я-то дура... положила на счёт... На квартиру копила, а теперь сгорят... так я слышала.

– Не тужи. Вари быстрее, не то упаду. А насчёт бабла... украдёшь, телом наторгуешь... Я тебя знаю.

– Знаешь, что?! – сердито вскрикнула Валентина. – У тебя проблемы с законом давно... Привык к такой жизни, а у меня только начинаются... и душа пополам.

До поздней ночи они говорили, а потом улеглись в одну постель.

Проснувшись рано утром, Колун подошёл к окну и открыл его. В комнату сразу же ворвался свежий бодрящий ветерок и птичий щебет. На востоке медленно поднималось солнце. Валентина всё ещё нежилась в постели.

– Что будем делать, Валюха? – спросил он, глядя на заезжающую во двор «Волгу».

– Я пойду в гости. Приглашена на день рождения подруги, – ответила та, поднявшись с койки, поправляя постель.

– И я тоже?!

– А ты-то здесь причём. Иди... гуляй по городу... И вообще, Игорь... ты бы не приходил сюда. Сам ведь знаешь, что моя квартира под контролем. По лестнице... через окно... уже не смоешься. Нет её. Срезали... после твоего побега. Сказали, что устроена в неудобном месте.

– Что, не понраву я?! Мешаю?

– Твоё дело. Думай, что хочешь, но мне твои визиты крайне не по нраву. У меня есть мужчина, и я хочу создать свою семью...

– Ты же прости... господи. Разве сможешь жить с одним? Думаю, что нет.

Валентине было не по себе от его слов, слышать правду не всегда приятно, но она ничего не ответила и пошла на кухню, а он махнул со злости рукой, зашёл в ванную и начал наносить крем. Закончив и выйдя в зал, увидел Валентину, стоявшую на балконе кухни и жестами показывающую кому-то на окна своей квартиры. Колун быстро подошёл к окну комнаты, вид из которой был такой же, как на кухне, посмотрел через тюль вниз. Там стоял капитан милиции с папкой в

руке и, подняв голову, смотрел на Валентину. Колуну была видна и Валентина, продолжающая зазывать капитана. Тот кивнул головой и направился к подъезду. Колун вихрем влетел в кухню. Валентина, вернувшись с балкона и увидев разъярённое лицо Колуна, попыталась успокоить его.

– Сейчас будем завтракать, Игорёк, – и она взялась за чайник.

– Ах ты, сука... мента позвала! – скрипя зубами, схватил со стола кухонный нож.

– Нет... Это знакомый... Я ему показывала, чтобы не заходил, а...

Валентина не договорила... Колун с силой вогнал нож в её сердце, и она, глубоко вздохнув, с широко открытыми глазами упала на пол, а он быстро обул ботинки, схватил пиджак и, выйдя из квартиры, прошёл этажом выше. По лестничному маршу в это время поднялся капитан, нажал на кнопку звонка, но увидев чуть приоткрытую дверь, вошёл в комнату. Спустя несколько секунд он вышел и позвонил в соседнюю квартиру, а когда ему открыли, спросил:

– У вас телефон работает? Можно позвонить?

– Да, пожалуйста, – ответила женщина, и он вошёл в её квартиру.

Колун быстро сбежал по лестничному маршу вниз и растаял в городской суете.

«Надо было протереть всё, за что брался руками, но время... проклятое, время подгоняло», – накатывали мысли, пока он шёл среди спешащих по своим делам людей. Идя по улице в никуда, он размышлял над тем, что в квартиру Адама путь закрыт, возвращаться в лес на одну из стоянок Кореня при отсут-

ствии всего необходимого для проживания не хотелось, жить в подвалах с бомжами тоже... но где найти выход из создавшегося положения. Ко всему этому, денег в кармане оставалось лишь на один скромный обед.

На улицах повсеместно пестрели разноцветные торговые палатки, примитивные, наспех сооружённые лотки и киоски, – торговали кто, чем и кто где, даже с тарных ящиков, картонных коробок и газет, разложенных на тротуарах. Глядя на всё это, Колун понимал, что у каждого из таких торговашей гроши в кармане, и сам не зная, как получилось, стал высматривать более крупные торговые точки с небольшим количеством продавцов, а когда осознал свою мысль, то вслух тихо сам себе пробормотал:

– Если рисковать, то по крупному.

Добыть любым способом деньги он решил сегодня же. Подойдя к крупному магазину и осмотревшись, ознакомившись с местностью, а также путями отхода, он сел на скамейку, стоявшую у соседнего дома и, стал ожидать, сам не зная чего.

Тем временем Лапин осматривал место убийства Валентины, а криминалист аккуратно фиксировал и изымал следы отпечатков пальцев рук.

– Олег Николаевич, – обратился Лапин к начальнику уголовного розыска, – просьба к тебе.

– Весь во внимании, Сергей Валерьевич.

– Организуй получение заключения эксперта по обнаруженным отпечаткам пальцев как можно наискорее. Будем знать, кого искать... Но мне кажется, что это дело рук Иванова, который сиганул через окно из этой же квартиры и сбежал.

– Будет сделано. Тогда я своих бойцов оставлю в твоём распоряжении, а сам отбываю.

Лапин продолжал заносить обо всём увиденном в протокол и уже ближе к завершению осмотра вдруг в дверь позвонили. Он жестом руки дал понять сидевшему на стуле в коридоре участковому милиционеру, чтобы тот открыл. В комнату вошла миловидная пышущая здоровьем девушка.

– О! А что случилось? А я к Валентине, – произнесла она и, разволновавшись, закусила пальцы рук, увидев безжизненное её тело.

Лапин пристально посмотрел на неё, и в его голове промелькнуло: «Знакомое лицо. Где я её видел?» Через несколько секунд перед его глазами всплыли фотографии обнаженной девушки с Борисом.

– Извините, я пойду, – заторопилась девушка и шагнула к выходу.

– Нет уж! Прошу вас задержаться, – потребовал Лапин, выйдя к ней в коридор. – Вас ведь зовут Людмилой?! Не так ли?

Она заволновалась, покраснела и, как-то жалобно глядя на Лапина, сбивчиво промолвила:

– Я... Простите... Да так меня зовут... Но мне надо торопиться... Понимаете... Мама болеет. А как вы узнали моё имя?

– От вашей подруги Валентины, – и он указал на труп с торчавшим ножом в груди. – При жизни она рассказывала о вас и о ваших совместных похождениях. Да и Борис тоже... Вы его хорошо знаете.

– Какой ещё Борис? Вы меня с кем-то путаете...

– Да будет вам известно, Людмила, – прервал её Лапин. – Я никогда не говорю бездоказательно. По при-

езду вы ознакомитесь с фотокарточками, на которых изображены в самом неприглядном виде. Так что отрицать не советую, а пока готовьтесь ответить чисто-сердечно на все мои вопросы... И молитесь Бога, чтобы с вами подобного не случилось, – он кивнул на труп Валентины. – Да... хочу вас предостеречь... пока Иванов, он же Колун, по имени Игорь, в бегах, проявить предельную осторожность. Ведь вы наверняка с ним знакомы, а он, как мы убедились, не любит свидетелей оставлять в живых.

Людмила опустила виновато голову и стояла молча. Лапин заметил, как трясутся её ноги, и обратился к участковому:

– Товарищ капитан, не посчитайте за наглость мою... Прошу вас, отведите её к нашему автомобилю, и пусть водитель доставит её в прокуратуру стажёру Михаилу, а я скоро подъеду.

– Есть, – ответил чётко тот.

Взяв Людмилу за локоть, он повёл её, а она не сопротивляясь, без слов последовала рядом, только мысли тревожили: «Неужели Валька раскололась? Если так, то хана мне. А её что... Игорь кокнул? Сволочь. Он всегда был жестоким. Но мне-то как быть?..»

А в это время Колун, сидя возле магазина, вспомнил о ней... и решил навестить Людмилу, и если позволят обстоятельства, то на несколько дней остановиться у неё, но тут молнией пронеслась мысль, что та при встрече говорила о совместном проживании с хозяйкой квартиры, и, конечно же, сразу отказался от этого варианта. Убивать Людмилу Колун не помышлял, да и Валентину тоже, но та сама спровоцировала его на крайние меры. Его внимание вдруг привлекла

зелёная «шестёрка», подкатившая к «чёрному» входу магазина. Из неё вышел парень среднего роста лет двадцати пяти, одетый в кожаную куртку и чёрные брюки. Его остриженная круглая голова напоминала огородную тыкву. Хлопнув дверцей, он вальяжно подошёл к двери и постучал. Спустя несколько секунд она открылась, и к нему вышла женщина в белом колпаке на голове. Парень что-то сказал, та ушла, не закрыв дверь, он остался, ковыряя спичкой в зубах. Через минуту с конвертом в руке вышел седоволосый мужчина, передал конверт парню и стал ожидать, когда тот ознакомится с содержимым. Парень вытащил из конверта денежные купюры, хотел было посчитать, но что-то сказав мужчине, сунул их обратно в конверт и ушёл к автомобилю. Мужчина несколько секунд зло смотрел ему вслед, а потом сердито с грохотом закрыл дверь.

У Колуна ёкнуло что-то в груди, он поднялся и кинулся к автомобилю. Парень в это время сел за руль, но запустить двигатель не успел. К дверце подошёл Колун, резко открыл её и к виску парня приставил ствол пистолета.

– Положи ключ на панель, – потребовал он.

Парень вздрогнул, глаза забегали, из чего можно было понять, что он торопясь размышлял – что делать.

– Ну-у! – крикнул Колун и пальцем снял пистолет с предохранителя.

Парень молча исполнил его требование, потом повернул голову и посмотрел на налётчика:

– Ты кто такой? И вообще... знаешь куда вляпался? Тебя Палёный по стенке размажет.

– Передай Палёному пламенный привет от Кореня и его братвы. Конверт тоже положи рядом с ключом,

а из карманов всё вынь и выложи на сиденье, что рядом. Если хочешь жить... поторопись. Даю полминуты.

Парень исполнил быстро. Среди вынутых личных вещей были водительские документы, свинчатка и большой складной нож.

– Не по понятиям поступаешь...

– Выходи, – прервал его Колун, перебив и не дослушав, что хотел сказать парень.

Тот вышел и, посмотрев в глаза Колуна, с волнением в голосе заявил:

– Зря ты это сделал. Будет война. Не простит Палёный. Ты вторгся на его территорию.

– А ты дань собираешь?

– Плату за услуги.

– Сделай три шага назад.

Парень попятился и остановился, а Колун сел за руль машины. Запустив двигатель, посмотрел на парня и более мягким голосом сказал, медленно начиная движение:

– Не тужи. Добудешь ещё, а мне безвыходно... Так в жизни получилось.

– Хоть документы отдай...

– В «бардачке» оставлю. Насчёт авто не волнуйся. Через три квартала во дворе одного из домов оставлю прямо сейчас... и всё остальное тоже, кроме конверта и того, что в нём... Покедова.

Колун рванул вперёд и быстро скрылся, влившись в общий поток автотранспорта. Действительно, проехав три квартала, он свернул вовнутрь его, оставил там автомобиль, сделал так, как обещал парню. Быстрым шагом вышел на соседнюю улицу, сел в троллей-

бус и уехал. Через три остановки он вышел, остановил такси, а спустя двадцать минут, преодолевая «пробки», оказался в районе станции метро «Речной вокзал». Там, войдя в кафе, сел за столик, посчитал деньги, вынутые из конверта. Их оказалось больше, чем думал, мысленно прикинул, на сколько их хватит, и обрадовано вздохнул. Заказав еду и сто пятьдесят грамм водки, он решил в дальнейшем действовать таким же образом, зная, что в подобных случаях с заявлениями в милицию никто не обратится. Почувствовав успокоение, Колун, обратил взгляд на официантку. «А что? Ничего бабёнка. Только бы одна жила», – прикинул он и, уловив её взгляд, подозвал жестом руки.

XXIV. В отчем доме Бориса

Поездка в родные края Бориса для Даши оказалась более чем замечательной. Родители его: мама – Анна Ивановна, спокойная и добродушная женщина сорока пяти лет и отец – Фёдор Лукич, сорока восьмилетний, но уже полностью седой – участник Афганской войны, обладающие такими же качествами, как и её родители, приняли девушку в свою семью как дочь. Ни одной секунды она не почувствовала себя чужой, было такое ощущение, что всегда жила с этими добрыми и отзывчивыми людьми, росла, бегала по широким песчаным улицам села, резвилась с ребятами, училась вместе с Борисом в школе, а встречающихся на улицах приветливых сельчан она знает давно.

В семье Каневских Даша ощущала душевную теплоту и взаимопонимание, девушка ежедневно находилась больше времени рядом с матерью Бориса, чем с ним. Анна Ивановна на кухне, и она помогает, делает то же самое. Та идёт в огород... и Даша с ней. На уговоры остаться в доме, отдохнуть, пойти на берег могучего Днепра – не реагировала и категорически отказывалась. Под конец Анна Ивановна так привыкла к Даше, в ней она видела близкого и родного сердцу человека, даже мысль о расставании трогала за живое. А Фёдор Лукич, замечавший всё положительное в своей будущей невестке, довольный и счастливый

покашливал, подмигивая сыну, мол, выбор что надо. За неделю до и отъезда, он предложил:

– А может здесь зарегистрируете брак да сыграем свадьбу? А, ребятки?

– С удовольствием, – ответил Борис, – но мы подали заявление в Москве, и там уже назначена дата регистрации... ну и свадьбы тоже. Так что к нам приедете, лично познакомитесь с родителями Даши, Москву посмотрите, отдохнёте малость от сельских забот.

– Если пригласите, то непременно, – сказал отец, с улыбкой покручивая седые усы.

Борис поднялся, открыл свой чемодан и достал заранее приготовленное приглашение.

– Вот, пожалуйста, – протянул отцу.

С цветного добротного оформленного приглашения счастливо, в ореоле сердца сияли в улыбке Борис и Даша.

Фёдор Лукич внимательно посмотрел и прочитал приглашение, довольный крякнул и, передавая супруге, промолвил:

– Приедем непременно, если ничто не предвиденное не помешает, но у меня будет одно условие.

– И какое же? – спросил сын и настороженно глянул на Дашу.

– При первой вашей возможности... к примеру, следующий отпуск... Вы заранее сообщаете нам о приезде и приезжаете с родителями Даши. Свадьбу сыграем и здесь... Родственников, соседей, крёстную и крёстного пригласить надо... чтобы обиды не было. Как? Принимается?

Борис и Даша переглянулись, а потом в один голос ответили:

– Согласны.

Уезжая, Даша тепло простилась со всем семейством Каневских, обняла по-родственному Анну Ивановну и Фёдора Лукича, прижала к своей груди пятиклассницу Дину, с которой беспредельно подружилась и, почувствовав такое же ответное их отношение, счастливая в сопровождении Бориса села в поезд. Под влиянием ощутимой теплоты и ласки Анна Ивановна, Дина и Даша даже прослезились.

Весь путь они вспоминали прожитое в селе время, и шестнадцать часов пролетели незаметно.

По приезду в Москву Даша назвала таксисту незнакомый адрес, что у Бориса вызвало удивление, а когда приехали к высотке и вышли с чемоданами, Даша пояснила:

– С этого дня ты, Боречка, в своём общежитии больше жить не будешь. В этом доме живёт моя бабушка. До свадьбы ты будешь жить у неё, а потом мы будем жить у моих родителей. Бабушка сама предложила свою квартиру, в которой места хватит. Надеюсь, у тебя вопросов нет. Бери чемодан и пошли.

Прасковья Нестеровна встретила их тепло и радостно. Сразу же повела Бориса в заранее подготовленную для него просторную комнату с окном в сторону благоухающего сквера, напоила чаем, а после растроганный теплотой и лаской Борис проводил Дашу домой, пообщался с её родителями, побеседовал с Петром Степановичем о том происшествии, что случилось при поездке, и вернулся в новое жилище.

Утром он прибыл в прокуратуру к Лапину, где сразу же встретил радушное приветствие. В судьбе Бориса он играл не основную, но всё-таки существенную

роль, – смог преподнести руководству прокуратуры особо значимые его профессиональные качества, и хотя практически после окончания первого курса юридического вуза на работу в прокуратуру не брали, в нём как очень ценном сотруднике заинтересовались.

После расспросов о поездке и отдыхе Лапин, словно близкий и родной, переживая за судьбу и хлопоча о трудоустройстве Каневского, отвёз его в институт, способствовал быстрейшему получению нужных документов и доставил в управление кадров горпрокуратуры. Там Борис заполнил все выданные ему бланки, сдал свои фотографии и письма вуза и получил заверение, что в самое ближайшее время после издания соответствующего приказа он будет приглашён для получения удостоверения личности и направления на работу в одну из межрайонных прокуратур. Услышав это, Лапин возмутился:

– Как это в одну из межрайонных? В нашу и ни в какую другую. Наш подбор... старание... и к тому же Каневский уже целый год у меня в общественных помощниках... Вера Михайловна... только в нашу.

Начальник управления Зайцева, глянув на скривившееся набравшее умоляющий вид его лицо, добродушно засмеялась и убедительно ответила:

– Ладно. Так уж и быть, попробую убедить руководство... и направлю. У вас вакантная должность следователя одна, а в других прокуратурах от двух до четырёх... и может встать вопрос.

– Вера Михайловна, я согласен только к Лапину и ни в какую другую, – тут же подключился Каневский.

– Да успокойтесь вы... Я же сказала, что постараюсь сделать всё возможное, – утешила Зайцева обоих.

Уехали они из прокуратуры города с чувством тревожного ожидания. Их беспокоило то, что руководители, рассматривая вопрос назначения, пойдут по пути наибольшей необходимости комплектации кадров и всё же направят Бориса в другую прокуратуру района. Но их беспокойство оказалось напрасным. По истечении недельного срока, который был необходим для проверки Каневского по спецучётам, подготовкой необходимых документов, был издан приказ о назначении его на должность следователя, но для испытательного срока он поступал к Лапину, как стажёр.

Вызванный в управление кадров Каневский ознакомился с приказом, побывал на беседе у заместителя горпрокурора, курирующего кадры Чернова, получил удостоверение личности и отбыл для прохождения службы. Борис понимал, что с этого дня его личность под пристальным наблюдением не только со стороны руководства, но и работников управления кадров, что только на вид Зайцева добрая и отзывчивая, а на самом деле дотошная в работе и крайне заботящаяся прохождением процесса воспитания молодых кадров, не отведёт от него глаз не только в испытательный период, но и после, пока он не отойдёт от определения молодого специалиста.

По пути к межрайонной прокуратуре Борис заметил, что шнурок на его ботинке, развязавшись, тянется по тротуару, и присел на первую попавшуюся скамейку. Устранив недостаток, он уже хотел было продолжить путь, как вдруг рядом послышался грубый голос:

– Закурить не найдётся?

Он повернул голову и увидел присевшего на край скамейки усатого мужчину в очках, пристально глядевшего ему в лицо.

– Простите, не курю, – и Борис поднялся, чтобы уйти.

– Жаль. Но что ж... На нет и суда нет. А время не подкажете, – не отставал незнакомец.

Борису голос показался очень знакомым. Глянув на свои наручные часы, ответил:

– Без десяти минут двенадцать.

– И за это спасибо, – сказал незнакомец, поднялся и ушёл вглубь квартала.

Продолжив путь, Каневский не мог отвязаться от мысли и ломал голову, где он слышал этот грубый голос... тут его вдруг осенило: «При моём заточении в кладовке ремонтируемого дома... Это один из них». Но поразмыслив, пришёл к выводу, что голос может быть похожим, а внешность у незнакомца совсем иная, если сравнивать с тем, кого с места укрытия видел рядом идущего с Валентиной после расстрела Ворона и Сыча.

Но Борис не ошибся. Это был действительно тот. Колун узнал его и специально затеял разговор, решив ещё раз испытать свою загримированную внешность. У него даже родилась мысль убить Бориса, но не нашла в его голове своего развития, а, уходя, он подумал: «Ладно уж... живи. Достаточно я тебя помучил».

Борис же несколько раз возвращался к своей нерасшифрованной догадке и ругал себя за то, что детально не разглядел незнакомца.

XXV. Смерть Кореня

Корень, помня, что авторитетные города устроили за ним охоту, знал, что им ничего не стоит достать его и за решёткой, первые три дня, будучи вдоворённым в общую камеру, где содержались восемь человек, не спал вовсе. Он в каждом арестанте видел исполнителя воли авторитетов по его устранению. На четвёртый день, когда конвой привёл на допрос к Лапину, он слёзно стал умолять перевести его в одиночную камеру, соглашаясь находиться даже в карцере.

– Размещение по камерам относится к компетенции руководства следственного изолятора. К моим же... качественное, объективное и полное расследование дела, – заявил следователь.

– Ну, вы же можете своё слово сказать начальнику СИЗО, – не отставал Корень, умоляюще глядя на Лапина.

– У меня к вам будут два вопроса, на которые вы, конечно, ответите одним коротким словом... Скажите... были ли попытки в этой камере покушения на вашу жизнь? И второй... обращались ли по этому вопросу к руководству СИЗО?

Помолчав несколько секунд, раздумывая, что ответить, Корень произнёс:

– Нет.

– Тогда зачем вы поднимаете этот вопрос? Или обжёгшись горячим, дуете на холодное? Вы не обращались с этой просьбой к руководству СИЗО, а я тогда безосновательно стану инициировать? Так что... делайте первые шаги сами, а потом посмотрим.

– Хорошо, я сегодня же это сделаю, – было сильно заметно, как Корень надулся.

– Леонид Степанович, как вас называть? Так, как я назвал сейчас, или Никон Фролович, как отражено в единственном документе, подтверждающем вашу личность, паспорте?

– Как вам будет угодно... Никон Фролович... это будет правильно.

– Ваш ответ я занёс в протокол, сейчас вы под ним учините роспись, – сказал следователь, развернув к нему протокол допроса.

Тот прочитал и размашисто подписал ответ, не понимая, к чему следователь клонит.

– Фотокарточка в паспорте, Никон Фролович, ваша?

– Естественно. Моя. Вон, какой красавец смотрит на вас... гражданин следователь.

Решив вопрос с подписью после ответа... и так он будет поступать постоянно, следователь продолжил:

– Паспорт по требованию работников милиции в гостиницах и других житейских случаях предъявляли? Возникали ли какие-либо вопросы претензионного характера?

– Было дело... и частенько... но всё было в ажуре.

– Ваша роспись.

Подписавшись, Корень вернул протокол, а потом, подумав, спросил:

– Не пойму, почему такое пристальное внимание уделено моему паспорту. Не объясните?

– Отчего же... объясню. Дело в том, Корнеев... Леонид Степанович, за использование поддельного паспорта на имя Гурова Никона Фроловича вам будет предъявлена дополнительная статья уголовного кодекса... в совокупности с другими статьями. Подделавший вам этот паспорт мною установлен, но, к сожалению, при вашем непосредственном вмешательстве его нет в живых, зато есть не уничтоженные подготовительные материалы с вашим личным заполнением всех реквизитов... Придётся вам ответить не только за убийство инспектора паспортного стола и использование поддельного документа, но и за соучастие в его изготовлении... то есть подделке.

– Я больше не буду давать никаких показаний, – заявил Корень и добавил. – И от адвоката отказываюсь.

Лапин откинулся на спинку стула, посмотрел на него:

– Леонид Степанович, вы чего так рассердились из-за пустячных статей уголовного кодекса. Сегодня после обеденного перерыва я вам предъявлю обвинение в полном объёме... организация и руководство преступной группировки, убийство работников ГАИ, водителей фур, инкассаторов, двух работников милиции и так далее. Перечень совершённых преступлений очень большой. Всё это... под вашим руководством. Со своей стороны я стараюсь в своих действиях, основанных исключительно на законе, быть объективным. Конечно, я буду выявлять и расследовать все эпизоды преступной деятельности вашей группы... Это я так, будем считать, ласково называю её, а фактически – банды... и все её действия банди-

тизм. Но я не допускаю в обвинении всех вас ничего лишнего, надуманного... стараюсь фиксировать факты не только обвинительные, но и положительные...

– А какие у нас положительные? – оборвал следователя Корень. – Разве только то, что не успели грохнуть лично вас. А ваша фамилия ведь была на слуху... и кое-кто даже предлагал. Но я отклонил.

Лапин молча смотрел на него с минуту, а сам думал: «Не человек, а зверь. Бессознательное и бесчувственное существо... сомневаюсь, что его родила женщина. Наверное, мутант из необъятного космического пространства», – а вслух произнёс:

– Что же... спасибо и за это. У меня ещё есть один вопрос... без протокола. Действия ваших бойцов в отношении студента Каневского вам известны?

– Это кто ещё? – удивлённо спросил Корень.

– Тот, который задержал вас лично и ваших пятёрых бойцов.

– Нет. Я его не знаю и думал, он мент... А он что... студент? Позор. Какой стыд. О нём никогда речь не шла, эта фамилия мне неизвестна.

– Но ведь Ворон, Колун и Сыч ваши же бойцы? Они похитили Каневского... держали его длительное время в одном из зданий.

– Это предатели. Они сбежали от меня, и чем занимались, мне неизвестно. Я их сам хотел наказать за убийство инкассаторов и прочее... Не буду распространяться. Я вам уже сказал, что никаких показаний давать больше не буду... При рассмотрении дела в суде скажу обо всём...

– Не забывайте, Леонид Степанович, что, как на следствии, так и в судебном заседании дают и будут

давать признательные показания ваши бойцы: Фома, Сухой, Щука, Кнут и Бурый. С ними вы будете находиться и на очных ставках. Может, стоит изменить свою тактику и не дразнить суд?

Корень был умственно ограничен в своих взглядах и суждениях по поводу раскаяния в совершенных деяниях, результаты которых его не интересовали. Он твёрдо знал одно: не признаваться и никакие следственные документы не подписывать, особенно те, которые касаются совершённых тяжких преступлений. Всегда, каждый раз привлекаясь к уголовной ответственности, вынашивал несбыточную надежду на авось. Но суды выносили законные приговоры, и Корень отправлялся отбывать назначенную меру наказания. И сейчас его тактика задуманного заключалась в том, что свою главную вину переложит на Ворона, а остальное на других членов группировки, которые действовали самостоятельно, а к нему относились враждебно, поэтому и стараются обвинить его во всех грехах.

– А я и не забываю. Во-первых, они не мои бойцы, а единомышленники... Поначалу, а потом возненавидели меня, даже хотели кокнуть, но почему-то на мокруху не пошли. Всё, что они говорят и будут говорить... бред рябой кобылы... Умышленно хотят переложить всю вину на меня.

– Вы же сами себе противоречите. Только что признали, что Ворон, Колун и Сыч ваши бойцы и ушли от вас... сбежали, а теперь отрицаете своё руководство группой. Но есть ещё Сеит и Махмуд, которые утверждают, что связь держали только с вами, как с руководителем группы. Стоит ли в пузырь лезть?

– Всё. Болит голова. Отправьте меня в камеру. Не хочу больше ни о чём говорить, – заявил Корень и заёрзал на стуле.

– Ну что ж... В камеру, так в камеру, – сказал Лапин и нажал на кнопку вызова конвоя, а сам мысленно продолжил: «Дел заплечных мастер».

Вернувшись в камеру, Корень сразу же написал заявление на имя начальника СИЗО о содержании его в одиночной камере. Этому, кроме его предыдущего настроения, способствовало резкое изменение отношения сокамерников. Он не знал, что во время его отсутствия в камеру поступила записка, в которой сообщалось о его беспределах и решении сводника. На самом деле это был своего рода приговор, который два содержащихся заключённых должны были исполнить.

– Ну как... всё следаку выложил... коронованный узурпатор? – спросил один из заключённых.

Корень ничего не ответил и стал стучать в дверцу кормушки. Через минуту она распахнулась, и в проёме показалось широкое лицо надзирателя.

– Ну, чего надо?

– Вот заявление начальнику... И на приём к нему прошусь... срочно, – тихо промолвил Корень, но в камере его слышали.

Надзиратель взял заявление и с грохотом захлопнул кормушку. Корень не успел дойти до своей койки, как всё тот же заключённый грубо остановил его.

– Заверни-ка к нам, бывший авторитет, да озвуч, что ты там в этой маляве²⁹ начеркал?!

²⁹ Записка – (лагерн. жаргон)

– Не твоё дело, – буркнул Корень и сел на свою койку.

Заключённый поднялся и направился к нему. Было видно, что он настроен решительно.

– Слышь, Белый, оставь его. Потом поговорим... – сказал ему другой.

Но тот не послушал, а подойдя к Кореню, схватил его за глотку и сжал так, что глаза из орбит стали выходить. В это время загремел засов дверей, и она открылась. Белый отпустил Кореня, он закашлялся.

– Корнеев! На выход! – объявил надзиратель.

Пока надзиратель сопровождал Кореня, тот всё время кашлял, да так, что из глаз слёзы выступили. Войдя в кабинет, в который его завели, он увидел сидящего за рабочим столом с великолепным канцприбором широкоплечего полковника. Тот поверх очков глянул на вошедшего и остановившегося возле входной двери, выслушал доклад, содержащий информацию, кто он и по какой статье содержится в СИЗО, спросил его:

– Причина вашего обращения о заявленном?

Корень докладывал хриплым от сдавливания голосом и таким же голосом ответил:

– Меня хотят ликвидировать.

– Кто именно?

– Приказ с воли, а исполнитель Белый и его сообщники.

– Сколько вы содержитесь в этой камере?

– Четвёртые сутки заканчиваются.

– И ничего не случилось. Как вас понимать?

– Как это ничего?.. Только сейчас Белый душил меня... спасибо надзиратель подоспел и вызвал к вам.

– Кто такой Белый? Фамилия его?

– Я не знаю. Все зовут его Белым.

– У вас всё?

– Всё, начальник. Ну-у... вы меня переведёте?

Тот ничего не ответил, но, вызвав того же надзирателя, распорядился:

– Этого в одиночку, а Белого... Знаете такого... из этой же камеры?

– Так точно, товарищ полковник, – ответил надзиратель и вытянул шею, наклонив голову в сторону полковника, давая понять, что готов выполнить любой приказ.

– В карцер на трое суток, – сказал начальник и махнул рукой, означающий, что тот может увести арестованного.

Надзиратель привёл его к той же камере и повелительно потребовал стать лицом к стене, а сам открыл дверь и сразу же велел Кореню:

– Возьмите свои вещи и постель, а я за ваши вернусь.

Когда тот вошёл в камеру, надзиратель приказал, глядя на Белого:

– А ты на выход.

– А меня куда, начальник? – спросил тот.

– В карцер, – резко ответил надзиратель. – Шевелись.

Белый зло посмотрел на Кореня, перемигнулся с сокамерниками и, выходя, сквозь зубы процедил:

– Пожалеешь, коронованный.

Когда дверь захлопнулась, и прогремели запоры, почти вся камера собралась вокруг Кореня. Тот, видя, что пахнет жареным, взвизгнул:

– Я вор в законе. Вы не смеее...

– Ты уже не вор в законе. Развенчали тебя. Статуса авторитета нет теперь у тебя, – оборвал его один из заключённых. – Ты сдал³⁰ Белого, и за это мы тебя накажем...

Но в этот момент вновь загремели запоры, и заключённые в один миг заняли свои места. Надзиратель забрал Кореня и увёл его в одиночную камеру.

Как только вопрос с переводом у Кореня разрешился, вновь пришёл надзиратель и доставил его на допрос к Лапину. Ознакомившись с постановлением о предъявлении ему обвинения, Корень в присутствии приглашённого следователем адвоката, отказался давать показания, от участия адвоката и вину свою в совершённых преступлениях не признал. После предъявления обвинения следователь произвёл очные ставки Кореня со всеми находящимися под арестом его соучастниками, а точнее, слепыми исполнителями его воли. Кроме этого он же попросил стажёра Мину Машетова, который последний день находился в этой должности и назначался на должность следователя, но уже другой прокуратуры, привезти Сеита и Махмуда. С ними Лапин тоже произвёл Кореню очные ставки. На всех допросах тот отрицал свою вину и винил противоположную сторону, но всё это у него не получалось. Его полностью уличили по всем предъявленным статьям. Лапин, как чувствовал, что что-то непредвиденное должно случиться, и торопился задокументировать всё, что касалось Кореня. Наутро Кореня нашли в камере повешенным. Сам ли он или кто помог, – осталось в неизвестности, но изорванные брюки на ленты и сплетённая из них верёвка подтверждали суицид.

³⁰ Донёс администрации – (лагерн. жаргон)

XXVI. Штурм Белого дома

11 сентября в субботу свадебное торжество Бориса и Даши проходило по настоятельной просьбе обоих скромно и в небольшом кафе. На нём присутствовали родители Бориса, родные и близкие Даши, три её сокурсницы и Лапин с Мишей Машетовым. Перед вылетом в отпуск пришёл и прокурор Валерий Николаевич, поднял бокал за молодых, сказал приятный тост, подарил картину с изображением цветущей весны, громко закричал «Горько!» и, распрощавшись, убыл в аэропорт.

Когда, в самые торжественные минуты, говорили тосты Лапин, Машетов и отец Даши, у родителей Бориса грудь распирало от гордости за сына, а мать, услышав, что ему пришлось испытать, прослезилась. Тамада же – непревзойдённый мастер поднимать настроение – целенаправленно с необыкновенной энергией проводил свадебное мероприятие, которое заканчивалось на высоком уровне.

Под конец отец Даши снова взял слово и напутственно промолвил:

– У нас с Ниной есть дочь Даша и сын Максим, а теперь и третий есть... Борис. До сегодняшнего дня, сынок, – он обратился к Борису, – ты был парнем, а теперь стал мужчиной, связанным нерасторжимыми узами брака... этого величайшего таинства, которое

никто не волен разрушить... и ответственным не только за себя лично, но и за святой храм своей семьи. Наша работа, сынок, требует предельной чистоты рук, безграничного чутья, человечности, безукоризненного соблюдения существующих законов государства и безбоязненной осторожности. Пусть же хранит тебя Бог во всех твоих действиях и даже во сне. Будьте же вы... дети мои... безмерно счастливы и как можно скорее подарите нам с Ниной нестерпимо ожидаемых внучат.

От таких слов Фёдор Лукич не удержался, вскочил с места и по-мужски расцеловал свата и сваху. Свадебное торжество закончилось в десять часов ночи, и все разъехались по своим домам. Борис и Даша ночевали в квартире бабушки, а утром, поблагодарив её, переехали в родительскую и разместились в комнате Даши.

Полученные от руководства прокуратуры три послесвадебных дня они провели в нахлынувшем счастье и обилии ласковых моментов, в ходе которых поняли, что быть счастливыми тоже надо уметь. Бог же наградил этим умением каждого, только использовать его должен каждый человек сам, потому как творцом своего счастья является только он.

На четвёртый день, проводив родителей Бориса, Даша ушла в институт, а Борис полностью окунулся в свою служебную деятельность.

По улицам Москвы гулял революционный ветер. Конфликт между властью Бориса Ельцина и Верховным Советом России с каждым днём усиливался. С целью подлить в огонь керосина 21 сентября 1993 года, во вторник, Ельцин подписал указ № 1400 «О поэтап-

ной конституционной реформе в Российской Федерации», который вёл к ликвидации функций законодательной власти. В связи с этим через два дня в здании Верховного Совета открылся 10-й чрезвычайный Съезд народных депутатов, который констатировал действия Ельцина как попытку государственного переворота. В ответ на это решение в Верховном Совете были полностью отключены телефонная связь, электроснабжение и водоснабжение. Само здание по приказу президента оцепили Вооружённые внутренние войска и милиция.

Следующими действиями Ельцина было издание указа о введении в Москве чрезвычайного положения, после чего город наводнили войска и боевая техника.

В городе значительно усилилось число преступных посягательств. Процветали грабежи, разбои и бандитизм. Начались кровавые разборки среди преступных группировок.

Прокурор города Пономарёв Г.С. срочно собрал у себя всех межрайонных прокуроров и их заместителей.

– Товарищи! Всё, что сегодня происходит в нашем городе, для нас не может быть безучастным. В это тревожное время работники прокуратуры не должны принимать участия в митингах, шествиях и прочих общенародных возмущающихся действиях. Наша задача твёрдо находиться на своих местах и исполнять свои обязанности, зорко следить за исполнением законов, пресекать любые нарушения, допущенные кем бы то ни было, и неумолимо проводить борьбу с поднявшей голову преступностью... Вести разъяснительную работу среди населения об отказе от силовых дей-

ствий. Одним словом, постоянно быть начеку, установив в прокуратурах суточные дежурства для своевременного выезда на места происшествий. Политика не для нас, – сказал Геннадий Семёнович.

Совещание длилось более часа, и всё сводилось к сказанному прокурором города, а после все разъехались по своим районам для проведения аналогичной работы.

Демонстрации в городе продолжались ежедневно. Милиция забыла о преступности и суточно пыталась обеспечить спокойствие в городе, которое было крайне шаткое. Возмущённые участники демонстраций нередко вступали в прямой конфликт с милицией и солдатами внутренних войск, который с трудом удавалось пресечь.

Первыми на суточное дежурство заступили Лапин и Каневский. Пришлось выезжать на место обнаружения трупа неизвестного мужчины со смертельным огнестрельным ранением. Обстановка свидетельствовала, что он был застрелен где-то, а на территорию района привезён. Расследование дела затрудняла сама сложившаяся в городе ситуация. Многие милицейские работники, пользуясь творимой вакханалией, частенько грубили работникам прокуратуры, уклонялись от исполнения их законных требований, проявляли прямое неподчинение. Помощники районного прокурора систематически, выполняя указание прокурора города, проверяли изоляторы временного содержания (ИВС) при каждом районном отделе внутренних дел (РОВД) и освобождали своим постановлением безосновательно задержанных граждан, доставленных с улиц без всякого предусмотренного законом документирования.

Закончился сентябрь, а на улицах не утихало, наоборот, пламя разгоралось, а провокаторы всячески пытались разжечь его ещё больше.

3 октября в городе начались массовые беспорядки. Демонстранты штурмовали мэрию, телецентр «Останкино» и гостиницу «Мир», где находился штаб ГУВД.

Рано утром 4 октября в понедельник войсками начался штурм здания Верховного Совета, в котором находились вице-президент России А.Руцкой, председатель Верховного Совета Р.Хасбулатов и их единомышленники. Танковые пушки вели прицельный огонь по окнам здания. Депутаты и все находящиеся в здании вооружённого противостояния не предпринимали. В здании начался пожар. К вечеру всё было закончено. Руцкой, Хасбулатов и все остальные тут же были арестованы. В результате столкновений около 200 человек погибли и около тысячи получили ранения различной степени тяжести. Районные работники прокуратуры только успевали выезжать на места происшествий. На помощь им прибыли силы следователей городской и республиканской прокуратур. Несмотря на то, что массовые беспорядки прекратились, отдельные выстрелы всё ещё продолжались более двух недель в разных районах города.

Борис, Лапин и другие следователи, помощники прокурора, заместители и сам прокурор, дневавшие и ночевавшие в прокуратуре весь период конфликта, получили возможность поочерёдно отдохнуть в домашних условиях и привести себя в надлежащий вид. После истечения двухсуточного отдыха Борис вышел на работу. Москва замерла, притихла, насторожившись. Но высшие силовые службы продолжали

разбор всего происшедшего в городе, а сотни горожан оплакивали погибших своих родных и близких... цену их скорби не мог определить никто. Несмотря на это, городская жизнь возобновилась, уборщики выметали горы мусора, битые стекла, куски кирпича и булыжника, ремонтники приступили к устранению повреждений зданий и всего остального, работники милиции к обеспечению охраны общественного порядка, а прокурорские службы к восстановлению нарушенной законности и расследованию совершённых тяжких преступлений. Следственная группа Лапина продолжала расследовать огромное, многотомное уголовное дело банды Кореня.

Каневский получил поручение Лапина относительно ознакомления Сухого и всех остальных с результатами поступивших заключений экспертиз и на прокурорском автомобиле под управлением веснушчатого водителя Сергея Кочина выехал в следственный изолятор. Проехав по улице два квартала, Борис увидел, как работник милиции жестоко избивает мужчину средних лет.

– Останови, Серёжа, – попросил Каневский, и когда машина, закрипев тормозными колодками, встала, выскочил из салона, подбежав к старшему лейтенанту, оттолкнул его и потребовал: – Прекратите немедленно.

Офицер, у которого от злости через губу лились слюни, а лицо от напряжения было кумачовым, выпучив на Бориса яростные глаза, сквозь зубы произнёс:

– Ты кто?

– Следователь прокуратуры Каневский, – представился он и сразу спросил: – Ваша фамилия, должность и место службы?

– Шёл бы ты своей дорогой... Каневский, а я здесь сам как-нибудь разберусь, – грубо ответил старший лейтенант, посчитав его вмешательство неуместным.

Такая грубость и недоброжелательство больно задела Каневского, и он решил довести начатое до конца. Переведя взгляд на пострадавшего, он спросил:

– Ваша фамилия, гражданин?

– Яков Саенко, – ответил тот, вытирая рукавом окровавленное лицо.

– Что произошло между вами? Вы оказали сопротивление?

– Нет. Я работаю у него, – и он кивнул на милицейского работника.

– Как это понять? Вы тоже работник милиции? Толком поясните.

– Это его палатки и товары в них. Я с женой торгую ими... Живот заболел, и я отлучился на пять минут, а за это время пацаны спёрли три футболки. Вон он и...

– А как это его палатки? – прервал его Борис.

– Ну... жена его из-за бугра таскает товары, а он обеспечивает охрану торговли...

– Заткнись! – заорал на него старший лейтенант. – Не то снова по зубам получишь.

В это время подошла женщина с синяком под глазом и взялась двумя руками за локоть Саенко.

– Жена моя... Соня, – представил он Борису.

– Помогите нам, очень вас прошу, – Соня со слезами на глазах умоляюще просила Каневского. – Нам от него ничего не надо, даже зарплата наша пусть у него остаётся, а мы уедем. Не отпускает нас... сторожит как преступников, за каждую провинность бьёт

то меня, то мужа, а на ночь закрывает под замок... по утрам ведёт на работу как арестантов. Третий месяц зарплату не получаем.

Повернув голову к старшему лейтенанту, Каневский смерил его пристальным взглядом:

– Вы что творите? Фамилия ваша?

– Отойдём... Поговорим, – уже спокойнее сказал он и посмотрел на собирающихся вокруг людей.

– Ответьте на мой вопрос, – потребовал Каневский.

– Участковый я... старший лейтенант Осипов. Отойдём... ну на минутку, – настаивал он.

Душевная бесчувственность, злоупотребление властью, жестокость и хамство по отношению к людям взвинтили Каневского до предела, и он решил наказать участкового, а супругов защитить.

– Предъявите, Осипов, своё служебное удостоверение. Я хочу убедиться в правдоподобности сказанного вами, – потребовал он.

Тот, видя, что следователь не поддаётся уговорам и не желает уединиться с ним, сделав высокомерный и величественный вид, сузил глаза и, загадочно бросив на него взгляд, отпарировал:

– Сам сначала предъяви.

Каневский вынул из нагрудного кармана своё удостоверение, предъявил участковому.

– Прошу ваше, – вновь потребовал он.

– А я его дома забыл, – с торжеством в голосе заявил участковый.

Собравшаяся толпа продавцов палаток возмущённо загудела.

– Он и у нас у всех дань требует, – выкрикнул один из них.

– Ладно. Не нужно мне ваше удостоверение. Я пойду по другому пути, – и, обращаясь к собравшимся, промолвил: – Товарищи, это незаконные надо пресечь. Я вас прошу... кто может что-то сказать о незаконных действиях этого офицера милиции, черкните свои координаты и передайте мне, а я более подробнее побеседую вот с ними, – и он кивнул на супругов Саенко, а потом повернулся к автомобилю и жестом руки подозвал водителя: – Серёжа, вернись в прокуратуру, привези сюда Лапина и Машетова... и пусть вызовут сюда территориального начальника милиции.

Тот кивнул головой и уехал. Лицо участкового стало мрачным, и он, отойдя, стал ходить туда-сюда, кусая ногти, видно было, напряжённо размышлял, понимая, что вокруг него создалась крайне нехорошая обстановка. Через некоторое время он попытался ещё раз подойти к Каневскому, разжалобить его своим тяжёлым финансовым положением, но, видя, что всё напрасно, прислонился к дереву и так стоял.

Спустя пятнадцать минут почти одновременно с разницей в полминуты приехали Лапин, Машетов и начальник отдела милиции полковник Бурневский. Выслушав доклад Каневского, пояснения супругов Саенко и нескольких продавцов палаток, полковник спросил Лапина:

– Сергей Валерьевич, ваше намерение в части участкового? Кстати, он не Осипов, как представился Каневскому, а Павлов.

– Я его забираю с собой. Сегодня же будет возбуждено уголовное дело, и его судьбу решит прокурор... Думаю, что будет под стражей.

Бурневский подошёл к участковому и резким движением руки оборвал оба погона.

– Они тебе больше не понадобятся, ты их опозорил... и не только их, но и весь наш отдел... Удостоверение! – сказал он в повышенном тоне и протянул руку в ожидании.

Павлов дрожащей рукой достал из кармана удостоверение личности и отдал его начальнику, после чего он был доставлен в ИВС.

– Ты, Борис, езжай куда собрался, а мы с Мишей задокументируем всё случившееся и палатки с товаром, в том числе, а потом вернёмся в прокуратуру.

Когда же по прибытию в СИЗО Каневский знакомил под роспись каждого арестованного по делу банды Кореня, то все они при разговоре о трагической судьбе их лидера загадочно опускали глаза, а у некоторых на лице виднелась зарождающаяся довольная улыбка. Фома же, не скрывая своей радости, открыто заявил:

– Бешеный зверь заслуживает, чтобы его пристрелили. Можете мне вменить в мою вину... Я, будучи рядом с ним, помышлял убить его. Находясь у него за спиной, мне неудержимо хотелось выстрелить ему в затылок.

– А сейчас что вам хочется? – спросил Каневский, вкладывая в портфель подписанные протоколы.

– Мне? Хочется, чтобы скорее состоялся суд... чтобы назначенный срок наказания прошёл незаметно и быстро... Я вернусь домой, стану перед мамой своей на колени и буду просить прощения, обойду всех людей, которых я обидел, посету храм Божий и, стоя на коленях, стану просить прощения. К прошлой

жизни никогда не вернусь... Клянусь вам... умру, а не вернусь. Когда меня следователь вывозил на места совершённых нами преступлений... я видел глаза людей, собравшихся вокруг... В них была нескрываемая ненависть ко мне, как соучастнику банды. Да, да... банды. У нас была организация с руководителем и исполнителями, было огнестрельное автоматическое оружие, боеприпасы... гранаты... Действовали мы планово... И всё деньги, деньги, деньги, добытые стрельбой и за счёт крови невинных людей. Мы все заслуживаем высшей меры наказания, но нам повезло, что в нашем государстве не расстреливают...

– Так могут определить пожизненное заключение в одиночке, – оборвал его Каневский.

– Я к этому тоже готов. Пожизненное вместо смертельной казни тоже милость Божия через руки государства. В последнем слове... в суде... я буду просить наказать меня как можно строже... Я из-за этого вонючего бабла столько людей обидел, а некоторых и лишил жизни.

Откровение Фомы вызвало в душе Каневского уважение, и он в какой-то степени был рад тому, что тот осознал свои деяния, глубоко раскаивается и сожалеет, что так жил все прожитые преступные годы.

– А вот в газете или по телевидению вы бы смогли с подобными речами выступить?

– Легко, – не задумываясь, ответил Фома. – Я обратился бы ко всем таким или подобным мне с предложением бросить грязное дело, которым занимаются, жить среди людей на равных – самая сладость, самая лучшая награда в судьбе каждого. Я знаю, что некоторые меня за это возненавидели бы, но такое меня не

волнует. Многие задумались бы и были бы со мной солидарны.

– Так давайте... мы организуем вам встречу с корреспондентом или работниками телевидения!

– Не возражаю. Пусть будет так. Когда это случится, то вы, суд и люди мне до конца поверите, что свою преступную жизнь я завязал крепким морским узлом.

Каневский, возвратившись в прокуратуру, доложил Лапину, а потом они зашли к прокурору, и тот, внимательно выслушав, сразу же ухватился за такое грандиозное профилактического характера предложение, сел к телефону, доложил прокурору города и стал входить в контакт с телевидением и главным редактором «Комсомольской правды».

XXVII. Нападение на кафе

Колун, чтобы обезопасить себя от опознания на улице кем-либо, подстриг парик и изменил форму усов, несколько раз изменял и их цвет, а когда надоело возиться с одними и теми же приспособлениями сокрытия своей внешности, проник в квартиру погибшего гримёра Адама, где взял несколько париков, усов, бакенбарды и даже бороды. В свою квартиру он проник ночью, взял тёплую одежду, так как ночи уже были холодными, и быстро ушёл.

Ночевал он попеременно то у официантки кафе Риты, одиноко проживавшей в съёмной однокомнатной квартире, то у продавщицы гастронома Лизы, которая была по годам старше его на восемь лет и одиноко проживала в своей двухкомнатной квартире в ста метрах от станции метро «Полежаевская». Безопаснее, как он определил, ему было проживать у Лизы, которая всячески старалась не только продемонстрировать, но и доказать своё постоянство, тогда как Рита дважды была уличена им в измене. Поэтому он всё реже и реже стал посещать её квартиру, даже вынашивал планы о её физическом устранении. Такое желание у него возникло после того, как застал её с другим мужчиной, и это назойливо сопровождало, не уходило из головы, и наступил момент, когда он твёрдо решил своё желание привести к исполнению. «Надо так сде-

лать, чтобы не только отправить Ритку к прабабушке, но и от этого была польза. А она должна выражаться в следующем... Рита знает о моих усах и парике, видела и пистолет, но поверила ли после того, как представился ей работником силовых структур, работающий под прикрытием, вызывают сомнения, а поэтому её надо шлёпнуть... и другая более заманчивая... финансовая, над чем надо крепко подумать...» – размышлял как-то Колун.

В один из дней начала ноября обуреваемый задуманным он зашёл в кафе. Рита стояла у столика, брала заказ у посетителя и весело кокетничала с ним. Увидев вошедшего ухаждёра и зная его неуравновешенный норов, изменилась в один миг, стала серьёзной и не задержалась у столика. Шагнув навстречу, она одарила Колуна хитрой улыбкой, лицо стало ласковым и покладистым.

– Привет, милый. Кушать будешь? – спросила она и, не ожидая ответа, заявила: – Садись вон в тот угол за столик, и я тебя покормлю. – Рита прошла с ним и даже стул отодвинула, на который он важно опустился.

– Как всегда, – коротко проронил Колун, строго глядя в её улыбающееся лицо.

– Суп-лапша, котлета «по-киевски», стакан томатного и сто пятьдесят «Столичной»?

– Угу, – буркнул он, выражая этим недовольство.

Рита чмокнула его в макушку и быстро пошла на кухню, а спустя минут десять вернулась с полным заказом на подносе. Посетителей в кафе было мало, и она присела напротив. Колун глянул на неё испытывающе, одновременно наливая водку в рюмку, и спросил:

– Что у тебя нового?

– А вот ты пришёл, наконец-то, а всё остальное старое, – ответила она, подставив кулаки под подбородок, опершись локтями в стол.

– Я у тебя сегодня заночую.

– Рада буду. Я тебе дам ключи, и ты иди ко мне, а я после работы... домой. Ужин принесу. Посидим с тобой при свечах, – и она весело засмеялась.

– Квартира это твоя или съёмная? – спросил Колун для того, чтобы подвести разговор к нужному руслу, хотя уже давно ему всё было известно.

– Я же тебе уже говорила... снимаю.

– А свою не хочешь иметь?

– Ага... За что? Каким образом.

Колун опрокинул в рот рюмку водки, закусил супом, глянул по сторонам и почти шёпотом произнёс:

– Есть такая возможность.

– Да ты что?! И как это может получиться?

– Объясню. Сколько у тебя выручка бывает... за день?

Рита пальцем на столе написала сумму и вопросительно посмотрела на Колуна.

– А кто и когда инкассирует?

– Сама. Раз в неделю сдаю хозяину.

– Неплохо за шесть дней. А выручку каждый день домой забираешь?

– Нет, конечно. Здесь прячу... А почему ты об этом спрашиваешь? Толком можешь объяснить?

– Дома, Рита. При свечах.

Закончив трапезничать, Колун взял ключи от квартиры Риты и ушёл, а она всё мучилась в мыслях о теме разговора.

Придя в квартиру, он аккуратно снял грим, принял душ, лёг в кровать и включил телевизор. Лужков, стараясь быть уверенным, с экрана держал речь перед депутатами о развитии города. Слушая его, он незаметно уснул и не слышал, как пришла с работы Рита.

Когда она хлопотала на кухне, он проснулся и вскочил с постели.

– Прикимарнул чуток? – прозвучал её голос из кухни. – Минут через десять сядем за стол.

Колун ничего не ответил, а зашёл в ванную комнату, помыл руки и кремом Риты протер лицо. Глядя в зеркало, открыл рот и стал разглядывать свои зубы, четырёх не доставало, и пятый пошатывался. «Надо лечить. Вот проверну то, что задумал, и сразу к зубному», – мысленно решил он.

– Адам! К столу! – позвала Рита, гремя стаканами.

Колун, знакомясь с Ритой, как и с Лизой, назвался Адамом, документы которого после его похорон носил с собой. Рита была женщиной шустрой и дальновидной... и, конечно, любознательной... Так в одну из ночей, когда Колун находился у неё, захотела узнать подробности из его документов. И улучив момент, когда он был сильно пьян и уснул, заглянула в его паспорт и обнаружила отсутствие сходства человека, глядевшего на неё с фотографии с лицом спящего. Однако не придала этому особого значения, так как тот представился работником спецслужб, работающим под прикрытием, имевшим при себе оружие.

Колун вышел из ванной и, садясь за стол, увидел на нём бутылку «Столичной», в тарелке нарезку колбасы, рядом кабачковую икру «Нежинская», солёные

огурцы, квашеную капусту и варёную картошку, от которой шёл манящий пар.

– За что первый? – спросила Рита, подняв рюмку и глядя в лицо Адама.

– За успех нашего с тобой безнадежного предприятия, – смеясь, ответил тот, а потом поправил: – За нас с тобой.

Закусывая, Рита мысленно зацепилась за слова «безнадежного предприятия», и они назойливо не покидали её.

Они пили, закусывали, разговаривая о том о сём, а она вновь и вновь возвращалась к этой мысли, но потом, не удержавшись, спросила:

– А почему ты сказал «безнадежного»? Что ты имел ввиду? То, о чём говорил мне в кафе?

– Да шутя ляпнул... А то, о чём говорил в кафе, мы ещё обмозгуем... и безнадежным моё предложение быть не должно...

– Ну, так давай... говори, что имел ввиду, – перебила его Рита. – А чего тянуть. Давай, Адам...

Тот налил себе рюмку, одним глотком опрокинул её, кашлянул в кулак и, не закусывая, начал:

– Мне тебя жаль, Ритуля. Ты столько горбатишься на этого шакала, а получаешь гроши. Надо наказать его, а как – давай подумаем.

– Да Бог с ним. Не хочу конфликтов...

– А их и не будет, – оборвал её Адам.

– Тогда как?

В характере Риты с детства присутствовала педантичная аккуратность и доброжелательство, поэтому, где бы она ни работала, её уважали, хотя и старались платить поменьше, особенно в период, когда страна

из социалистической превратилась, благодаря бездействию Горбачёва и действиям Ельцина, в капиталистическую. Рита же это замечала, но из-за скромности помалкивала. А сейчас слова Адама задела её за живое.

– Сделаем так, – начал он. – Выручку собираешь всю неделю, а в последний день берёшь её домой. Я же... инсценирую ложное нападение на кафе, и у тебя будет возможность оправдаться, кивнув на преступников... Легко, просто и безопасно для тебя. Ну как?

Рита молча обдумывала сказанное... поставила на стол две фарфоровые чашки нежного рисунка, налила в них чай, и лишь потом произнесла:

– Очень боюсь. Наверное, я не смогу.

– Дура! – воскликнул зло Адам. – Деньги домой не можешь принести? Остальное я сам сделаю. Устрою хаос в помещении, фингал под твоим глазом посажу... За такое бабло можно потерпеть короткую боль... А ты со слезами ему по телефону и выдашь... Налёт очевиден. Чего же ещё? Можно на последний день пригласить подругу в кафе, которая и станет невольным свидетелем нападения. Ну-у, согласна? Я ведь о тебе пекусь, а так бы нахрен мне всё это сдалось.

– Я уже боюсь, а там... описаюсь...

– Да пошла ты... знаешь куда? – рассердился Адам, встал со стула, схватил бутылку водки и всё оставшееся в ней из горлышка выпил, а потом упал на кровать и закрыл глаза.

– Адам... ты чего? Обиделся? Ну я же не мужик, а баба, и все мы трусихи. Можно утром я тебе скажу?

Он ничего не ответил, а вскоре вообще захрапел. Всю ночь она думала над его предложением. Много говорило «за», а многое и «против». В ходе размышле-

ний вдруг насторожило то, что Адам, являясь сотрудником спецслужб, предложил ей похитить деньги, инсценировав разбойное нападение, и самому принять в этом активное участие. «А вдруг он меня толкнёт на преступление, а сам в кусты?! Не похоже. Ему это зачем? Какая польза? Утром поговорю конкретно», – решила она.

Как только проснулись, она тут же, лёжа в кровати, задала ему самый волнующий вопрос:

– Адам... ты же сотрудник правоохранительных органов и предлагаешь мне с тобой совершить преступление в мою пользу... не пойму я этого.

Тот приподнялся на локоть и, заглянув ей в лицо, произнёс:

– Да это странно... Если смотреть с твоей стороны... А с моей... ничего странного. Я насмотрелся на этих вчерашних слесарей, токарей, строителей, партчинуш и прочих, а сегодняшних богачеев... Как они чужим трудом сколачивают капитал, как обманывают простых трудяг... вроде тебя... и поэтому принял такое решение. Не хочешь, не надо, а я хотел, чтобы ты не скиталась по чужим квартирам, а имела свою.

– Но этой суммы же не хватит!

– Но начало будет, а потом ещё что-нибудь придумаем.

Ей показалось, что доброта и ум светятся в его глазах, и она согласилась... А Колун, обладая исключительной проницательностью, уже мысленно раскладывал по своим карманам пачки денежных купюр.

– А почему ты так страстно печёшься обо мне? – спросила Рита, нежно беря его руку, на пальцах которой была татуировка с его настоящим именем.

– Рита... Я уже не мальчик и когда-то подумаю о своей постоянной пристани... Хотел бы остаток жизни прожить с тобой... если ты, конечно, не против.

– Я? Нет... не против, – обрадовалась та и, расчувствовавшись, поцеловала его руку и как-то легко спросила: – А почему на пальцах написано «Игорь»?

– Мама при рождении назвала меня Игорем, а отец пошёл и записал Адамом... как моего дедушку звали. Вот я и решил увековечить моё имя. Отец мой был пьяница и бабник неисправимый. Погиб он в Афгане, – добросовестно солгал Колун.

С волнующим настроением Рита ушла на работу. Предчувствие приближающегося, так называемого нападения заставляло постоянно думать о нём, что для неё оказалось нестерпимо мучительно. Она не знала, что её судьба теперь в руках кровожадного и безжалостного любовника, который уже определил день и время, которые она проживёт на земле.

Дни проскочили незаметно. Наступил день запланированного нападения. Колун в кафе не появлялся весь день. Он это делал специально, чтобы побольше была выручка. Ближе к концу рабочего дня он явился с дорожной сумкой и занял всё тот же столик. Рита, которая уже было забеспокоилась из-за отсутствия Адама, увидев его, сразу же подошла, присела рядом на стул и тихо произнесла:

– Поджилки трясутся, Адам.

– Не дрейфь, всё будет в ажуре. За несколько минут до закрытия я выйду и сразу же вернусь в маске. Ты реви, пусть видят повара. Деньги где лежат? И принеси мне бутылку лимонада.

Рита отошла и принесла ему бутылку.

– В кладовке лежат мешки с мукой и прочим... Так вот, под верхним, а сегодняшняя выручка при мне.

– Так ты что... домой разве не унесла?

– Нет, конечно. А вдруг хозяин раньше придёт и потребует, а он строго запретил выручку брать домой.

– Ладно, – сказал Адам и посмотрел на часы. – Остаётся десять минут. Иди и будь готова, – сказал, а сам подумал: «Надо план корректировать находу».

Посетители, как назло, зачастили, и Рита вынуждена была закрыть дверь на крючок, а их выпускать через «чёрный» выход. И вот, в зале ещё задерживались парень с девушкой, подходил решающий момент начала задуманного, как вдруг через «чёрный» вход вошёл мужчина лет сорока пяти крепкого телосложения. Подав жестом руки какой-то знак Рите, которая от неожиданности обомлела, а сам вернулся в подсобку, где был небольшой кабинет хозяина. Она быстро подошла к Адаму и прошептала:

– Это и есть хозяин. Всё пропало.

– Спокойно. Неси ему все деньги, посмотри, сам ли он приехал, а когда выйдешь, покажи мне на пальцах. Поняла? – сказал он, отпивая из стакана лимонад.

– Поняла, – ответила Рита и ушла.

Парень с девушкой, оставив плату на столе, ушли через «чёрный» ход. Колун подошёл к кухонной «амбразуре» и заглянул туда, схватившись рукой за полку, на которую повара выставляют подготовленные для официантки заказанные блюда. В помещении кухни находились два повара: женщина, стоявшая возле плиты спиной к Колуну и молодой паренёк, находившийся совсем рядом.

– Мы уже закрылись, – сказал он и глянул на наколки Колуна, опускающая крышку, закрывающую проём.

Колун достал маску с прорезьями, и в этот момент вышла Рита, показав ему один палец. Он надел маску и пошёл к «чёрному» входу. На кухне гремели посудой. Дойдя до двери кабинета, он толкнул её и вошел. За однотумбовым столом сидел хозяин кафе, считая деньги. Увидев человека в маске, он побледнел и перестал считать. Колун бросил ему сумку и потребовал:

– Положи всё бабло в сумку. Только без фокусов... если хочешь жить.

– А ты кто? Ты Рябого знаешь? Я ему плачу, и это его территория, – слабым от страха голосом произнёс хозяин.

– Положил я на твоего Рябого. Делай, что сказал. Не то... – и он вытащил из кармана пистолет.

На краю стола лежал кухонный нож, и хозяин то и дело поглядывал на него, медленно складывая денежные купюры в сумку. В это время скрипнула дверь, и Колун повернул голову. Это была Рита... осознав свои действия и задуманное Адамом, к тому же перед её глазами вырисовывались трагические последствия, решила воспрепятствовать. Она, покачав головой, дала ему понять, что этого не надо делать. Но тот решил по-своему.

– Помоги этому дебилу, – сказал он повелительно, кивнув головой в сторону хозяина.

Видя, что он её не понимает, она сделала резкий шаг назад и захлопнула дверь. Забежав в зал, где стоял телефон, Рита, зная номер телефона Рябого, которому ранее по поручению хозяина не раз звонила, набрала

его, и когда ей ответили, сообщила о происходящем в кафе. Колун заподозрил опасность и выглянул из кабинета. Это дало ему возможность услышать слова Риты о помощи и прозвучавшее своё имя. Тем временем хозяин воспользовался тем, что Колун отвлёкся, схватил нож и бросился на него, но нанести удар не успел. Прогремел выстрел, и хозяин замертво рухнул на пол, орошая его кровью. Колун бросился к столу и стал сгребать в сумку денежные купюры. В это время в кабинет влетела Рита. Увидев лежавшего на полу хозяина, она вскрикнула, закусив пальцы рук, а посмотрев тревожно на Колуна, подавлено произнесла:

– Адам... ты что наделал? Сволочь ты.

Тот поднял пистолет и нажал на спусковой крючок. Сражённая пулей Рита упала рядом со своим хозяином. Колун, торопясь, сгрёб в сумку последние купюры и ринулся к двери, но там вдруг остановился, посмотрел на Риту и её хозяина, засомневался в их смерти и ещё по разу выстрелил в их головы. Как только он повернулся к выходу, перед ним выросла женщина-повар, которая замахнулась сковородкой с ручкой. Колун успел уклониться в сторону, и удар пришёлся вскользь, содрав на лбу кожу. Выстрелив в поваара дважды, он выбежал из кафе. Кровь заливала лицо. Остановившись, искал по карманам носовой платок, и не найдя, ему пришлось оторвать низ рубашки и прижать к ране. Здесь он вспомнил, что в кафе остался в живых молодой паренёк, стоявший за «амбразурой» кухни, поэтому вернулся, но, подбегая ближе к кафе, увидел синюю «шестёрку-Жигули», подъехавшую к «чёрному» входу в кафе. Встав за куст возле многоэтажки, Колун стал наблюдать.

Из салона автомобиля выскочили четверо парней с пистолетами в руках и ринулись в кафе.

Обратив внимание на то, что прибывшие в спешке оставили своего «жигулёнка» с работающим двигателем, Колун мгновенно подбежал, сел за руль и рванул с места. Спустя минуту он затерялся в общем потоке автотранспорта. Неукротимость и ненасытность к деньгам, безжалостность и жестокость дали свои плоды в выполнении задуманного Колуном. Теперь он «ляжет на дно», затаится до определённого времени, а унылая, пресная жизнь с большой суммой денег не пугала, наоборот, купюры грели, радовали и веселили его загрубелое и безразличное сердце.

Пользуясь ключами от квартиры, которые дала Рита, он проник в квартиру, забрал то, что принадлежало ему и накопленные ею деньги, после чего быстро покинул жилище, выбросив в кусты ключи, и уехал к Лизе, которую могла ожидать такая же участь, как и Риту.

А возле кафе в это время поднялась дикая суматоха. Прибывшие бойцы от Рябого обнаружили исчезновение своей машины, забегали по кварталам, надеясь обнаружить её, но... увы. Все старания оказались напрасными.

– Что будем делать, Обух? В багажнике два «калаша» с магазинами, полными патронов. Рябой кончит нас, – обратился водитель к старшему группы.

– Что делать, что делать... Тебе в лобешник девять грамм засадить. Какого ты хрена попёрся за нами и оставил движок работающим? Берите, пацаны, езжайте... так что ли? – возмущённо ответил тот. – Покрывать я тебя, Оса, не стану. Вот сам и думай, что

сказать Рябому. За тачку ты в ответе, а мы за остальное.

– А если я такую же угоню...

– А номера? А вдруг вскроется? Тогда нам отвечать за сокрытие? Не-е, так не пойдёт. Врать не будем. Доложим как есть, а там что будет, – сказал Обух и, глянув на молодого повара, сидевшего в слезах за столиком, сказал: – А ты чего расселся?

– Ну, а что делать? – спросил тот.

– Ментов вызывай. Значит, рожу стрелка не помнишь?

– Я мельком только глянул на него. На пальцах левой руки буквы видел... «ГОР» и больше ничего. Один он был. Рита бы больше рассказала. Она с ним общалась... Но теперь уже...

– Звони в ментовку, а мы тут не были. Понял?

Повал кивнул головой и пошёл к телефону, а бойцы Рябого не стали брать автомобиль хозяина кафе и ушли ловить такси.

XXVIII. Раскрытие убийств в кафе

Когда дежурный РОВД сообщал о тройном убийстве в кафе, у межрайонного прокурора проходило совещание совместное с оперативными работниками милиции, Валерий Николаевич сразу же прервал совещание. Здесь же совместно с начальником РОВД создал оперативно-следственную группу, в которую входили следователи прокуратуры Лапин, Каневский и Машетов, работники уголовного розыска, два дознавателя, два участковых уполномоченных, криминалист и, естественно, работники судебной медицины. Все сразу же выехали на место происшествия. Убедившись, что все три жертвы преступления мертвы, Лапин распределил каждому члену группы направления действий, и сам приступил к осмотру.

Машетов под диктовку пристально осматривающего Лапина писал протокол, а Каневский после того, как попросил Лапина зафиксировать, что в кабинете хозяина кафе сохранился устойчивый запах одеколона «Красная Москва», беседовал с поваром. Сначала он, не перебивая его, выслушал, потом задавал уточняющие вопросы, занося их и ответы в протокол допроса.

– Официантка часто подходила к человеку с усами?
– спросил он повара.

– Я особо не обращал внимание, но насколько в моём мозгу отложилась эта информация... не менее двух раз, – ответил тот.

– И долго задерживалась возле его стола?

– Она даже садилась на стул перед ним, но я же не следил за ней, а занимался своей работой, лишь мельком видя происходящее в зале. А она то сидит, то ходит между столами.

– Садилась она только возле него или же и возле других посетителей?

– Я видел только возле него.

– Вы могли его опознать?

– Я видел его из помещения кухни, а он сидел в углу зала, а когда подходил к окошку раздачи блюд, то я видел только его подбородок и то мгновением взгляда... И ещё я заметил на его левой руке, которую он положил на низ окошка раздачи... точнее на пальцах на колоты буквы... «ГОР»... Крайние пальцы были скрыты от моего взгляда, да и он как-то быстро убрал руку.

– Это уже кое-что... Покажите столик, за которым он сидел.

Повар встал из-за стола и пошёл в крайний угол зала. Остановившись возле стола, на котором стоял стакан с недопитым лимонадом, бутылка с этикеткой «Ситро», он показал пальцем.

– Это здесь.

– А после кто-нибудь из посетителей сидел здесь?

– Нет, конечно. Это же всё было за несколько минут до закрытия кафе.

– Значит, из этой бутылки он пил «ситро»?

– Думаю, что да.

Каневский подозревал криминалиста, пояснил важность обнаруженного, и тот приступил к снятию следов отпечатков пальцев рук со стакана бутылки и поверхности стола.

– Его одежду можете описать?

– Я видел тёмного цвета утеплённую куртку с капюшоном. Об остальном ничего сказать не могу.

– Цвет волос, усов, форма лица?

– Тёмные волосы и усы такие же... Лицо... наверно, ближе к овальному.

– Сколько выстрелов слышали?

– Разве я их считал? Но много. Уже прогремели несколько выстрелов тогда, когда Рита позвонила куда-то и сама побежала в кабинет шефа... и тут снова прогремели выстрелы. А потом шеф-повар, Таисья Григорьевна, схватила сковородку и пошла к кабинету... Тогда снова были выстрелы. А через некоторое время приехали...

Повар хотел было сказать о приезде людей Рябова, но, вспомнив наказ, замолк.

– Продолжайте. Кто приехал?

Он опустил глаза, растерялся, но быстро справился с неловкостью, ответил:

– Ну, вы же все.

Тем временем при отработке жилого сектора, расположенного рядом с кафе, были установлены очевидцы, видевшие приезд «жигулей», группу мужчин, вышедших из салона, а после прибежал из кустов мужчина с усами и уехал на этом же автомобиле.

В это время за оцеплением столпилось много зевак, и каждый к происшествию дополнял свои вымыслы. Среди них находился и Колун, который изменил свою

внешность, приклеил бородку, бакенбарды, надев парик посветлее. Сегодня его как никогда неудержимо тянуло к кафе, хотелось посмотреть на происходящее возле него. Он вспомнил и о бутылке «ситро», о предметах в кабинете хозяина кафе, к которым в спешке мог притронуться и оставить следы своих пальчиков, и о молодом поваре, который остался жив. «Если наследил, значит, вычислят быстро меня. Не-е... Так работать нельзя. Спешка нужна только при уничтожении мух и ловле блох», – думал он, выбираясь из толпы, и направился на автобусную остановку.

Лапин в это время заканчивал осмотр места происшествия, а Каневский отдал ему протоколы допросов повара и нескольких очевидцев, сидел за столом, нарисовав левую руку человека и на пальцах: указательном, среднем и безымянном вывел буквы «ГОР». «Обычно в местах заключения сидельцы на пальцах выкалывают своё имя. Если это так, то должно быть «ИГОРЬ» или ЕГОР», – подумал он. Глянув на повара, уныло сидевшего за столиком, Борис подошёл к нему и сел напротив со словами:

– Вы ничего не забыли сообщить мне?!

– Кажись всё сказал, – ответил тот, задумавшись, а потом вдруг его как осенило: – Да-а! Вспомнил. Этот человек несколько раз приходил в кафе, и Рита сразу же подходила к нему и обслуживала в первую очередь.

– Ну вот. Стало быть, они были знакомы?

– Выходит так.

– А где она живёт, вы знаете?

– До сдачи автомобиля в ремонт, я её дважды как-то подвозил. Не знаю улицу и номер дома, но могу показать.

– Снимай свою форменную одежду и поехали.

Борис подошёл к Лапину, объяснил необходимость выезда и на прокурорском автомобиле выехал. Повар показывал дорогу и вскоре попросил остановить машину.

– Вот этот дом... она входила в крайний подъезд, – сказал он, указывая пальцем.

Борис направился к подъезду, возле которого на лавочке при свете, падающем от электрического фонаря на столбе, сидели две девушки и парень.

– Здравствуйте, молодые люди, – поприветствовал он, но не получив ответа, а лишь недовольный взгляд, продолжил. – Кто-либо из вас живёт в этом подъезде?

– Ну я, – ответила девушка, поправив воротник тёплой куртки. – А в чём дело?

– Здесь живёт Рита... Работает официанткой в кафе... В какой квартире она проживает?

– А ты кто такой?

– Я следователь прокуратуры, – Борис показал своё удостоверение. – Можете мне помочь?

– Это та, от которой всегда вместо духов пирожками пахнет?! Четвёртый этаж, сорок третья квартира, но её дома нет, – ответила та же девушка.

– И вы её хорошо знаете?

– Я живу через стенку, но мы не подруги.

– К ней приходит мужчина...

– Ой! – вскрикнула девушка, перебив Бориса. – А сколько их разных... Вы бы знали.

– Меня интересует тот, который с усами.

– От которого за версту несёт «Красной Москвой»? Бывает... и сегодня был. Примерно часа три тому, а может чуть больше. Чуть ли не бегом... Поднялся и тут

же спустился. «Жигулёнок» у него... синего цвета был. Галка, помнишь? Мы только вышли тогда, – обратилась она к подружке.

– Помню. Было видно, что он куда-то торопится, – ответила та. – И мне показалось, что цвет волос и усов был другой, а может, я ошибаюсь.

– Девушки, милые, не смогли бы к нам в прокуратуру завтра утром подойти на полчаса? Очень ценные ваши пояснения, – попросил следователь.

– А что случилось? – спросила Галка.

– Убили эту Риту и, похоже, что именно он.

– А по какому адресу ваша прокуратура? – поинтересовалась первая.

Борис достал визитку и протянул ей.

– В ней всё отражено.

– Пойдём, Оксана? – глядя на первую, спросила Галка.

– Пойдём. Надо помочь доблестной прокуратуре, – сказал та, и на её лице засияла улыбка.

Борис подвёз повара до станции метро, а сам, вернувшись в прокуратуру, доложил Лапину результаты поездки. Тот был доволен:

– Более чем отлично. Вижу твоё внимание насчёт одеколона, было не напрасно. Ну ладно... Поздно уже. Давай завтра с утра обмозгуем и подытожим всё.

Наступившее утро принесло новые заботы. То, что планировал Лапин, не получилось. Прокурор потребовал подробную справку по делу об убийстве трёх человек в кафе для доклада городскому начальству и назначил на одиннадцать часов заслушивание плана работы по делу. Поэтому он занялся справкой, а Машетов и Каневский допрашивали свидетелей. До начала

совещания у прокурора Каневский допросил Галку и Оксану и попросил их подождать, пока освободится Лапин, надеясь, что у того возникнут дополнительные вопросы, а потом связался с экспертом и получил его устное предварительное заключение о следах отпечатков пальцев рук, оставленных на стакане, бутылке и поверхности стола. Кроме того фотокарточку Иванова по кличке Колун размножил на ксероксе и предъявил её Галке и Оксане. Те, внимательно просмотрев, заявили, что к Рите приходил не он, а другой человек, лишь когда были подрисованы волосы и усы, а на другом листе и борода, они в один голос заявили, что именно он приходил к Рите. Поэтому Каневский шёл на совещание во всеоружии. Машетов кроме допросов, заседал на экспертов по баллистике, исследовавших обнаруженные на месте убийства стреляные гильзы и несколько пуль, но им нужно было больше времени для исследования.

Короткое совещание началось вовремя. Лапин доложил результаты осмотра места происшествия и, ещё не зная о наработках Каневского в докладе озвучил, что убийство троих человек совершили неизвестные. В заключение он перечислил все запланированные мероприятия по возбужденному уголовному делу и сроки их выполнения. Прокурор повернул лицо в сторону Каневского. Тот поднялся и уже хотел было начать свой доклад, но Валерий Николаевич поднял руку и остановил его:

– Сидите. Я слушаю.

– Прежде всего, Сергей Валерьевич, – обратился он к следователю. – Я извиняюсь, что не успел доложить вам до начала совещания результаты своей работы.

Отныне слово «неизвестные» заменим конкретным лицом. Убийство совершил ранее неоднократно судимый и известный нам, находящийся в бегах член банды Кореня... Иванов Игорь Лукьянович, имеющий кличку Колун. Его отпечатки пальцев рук обнаружены на стакане, бутылке и крышке стола. Мною установлено, что он имел тесную связь с официанткой Ритой, которую же и застрелил. Соседи по месту её жительства опознали его, как её любовника, приходившего к ней в квартиру, и там оставался. После убийства он на несколько минут зашёл в квартиру, потом сел за руль синего цвета «жигулей» и уехал. Колун путём применения грима, парика, накладных усов, бакенбардов и бороды меняет свой облик. Кроме того, его любимый парфюм – это одеколон «Красная Москва», запах которого обнаружен на месте убийства, этот же запах ощущали от него допрошенные соседки, – доложил Каневский, и добавил: – Были ли у него сообщники, пока не будет заключения баллистической экспертизы по исследованию стреляных гильз и обнаруженных пуль, категорично сказать нельзя.

В это время дверь открылась, вошла секретарь приёмной прокурора:

– Валерий Николаевич, я извиняюсь... Машетова эксперт просит к телефону... срочно.

Прокурор жестом руки дал понять Машетову выйти, а сам повернул голову к Каневскому.

– Продолжайте.

– Теперь у нас есть возможность изготовить, используя фотографию Колуна, портреты розыска с его настоящим лицом, подрисовывая усы, парик и всё остальное. Да, и ещё. Повар при допросе заявил, что

видел на указательном, среднем и безымянном пальцах бандита три наколотые буквы «ГОР». Крайних пальцев он не видел. Считаю, что было имя... «Игорь», как и зовут Колуна. У меня всё, – сказал он и положил листы бумаги с оттисками внешности Колуна и с усами, бородой и в парике, в том числе.

– Э, какой подлец, – произнёс прокурор, рассматривая листы. – Ну, а вы молодцы.

В этот момент возвратился Машетов и, не садясь, доложил:

– Валерий Николаевич, в кафе стрелял один человек из пистолета, из которого убит Воронин Кирилл по кличке Ворон. Такое будет заключение баллистической экспертизы.

– Значит, Колун... одинокий волк. Кто в тюрьме, кто на кладбище, а он один свирепствует. Всё... не буду вас задерживать. Выполняйте то, что запланировали и поднимите всё и вся на поиски Колуна. Его личность должны знать, как в гриме, так и без него не только в нашем районе, но и во всех отделах РОВД города. За работу.

Лапин, Каневский и Машетов знали, что расследуемое ими дело об убийстве трёх лиц, наделало много шума в городе, и что руководство не только городской, но и Генеральной прокуратуры уже взяли на особый контроль, а поэтому над душой сидеть будут постоянно, пока не будет раскрыто полностью, и виновные не окажутся за решёткой. Днём и до поздней ночи работали они, расследование продвигалось, добытых улик было достаточно. Однако Колун был неуловим. Хитрость и изворотливость помогали ему находиться среди людей. Он легко вживался в любое общество, в

любые отношения конкретного человека, не вызывая подозрений. Он мог до поры, до времени быть добрым, покладистым и отзывчивым, а когда эта необходимость миновала, превращался в злобного, безжалостного зверя.

XXIX. Интервью Лапина

У Даши в институте складывалось куда лучше, чем можно было ожидать, но с работой лаборанта ей всё-таки пришлось расстаться. Этому в большей степени способствовал дефицит времени. Учёба брала своё. К тому же она оказывала помощь Борису в подборе литературы для написания курсовых, а иногда, видя его перегруженность работой, сама готовила курсовую. Замужество её радовало, она чувствовала себя счастливой женщиной. Однако ситуация, складывающаяся вокруг неё и Бориса, крайне расстраивала, и беспокойство за здоровье и жизнь мужа не проходило, а, наоборот, усиливалось. Повседневные телепередачи о криминальных разборках разношерстных преступных планов, убийства людей при разбоях и по другим причинам, похищение граждан разного пола и возраста с целью выкупа, а также озвучивание других совершаемых в городе тяжких преступлений с нежелательными последствиями, постоянно травмировали сознание. Убийство сестры Валентины тоже бесследно не прошло. Несмотря на то, что та при жизни зарекомендовала себя только с отрицательной стороны, притом что её противоправные действия были направлены против Даши и Бориса, узнав о её смерти, Даша долго переживала родственную утрату, оправдывая Валентину тем, что она могла встать на правильный путь

жизни и была бы не гонимой, а уважаемой в роду и обществе. Всё это влияло и вгоняло в тревожное состояние за судьбу Бориса, который находился в окопах переднего края борьбы с возрастающим числом преступности. Она с трепетом в груди ежедневно ожидала его возвращения с работы, а в течение дня постоянно возникало желание позвонить ему и пообщаться самую малость времени, но отказывалась от этого, боясь помешать ему: «А вдруг он допрашивает кого-либо, беседует с подозреваемым, склоняя его к чистосердечному признанию, а я своим звонком отвлеку его, а может, находится на совещании».

Но когда любимый появлялся на пороге дома, она ланью кидалась к нему, целуя глаза, щёки и такие сладкие для неё губы. Для него же это была самая, самая ожидаемая ежедневно радость. В каком бы состоянии или усталости он не был, но подходя к входной двери, его лицо начинало расплываться в улыбке от предстоящей встречи со своей ненаглядной ясной звёздочкой, любимой и желанной жёнущкой. С работы же он возвращался, как правило, после девяти-десяти часов вечера. Нередко выезжал ночью на места происшествий, а, потом, не отдохнув, спешил утром на своё рабочее место.

– Такая судьба следователя, – утешал дочь Пётр Степанович. – Я помню по молодости... работая в уголовном розыске, там мы частенько даже домой не приходили. Сначала спали кто где... на стульях, на столах, а потом каждый себе приобрёл раскладушку и матрац. А Борька твой каждую ночь в чистой и тёплой постели. Так что терпи, дочь. Но ты в следователи не ходи.

– Пап, а нас уже поместили.

– Как это? А ну-ка поясни.

– Были кадровики с разных правоохранительных служб, беседовали с нами... и со мной, в том числе.

– И каков же результат?

– Я дала согласие работать в прокуратуре, после чего нас прокурорских свели в одну группу. Есть уклон следствие и надзор. Я же надзор выбрала.

– Ну и правильно. Следствие не для девушек, хотя их немало, и оказались толковыми следователями. Но ты поступила правильно. Следствие не знает выходных, праздничных, не различает дня и ночи и не чувствует времени, а надзор... в шесть вечера хлопнув дверью, и до восьми утра дома... Твои же... выходные и праздничные.

Их разговор прервал телефонный звонок. Пётр Степанович, сидевший рядом с аппаратом, поднял трубку, пообщался с минуту с зятем и передал трубку дочери.

– Дашенька, не беспокойся. Я сегодня немного задержусь. Тройное убийство требует срочной документации, и кое-что я хочу проверить и убедиться в своих догадках.

– Будь осторожен, любимый. Очень жду тебя... До встречи, – сказала она, выйдя с телефоном в другую комнату.

Борис ни ей, ни Лапину не сказал, что именно сегодня, в эту ночь наметил проверить свои догадки. Они с Машетовым договорились провести ночь в засаде и незаметно проникли в квартиру Риты, надеясь, что Колун ночью придёт туда и будет ими задержан. Однако всё оказалось напрасным. Дремали пооче-

редно, сидя на стульях, вскакивая от каждого шороха и стука, а когда зарождалось утро, ушли из квартиры. Кроме стульев они ни к чему не прикасались и не нарушили обстановку в квартире, зная, что Лапин утром если не сам, то кого-то из них пошлёт осмотреть её, провести в ней обыск с целью обнаружения вещей и предметов, имеющих существенное значение в расследовании дела. Так и получилось. Туда поехал Машетов, а Борис после звонка Даше занялся назначением ряда экспертиз.

К Лапину рано утром прибыла съёмочная группа телевидения во главе с корреспондентом, и он по указанию межрайонного прокурора дал интервью, в ходе которого не только обнародовал образ Колуна, но и показал его фотокарточку реальной внешности, а также с изменением её посредством применения париков, усов, бакенбард и бороды. В своём выступлении он ориентировал жителей города на осторожность при общении с разыскиваемым и своевременном сообщении в информационную службу ГУВД на телефон «02» при его обнаружении. Кроме этого дал им особую примету Колуна, полученную из исправительно-трудовой колонии строгого режима. Она заключалась в следующем: когда Колун что-либо спрашивал у кого-либо, то привычка-паразит заставляла его левой рукой трогать мочку уха.

После интервью Лапин вызвал оставшегося в живых повара и дополнительно допросил его со всеми подробностями, используя добытые сведения о том, что после убийства в кафе приезжали четверо мужчин на синем «жигули», а потом его угнал выбежавший из кустов Колун. Повару не оставалось ничего другого,

как сознаться, и работники милиции из числа членов оперативно-следственной группы выехали для установления бойцов Рябого и их допросов.

На следующий день прошла телепередача о разгуле преступности. Были показаны и портреты Колуна. Корреспондент умело преподнёс его личность, как одиозную, жестокую и враждебную обществу. Руководству прокуратуры города, да и республики тоже понравилась такая профилактическая работа межрайонной прокуратуры, и на следующий день ушло во все нижестоящие прокуратуры письмо, обязывающее к распространению опыта и улучшению делового контакта со средствами массовой информации.

Даша, увидевшая выдержки из деятельности оперативно-следственной группы Лапина, где неоднократно мелькал Борис, с гордостью общалась по этому поводу с подругами, сокурсниками и родителями тоже, которые и без этого относились к нему, как к сыну. Лишь один Колун был зол на Бориса, а больше на Лапина, давшего убийственное для него интервью.

XXX. По пятам Колуна

В связи с тем, что в результате глубочайшего кризиса у большинства жителей города не было денег, а в магазинах товаров, продавцы находились на рабочем месте в ожидании завоза продуктов, которые поступали в незначительном количестве и раскупались мгновенно.

Придя на работу, Лиза вместе с другим продавцом Ольгой протёрли пустые прилавки, вымыли пол, убрали от тарных ящиков подсобку, очистили от пыли окна... наступил обеденный перерыв. Включив чайник, они расположились в маленькой комнате для отдыха продавцов, где стоял стол, четыре стула вокруг него, маленький холодильник «Орск», узкая этажерка, тумбочка со старым телевизором «Рекорд» на ней, а в углу вешалка для одежды. Распивая чай, они включили телевизор и по ходу передачи новостей обсуждали всё увиденное. Вдруг на экране возникла суточная криминальная сводка. Интервью давал следователь прокуратуры юрист 1-го класса Лапин. На прозвучавшие фамилии Лиза как-то не обратила внимание, но когда на экране появились портреты разыскиваемого Иванова Игоря, он же Адам по кличке Колун, она поперхнулась, глаза округлились, руки задрожали и кружка из рук громко упала на стол.

– Вот те на! – вскрикнула она. – Вот те и сотрудник спецслужб!

– Кто, Лиза? Ты кого увидела? – спросила Ольга и уткнулась в экран. – О-о! Так это же тот, что к тебе иногда приходит.

Лиза закрыла лицо руками и заплакала, слёзы не переставая лились из глаз ручьём. Ольга, как могла, утешала её, но та успокоилась не скоро. Наплакавшись, она ладонями вытерла лицо и, глядя в экран, где уже пел Лев Лещенко, твёрдо заявила:

– Ну, Адам... берегись. Я тебе устрою похлеще, чем ты мне. За обман заплатишься. Ох... я дурра... какая же я дура. Поверила этому бандиту... Тьфу ты... расстроившись, и телефон забыла записать... этого следователя.

– А вот, – и Ольга сунула ей засаленный журнал «Работница», служивший для прокладки между крышкой стола и кастрюлей. – Я записала. Вот номер, а вот его имя и по-батюшке.

– Спасибо, Оля, – и Лиза принялась набирать этот номер.

– Лапин у телефона... – послышалось в трубке.

– Сергей Валерьевич, я слышала ваше выступление по телевидению, и у меня есть, что сказать вам. Когда я могу к вам подъехать?

– Сегодня не получится. А это срочно?

– Очень.

– Вы сейчас из квартиры звоните?

– Нет. С работы. В магазине я работаю, – и Лиза назвала адрес.

– Я мимо буду ехать и заеду. Как зовут вас?

– Лиза я... Кравчук Лиза. Да нас тут только два продавца... Я и Оля. Буду ждать.

Положив трубку на рычаг, она сжала пальцы в кулак, решительно глянула на Ольгу и, стукнув кулаком по столу, вымолвила:

– Вот так, подруга.

– А ты не хочешь с ним поговорить? Почему этот Адам так поступил с тобой?

– О чём, Оля? Спросить, почему он не сказал, что он бандит? Ты слышала, скольких людей он погубил?! Я теперь и домой боюсь идти.

Обеденный перерыв закончился, и в магазин вошёл Лапин. Поздоровавшись с продавцами, он по голосу узнал Лизу.

– Вы Лиза... Я вас слушаю... Только прошу вас коротко и саму суть. Очень тороплюсь, а вот завтра с утра мы можем с вами детально поговорить.

– Хорошо, – ответила та. – Вы ищете Адама... Как его ещё? Колуна. Так вот, он может быть сегодня у меня... Я только из вашего выступления узнала, что он Колун и бандит. Почему я говорю... «может быть», потому что он был прошлую ночь, а теперь может придти и сегодня, а может через три дня, как это раньше было.

– Он вооружён?

– Пистолет видела...

– И это вас не насторожило? – перебил Лапин и пристально посмотрел ей в глаза.

– Нет, конечно. Он мне представился работником спецслужб России, работающий под прикрытием. Я и поверила. Какая же я дура! Замуж за эту сволочь... за этого зверя собралась. С мамой хотела познакомиться его...

– Давайте сделаем так... – снова оборвал её Лапин, поглядывая на свои наручные часы. – Я у своего теле-

фона посажу дежурного. Вы позвоните, как только он появится. Не надо от него прятаться... уединяться, наберёте номер, в любое время вам ответят, а вы скажете... к примеру, следующее... «Мама, это я, Лиза. Ну как?.. Тебе легче? Ну ладно, ладно, отдохай, Завтра я заеду». Для нас это послужит сигналом. А Адам не заподозрит. Хорошо бы вы изловчились, и дверь входную на замок не закрывали.

– Всё сделаю, товарищ следователь... или теперь вас господином надо называть?

– До господ нам далеко... Товарищи мы. Ну, тогда, как договорились. Спасибо вам за звонок, – сказал Лапин и вышел из магазина, где его ожидал автомобиль.

До конца рабочего дня Лиза находилась в трепетном состоянии. Её переживаниям, как всё это произойдёт, не было предела, а при возвращении домой волнение усилилось ещё сильнее. Открыв своим ключом входную дверь и не закрыв её, войдя в квартиру, она обнаружила там Адама. Ей показалось, что в груди всё оборвалось, и она не сможет пройти до середины комнаты.

– Что с тобой, Лиза? – спросил он, заметив её состояние. – Что-то случилось? С мамой?

– Что-то нездоровится... Сердце болит, голова раскалывается. Да и мама болеет. Хорошо, что напомнил. Умоюсь и позвоню ей, – ответила та и пошла, было, в ванную, но, заметив большую ссадину с правой стороны лба, спросила: – Это где ты так?

– Поскользнулся и об забор лбом, – солгал он.

В ванной стоя перед зеркалом, она глубоко вдохнула воздух и медленно выдохнула, вспомнив напут-

ствие Ольги так делать, чтобы успокоиться. Колун в это время ставил всё съестное на стол для совместного ужина, чего ранее никогда не делал. Он как бы почувствовал надвигающуюся разлуку с этой женщиной, а своим действиям даже сам удивился. Выйдя из ванной, Лиза, увидев его хлопоты, на мгновение засомневалась в бандитской причастности, но встретившись с его колючими глазами, сомнения сразу же улетучились.

– Спасибо тебе, Адам, а то я что-то не в себе, – сказала она, садясь за стол и беря телефон.

Гудок гудел, но никто не отвечал. Лиза повторила ещё и ещё...

– Не берёт трубку? – спросил Адам, сел за стол с бутылкой водки в руке и стал наливать в рюмки.

– Наверное, уснула, – ответила она, а сама подумала: «Ну, где же этот Лапин?»

– Давай по рюмочке опрокинем, а потом повторишь. Давай, Лизонька.

– Ты, наверное, сам выпей. Сердечко у меня побаливает, да и голова как чугунная.

Он осушил одну, вторую, а потом и третью... и язык его развязался, не следя за ним, сыпал разными, в том числе и нецензурными прибаутками. В процессе, он то гладил Лизу по её кудрям, пытаясь быть ласковым, то превращался в чёрствого и грубого. Нежность с жестокостью не уживалась вместе, и он стучал её по голове кулаком, нешуточно заявляя:

– Узнаю, что изменяешь мне... убью, – и тут же вспоминал Риту.

Лиза ещё раз набрала номер телефона Лапина, на другом конце провода мужской голос тихо ответил:

– Алло! Говорите.

– Ну, наконец-то. Мама, ты чего трубку не берёшь. Я уже что только не передумала, даже хотела ехать к тебе. О-о! Ты чего не узнала. Это я... Лиза. Ну как, тебе легче? Ну ладно, ладно отдыхай. Завтра я заеду к тебе. Спокойной ночи, – высказала Лиза с добавлениями весь пароль и прислушалась.

– Понял. Постарайтесь открыть дверь, – ответил мужчина всё тем же тихим голосом.

– Хорошо, куплю... И молока тоже? Ну, пока.

Лиза положила трубку, а Адам пристально смотрел на неё. Её чувства к матери для него были чужды, в его памяти всплыли эпизоды детства и юности, когда он грубил своей матери, и её добрые слова не доходили до него. Он их просто игнорировал.

Тем временем дежуривший у телефона Машетов, глянув на находившегося рядом опера, сказал:

– А эта продавщица бабёнка военная. Так здорово и завуалировано выдала пароль... Молодец. Давай звони. Вызывай наряд и едем.

– Так, а Лапину ты разве не будешь звонить? – спросил опер. – Он же просил!

– А чего его беспокоить... Сами справимся. Возьмём тёпленького. Звони, звони.

Спустя минут десять они уже мчались к известному адресу на дежурном автомобиле РОВД.

Колун как-то резко изменился в поведении, стал нервничать. Он всегда обладал звериным чутьём надвигающейся опасности, презирал трусость и не терял самообладание. Поднявшись из-за стола, он прошёл в туалет, а вернувшись, из горлышка выпил водки и, подойдя к окну, глянул вниз.

– Чего ты мечешься? Садись, и я с тобой выпью, – позвала его Лиза. – Головные боли, слава Богу, прошли.

Колун уже было намеревался отойти от окна, как вдруг увидел подъехавший во двор милицейский автомобиль и выбежавших из него троих человек с оружием.

– Ах, ты сучка! – взвизгнул он, скривил от злости лицо, подскочил к Лизе и ударил ей по голове пистолетом.

Та тут же со стула бесчувственно свалилась на пол, а он в одно мгновение глянув через окно и не увидев пожарной лестницы на стене, завернув брюки до колен, надел юбку Лизы, напялил другую её одежду и вышел из квартиры, после чего поднялся этажом выше. В это время Машетов и два опера подбежали к двери квартиры Лизы. Колун, закрывая лицо платком и взявшись рукой за щеку, создавая видимость зубной боли, прошёл мимо них, и когда они заскочили в квартиру, он пульей пустился вниз.

Машетов, забежав в квартиру, увидел Лизу, лежащую на полу с окровавленной головой, заглянул в ванную, а опера проверили остальные помещения квартиры. Не обнаружив Колуна, он подошёл снова к Лизе и пощупал пульс.

– Вызывайте «скорую». Она жива, – сказал он оперу. – А этот гад, смылся.

В это время на улице прозвучал пистолетный выстрел. Машетов и другой опер кинулись вниз. Выбежав из подъезда, они увидели простреленное лобовое стекло автомобиля и выходящего из салона водителя.

– Я ему говорю: «А ну-ка стой!», – а он по мне из пистолета. Хорошо, что промазал, – сказал он, растерянно глядя на Машетова.

– Он был в женской одежде? – спросил тот.

– В женской, в руках сумка... Ботинки сорок четвёртого размера и морда бандитская... мужская... Но у меня ведь оружия нет. Преследовать его бесполезно. Вон возле куста платок сбросил.

Машетов хлопнул себя руками по бёдрам и тихо выругался.

– Мимо нас прошёл, гад... Как он нас облапошил. Заводи... проедем в этом направлении, а вдруг повежёт, – сказал он, и все трое кинулись к автомобилю.

В это время на площадку двора заехала «скорая», и врачи устремились к подъезду. Принятые меры Машетовым не увенчались успехом. Прочёска близлежащей территории, улиц и проулков, соседних кварталов результатов не принесла. Колун как в воду канул, и Машетов вернулся в прокуратуру звонить Лапину. Лиза с тяжёлым сотрясением мозга оказалась на лечении в больнице, а Колун в это время зашёл в подъезд пятиэтажного дома и поднялся в чердачное помещение, где и укрылся.

XXXI. Убийство директора рынка

У прокурора прошёл крупный и далеко неприятный разбор на тему о не состоявшейся очередной поимке Колуна. Но всё-таки под конец оправдания Машетова были приняты, а официальный розыск и задержание неуловимого бандита было поручено Каневскому.

Факт нахождения Колуна в квартире Лизы и выстрел в водителя милицейского автомобиля подтверждали: сама потерпевшая, водитель и пуля, застрявшая в стойке боковой дверцы, исследованием которой установлено, что она выстрелена из пистолета, из которого был убит Ворон, как уже доложено на совещании, а поэтому всё это легло в основу розыскного дела Каневским, к этому времени сделано всё возможное для контроля путей передвижения Колуна, и уже казалось, что о его личности знают не только жители города, но и каждая дворняжка.

Колун же в это время умело уклонялся от ударов судьбы и милицейских глаз. После бегства из квартиры Лизы первые три ночи он провёл в чердачном помещении пятиэтажки, а потом, изменив внешность при помощи всё тех же приспособлений, вышел в город. При встрече с милиционерами он выдвигал внутри рта язык, выпячивая верхнюю губу наружу, что ещё сильнее изменяло его внешность. Такие уловки срабатывали в его пользу. Расхаживая по го-

роду, Колун приглядывался к женщинам, которым за тридцать пять, преследуя цель нового знакомства и возможного места пребывания. Подумывал он и о выезде из Москвы, но не мог определиться, куда именно.

На четвертый день после ухода от преследования решил всё-таки побывать на Казанском вокзале, ознакомиться на всякий случай с направлениями движения поездов и расписаниями в сторону Сибири, а когда вошёл на вокзал, где приторно пахло, как он выразился себе под нос, «бомжатиной», ему расхотелось ехать в сторону Сибири: «Лучше на юг. Там теплее... и зима не такая холодная и намного короче. Надо побывать на Курском и Киевском».

В это время из прибывшего из Казахстана поезда повалили с чемоданами, баулами и сумками пассажиры. Вдруг среди них он увидел двоих, шедших налегке с небольшими свёртками, и лицо его стало расплываться в улыбке.

– Хан! Дуда! – вскрикнул он и кинулся к ним.

Те опешили от неожиданности и от незнакомой личности, и с удивлением на лицах остановились.

– Вы ошиблись, – успел сказать Хан, но Колун, не скрывая радости, стал поочередно тискать их.

– Не ошибся, кореш, мои дорогие. А ну повнимательней посмотрите на меня... Ну-у! – он сделал шаг назад и растопырил руки. – Ну-у! Зона... 2-й отряд. Кум³¹ Сурин... хозяин³² Петухов... а моё погоняло Колун, – последние слова он сказал шёпотом и так же добавил: – Грим это... маскарад.

³¹ *Опер в ИТК – (лагерн. жаргон)*

³² *Начальник – (лагерн. жаргон)*

Те стали приглядываться, а потом кинулись к нему, стали обнимать, похлопывая по плечу.

– Ну, у тебя и маскировка, Колун! – сказал Дуда.

Тот приложил палец к своим губам и прошипел:

– Тсс... Это погоняло забудьте. Оно известно в ментовке. Пока зовите Ваней. Ну, а вы как? Откинулись³³ давно?

– Третий день, – ответил Хан.

– Куда сейчас? Домой или куда судьба укажет?

– Бездомные мы, Ваня. У нас с Ханом здесь заочницы³⁴. Две подруги. Адрес имеется. В Ховрино живут. Должны были встретить, но что-то не получилось. Раздумали, наверное, – ответил Дуда и спросил Колуна: – А ты давно здесь?

– Порядком. Был под Коренем, а сейчас сам по себе... Приходится скрываться... сами видите... Идём, посидим в кафешке... Я угощаю.

– Лёня?! Степан?! – слышался женский голос сбоку, и все повернулись.

Перед ними стояли две девицы лет по тридцать и загадочно улыбались. Хан шагнул им навстречу, расплылся в улыбке:

– Узнал. В жизни ты, Зоенька, красивее, чем на фотке. Ну, здравствуй! – и они стали обминаться.

Дуда несмело приблизился ко второй и протянул руку:

– Здравствуй, Галка. Вот и свиделись.

– Привет, Стёпа. Я рада встрече, – ответила та, краснея.

Хан повернулся к Колуну, указал на него рукой и произнёс:

³³ *Освободились из ИТК – (лагерн-жаргон)*

³⁴ *Женщины вступившие в переписку – (лагерн. жаргон)*

– Зоя, Галя... познакомьтесь. Наш самый дорогой кореш... Ваня.

Пошли в ход рукопожатия, лестные слова, а после Колун всех пригласил в кафе. Он даже обрадовался этой встрече и мысленно уже прикинул: «Сколочу свою группу и буду заправлять, как Корень. Два бойца уже есть. Дела пойдут. А у этих двух подружек может и третья. На первый случай будет, где остановиться. Всё-таки не в лесу и не на чердаке. Потеплеет, пойду по местам остановки и пребывания группы Кореня.

В кафе после третьей рюмки все повеселели, разговорились. Зоя и Галка оказались двоюродные сестры, проживают в отдельной двухкомнатной квартире и работают на рынке в районе «Речного вокзала». Все были удивлены щедрости Колуна, расплачивающегося за угощения, а в конце Зоя предложила всем поехать к ним на квартиру. От кафе они выехали на такси, по пути Колун купил в магазине водку, рыбных консервов, кабачковую икру и украинского сала. Это всё, что было на полках.

По приезду Зоя решила позаботиться об Иване, как теперь все называли Колуна, и пригласила свою подругу с рынка. Та не заставила себя долго ждать и спустя час явилась.

– Познакомьтесь. Это наша с Галкой лучшая подруга Настенька. Все мы вместе трудимся, – представила её Зоя, и мужчины поочередно назвали свои имена.

Настю посадили рядом с Иваном, и он принялся чувственно ухаживать за ней. Было видно, что она года на три старше Зои и Галки, но на лицо привлека-

тельнее своих подруг. Пьянка продолжалась. Мужчины поочередно и не стыдясь рассказывали смачные анекдоты, а женщины звонко хохотали. После её окончания Степан и Леонид остались в квартире Зои и Галки, а Колун ушёл с Настей. Перед уходом мужчины договорились о встрече утром.

Колуну понравилось всё, за исключением того, что почти весь вечер по телевидению то и дело показывали его фотокарточки, сообщая о розыске за тяжкие преступления. Настя же этому не придавала особого значения, так как сама ранее была дважды судима, первый раз за соучастие в грабеже, а второй как наводчица кражи из квартиры владельца кооператива, у которого она работала домработницей. Узнав об этом, Колун не стал ничего скрывать и до утра она о нём уже знала всё. Утром, когда Настя уходила на работу, Колун попросил:

– Мне помощь твоя нужна... Документы надо раздобыть и желательно, чтобы они хотя бы немного подходили к моему возрасту и внешности. Поможешь?

– Надо подумать. Так сразу пообещать не могу, но буду стараться. И как срочно?

– Вчера.

– Ну, понятно. Ладно. Вот ключи тебе. Остальное знаешь, где что лежит и где что стоит.

Когда она была уже у двери, Колун спросил:

– Твой хозяин богат?

– Во-первых, он не мой хозяин, а хозяин товаров, которыми я торгую и получаю гроши, а во-вторых, почему ты спрашиваешь?

– Сама должна догадаться... Поделиться ему надо.

– А знаешь не бедный. Пять контейнеров, из которых идёт бойкая торговля и три «челнока», которые

из-за «бугра» не вылазят... Привезли товар и сразу обратно. На днях слышала, как он с директором рынка обсуждал возможность установки ещё трёх контейнеров или выделения места для палаток, но видя безвыходность... решили кому-то пинка под зад дать и на их месте расположиться. Так что и хозяин товаров богат, а директор рынка... грузин... ещё богаче.

– О-о! Так тут работы для нас непочатый край. Ладненько, Настюха... Узнавай всё о них, где живут, где кушают, на чём ездят, есть ли охрана, если да, то какая и...

– Я что... первоклассница? – перебила та. – Наверное, я знаю, что тебя интересует. Учить меня вздумал.

– Да ты в пузырь не лезь... Не люблю я этого. Ладно... вали.

Ушла Настя озадаченная прямым намёком Колуна, а он остался и ожидал прихода Хана и Дуды. Те явились к одиннадцати часам с трясущимися руками.

– Что, отвыкли, и бодун трясёт? Ничего... втянетесь. В холодильнике пиво возьмите. Полегчает малость, – сказал Колун.

Оба кинулись к холодильнику и жадно осушили две бутылки, после чего Хан опустился на стул, издал громкую отрыжку и спросил:

– С чего начнём?

– Вообще-то думаю, будет правильно... если с добычи документов. У меня их нет... а у вас только справки об освобождении... Клиенты первого попавшегося мента, – ответил Колун.

Подумав, он обратил внимание Хана и Дуды на то, что в городе очень много бездомных бомжей, у которых есть документы с пропиской, а жилья лишились

из-за пьянства и действий братвы. Дуда предложил купить документы у бомжей, но Колун сразу же отверг, уверяя, что их владельцев в живых оставлять нельзя, потому как те уже давно на учёте в милиции, а если нет, то будучи доставленными назовут свои фамилии, что резко снизит безопасность группы Колуна. Решили действовать так, как предложил Колун. Дуда, пользуясь наступившей паузой в обсуждении, вдруг спросил:

– Мне бы на два-три дня домой смотаться. Пять лет маму не видел, а она... старенькая.

– Может сразу на пенсию оформляться будешь? – недовольно уколол Колун и потом добавил: – К маме ехать надо шикарно одетому и с баблом в кармане, а ты с чем поедешь? Со справкой хозяина? – и видя, что тот согласно закивал головой, вставил: – Вот то-то же. Есть мысль бомбануть директора рынка и ещё одного капиталиста, а потом можно и подумать... кто куда поедет.

Хан поддержал Колуна, а тот изложил свой план налёта на озвученных лиц, а в конце сказал:

– Вчера видели по телику мои портреты чаще, чем Ельцина показывали? И следак какое интервью давал? Сволочь. Надо его грохнуть. Но это чуть позже.

– Тачку нам бы... – вставил Хан.

– Тачка есть... Моя личная, – перебил его Колун, – но на ней ездить нельзя... под ментовским контролем. На каждое дело угонять будем, а потом... бутылку бензина в салон и спичку... И следов нет... Ну что... Прогуляемся по рынку?

На автобусе они приехали к рынку и пошли по рядам. Торговые палатки и контейнеры были забиты

разными импортными товарами. Видели и торгующих... Настю, Зою и Галку, но подходить не стали. Пройдя по рядам до конца рынка, они увидели сидящих на бетонном блоке четырёх бомжей. Колун пригляделся к ним, и показалось, что двое из них по внешности могут походить на него и Хана. Подойдя к ним и увидев, что те разлили бутылку дешевой водки в разовые стаканы и ломают хлеб для закуски, Колун сделал строгое лицо, после чего потребовал:

– А ну-ка прекратите. Не то доставлю к себе в участок. Все предъявили документы.

– Начальник, ну мы же тихонько, никому не мешаем, закончим и уйдём отсюда, – сказал пожилой и волосатый.

– Отставить! – повысил голос Колун. – Я сказал документы. Ну-у!

Трое подали паспорта, а пожилой заявив, что утерял, воспользовавшись тем, что подошедшие обратили внимание на других его собутыльников, залпом опрокинул в рот из стакана водку. Колун, посмотрев паспорта, прописку, был удовлетворён. Вернув один паспорт, два он положил себе во внутренний карман куртки.

– Вы оба в розыске. Следуйте за нами, – строго сказал он.

– Начальник, это недоразумение... – попытался возразить один из них, но Колун его сразу оборвал.

– Разберёмся. Если ошибка, сразу отпустим. Идём с нами, – а потом, глянув на Хана и Дуду, сказал: – Возьмите их... и в отдел.

Выйдя за пределы рынка и увидев поросший кустарник, занимающий площадь примерно в соток со-

рок, Колун подал знак Хану и Дуде. Те кивнули головами и повели бомжей в кустарник. Колун остановился, прислонившись к ограде рынка. Он слышал, как бомжи умоляли отпустить их, но потом послышался короткий крик и стало тихо. Из кустов возвратились Хан и Дуда.

– Какие же они вонючие, – сказал Хан, вытирая руки подобранным с земли клочком бумаги.

Губы Дуды искривились, как будто до сих пор его преследовал приторный запах, но ничего не сказал и посмотрел в лицо Колуна. Тот вынул два паспорта, ещё раз изучил их и протянул один Хану, торжественным голосом произнёс:

– Лёнь... теперь ты Аверкин Глеб Демьянович, а я... Изосимов Павел Софронович... Тебе же, Дуда, предстоит добыть. Присматриваемся к бомжам... а вдруг надыбаем сходство.

Тот сделал грустное лицо и молча кивнул головой. Колун после этого предложил навестить директора рынка, изобразив ищущих торговые места.

Подойдя к конторе, они увидели у входа двух дюжих парней в кожанках и спортивных шапках.

– Его быки, наверное? – тихо сказал Колун и направился к входной двери.

Перед ним сразу же выросли парни в кожанках.

– Куда и зачем? – спросил один из них.

– К директору... по поводу торговых мест, – сказал Колун, щупая в кармане спусковой крючок пистолета.

– Напрасный ход... Но зайди один, а остальные остаются здесь, – ответил тот же.

Директор сидел в кресле, разговаривая по телефону и увидев входящего, пальцем показал на стул. Колун

медленно опустил и остановил взгляд на директоре, а тот вытаращил глаза, разговаривая по телефону, почти криком изрёк:

– Слушай, майор... Я тебе за что такие бабки ежемесячно отстёгиваю? А?.. Так ты отработывай, дорогой... или мне замену найти?.. Ну вот поразмышляй на досуге, – положив трубку на рычаг, он окинул взглядом прищельца: – Слушаю, генацвали.

– Местечко для торговли интересует, – сказал Колун, бросая взгляд на стоявший в углу сейф.

– Всё забито. Ничего нет, дорогой. Все просят.

– А если на ваших условиях?

Директор задумался, покрутил чёрный как смоль ус, поковырялся в зубах спичкой, а потом спросил, с ходу перейдя на «ты»:

– Чем торговать будешь?

– Пром- и радиотовары, – ответил не задумываясь Колун и вопросительно поднял глаза на директора.

А тот из стакана взял карандаш, постучал им по столу, а затем на клочке бумаги написал: «3000 баксов» и, глянув на Колуна, добавил:

– За место. А в месяц полторы.

– А мне что останется? С гулькин...

– Как хотите... – перебил его директор. – Я не один, вы должны это знать... префектура, районная администрация, менты, пожарники, налоговая и другие... Получается я с сошкой, а все остальные с ложкой. Я иду вам навстречу, а решать вам.

– Ну, хоть малая скидка месячной платы возможна? – спросил Колун и жалобно скривил лицо.

– Подумаем.

– Когда принести разовую?

– Завтра... А я до этого подберу местечко... если получится.

– Тогда ближе к концу рабочего дня.

– Хорошо, дорогой.

Колун вышел и направился к выходу из рынка, а за ним последовали Хан и Дуда, но метров за пятьдесят остановился, подумал и вернулся назад, не говоря им ничего. Те послушно шли за ним. Обойдя контору, взглянув в разные закоулки, глянув на дыры в заборе, через которые можно беспрепятственно выйти и вернуться обратно, он покинул рынок. За его пределами, сделав важный вид, сказал:

– Завтра работаем. Ты, Хан, станешь за забором возле первой дыры, которую только что смотрели. Когда я выйду с баблом... ты его примешь и быстро уходишь к дому Насти. Для тебя, Дуда... другое задание... Надо быть на рынке раньше, найти бомжей, показать им бутылку водки и хорошую купюру... Пусть они сядут перед входом в контору и играют в карты. Эти два директорских быка займутся ими, а я тем временем незаметно проскользну... Пусть они сопротивляются, не уходят, чтобы отвлечь охрану. Спустя минут десять вновь вернуться, устроят между собой небольшую потасовку... Быки вновь ими займутся, а я тем временем выскользну из конторы. Дуда, ты должен всё это видеть. Если понадобится, в обстановку должен вмешаться, как бы помогая охране... Увидев, что я ушёл, рассчитываешься с бомжами и уходишь туда же... к Хану. Там ожидаете меня. Всё понятно?

– Ничего сложного для нас. У тебя, Колун, сложнее, – сказал Хан. – А вдруг там появятся менты? Что тогда?

– В этом случае... Дуда со слезами на глазах идёт к ним, сообщив, что его только что ограбили... отняли кошелёк с деньгами, что грабители сейчас стоят возле выхода из рынка. Но будем надеяться, что наше совместное дело пройдёт как по маслу. Теперь о разделе добытого. Я получаю пятьдесят процентов, а вы остальное пополам. Согласны?

– Согласны, – ответили оба.

– Тогда до завтра. Оба к шестнадцати часам подгребайте ко мне и с Божьей помощью пойдём, хотя таким как мы Бог не помогает. Мы должны надеяться на себя и на её величество удачу, – сказал Колун, уходя.

Тем временем Каневский шёл по его следам. Они терялись и вновь появлялись, а с наступлением весны вообще исчезли, и он стал подумывать, а не уехал ли он из Москвы, и на всякий случай ориентировал южные правоохранительные органы, зная, что в северные районы страны вряд ли поедет. Разыскивая Колуна, Каневский, досконально изучив не только полноту его личности, но и повадки, характер, понял, что тот, несмотря на своё олицетворение человеческой лжеморали, обладал безупречным мастерством совершения преступлений и ускользания от поимки. Он знал и то, что не только Каневский неустанно изучает почерк его преступных стараний, но и Колун анализирует ошибки следствия и милицейских сыщиков.

Приходя с работы поздно, Борис стал замечать, что это уже надоедает Даше, но она старается терпеть. Не выдержав её молчаливого протеста, он спросил:

– Дашенька, скажи откровенно... тебе не нравится то, что я поздно прихожу с работы?

Она от этого вопроса вздрогнула, бросила на него утомлённый ожиданием взгляд и ответила:

– Ты знаешь, Боренька... я в восторге... Шучу. Но когда я закончу учёбу, то ни за какие деньги в следствие не пойду. Только на надзор. Если и я буду следователем, то мы тогда вообще не будем видеться... По телефону общаться будем, – а потом помолчав, глядя на мужа, подумала и уже мило и спокойно продолжила: – Нет, Боря, прости... я без претензий. Понимаю характер твоей работы. Одного лишь хочу, звони мне почаще... и я буду знать, что ты жив, здоров и у тебя всё в порядке. Но ты сегодня пришёл домой в восемнадцать тридцать... Не верю своим глазам. Это награда мне?... Божия милость?

– Руководство моё позаботилось. В приказном порядке домой всех нас погнажи, – ответил Борис, в этот момент раздался телефонный звонок.

Звонил Лапин. Он сообщил, что застрелен директор рынка в соседнем районе и объявлен перехват. От Каневского требовалось проконтролировать заключение баллистической экспертизы и сличить по своему делу с тем, чтобы узнать, не один и тот же использован при убийстве пистолет. Лапин к этому времени уже был назначен заместителем межрайонного прокурора курирующего следствие прокуратуры. Борис заявил, что прямо с утра следующего дня свяжется со следователем того района и даже перешлёт ему фотографии Колуна.

В это время тот сидел в квартире Насти и совместно с Ханом и Дудой распивали водку и радостно потирали руки. Всё прошло так, как он и планировал. Каждый из соучастников выполнил свои роли добросо-

вестно, что позволило Колуну незаметно проникнуть в кабинет директора, заставить открыть сейф и застрелить его, после чего забрать ворох денег и также незаметно покинуть контору. Передав пакет с деньгами Хану, он прошёлся по рядам торговцев и, когда увидел суету возле конторы, куда стали сбегаться и сами торгующие, подошёл и охраннику сказал, что видел двоих бежавших от конторы, севших в красного цвета «жигули», что на большой скорости уехали. После этого Колун растворился в толпе, а когда прибыла оперативно-следственная группа, то охранник добросовестно и сообщил ложные и отвлекающие сведения о двоих бежавших и красных «жигулях», что и легло в основу перехвата и розыска. При осмотре близлежащей территории были обнаружены и трупы задушенных двух бомжей.

Колун в присутствии соучастников посчитал добытые деньги. Их оказалось 130 тысяч долларов и четыре миллиона рублей. Их он разделил так, как договаривались.

– Завтра и послезавтра отдыхаем. За эти дни я разработаю план... при помощи Насти, конечно... и наведемся к хозяину шмоток, которыми она торгует... Говорит... очень уж он денежный. Согласны?

– Однозначно, – выкрикнули воодушевлённые наваром Хан и Дуда, а Хан ещё и добавил: – Колун, ты наш шеф. С тобой хоть государственный банк готовы...

Эти слова Колуну пришлись по душе, после этого он стал подумывать о возможности коронования. Но, оставшись наедине, стал размышлять над возникшим желанием, вспоминать то, что происходило на сходках, и сам себе заявил:

– Уж нет. В этот колхоз я не пойду. Сколочу большую группу бойцов, натренирую их, обучу и буду грабить всех подряд... и воров в законе, в том числе.

Когда же с работы пришла Настя и рассказала о том, что происходило на рынке, он долго молчал, а потом достал три тысячи долларов и кинул ей на стол.

– Это тебе, Настюха... За наводку.

Та обрадовано сгребла деньги и спрятала среди белья в шифоньере. Колун, глядя на неё, сразу же вспомнил Риту и её деньги, которые нашёл среди белья.

Рано утром, когда Настя ещё спала, он взял трёхлитровую банку с крышкой и ушёл в лесопосадку в районе Ховрино. Там он в банку положил доллары и спрятал под сосёнкой, прикопав землёй. Он ещё не знал тогда, что судьба в самом скором времени уготовила ему и одному из его соучастников сюрприз, который лишит кого-то здоровья, а кого-то и жизни.

XXXII. Ранение следователей

Каневский, освободившись после допроса свидетеля, стал звонить следователю прокуратуры Сомову, расследовавшему уголовное дело по факту убийства директора рынка и двух бомжей. Но его телефон не отвечал. Тогда он позвонил в приёмную, и девушка приятным голосом ответила, что Сомов находится в 28-м РОВД. Каневский, полистав служебный справочник телефонов, позвонил начальнику этого РОВД и, представившись, попросил:

– Рустам Заграмович, не смогли бы вы передать Сомову, чтобы дождался моего приезда. Я уже выезжаю.

– Без проблем. Сейчас же это сделаю. Он в кабинете моего зама работает, – ответил майор Визиров.

Схватив папку, Борис поспешно вышел из помещения прокуратуры, остановил такси и выехал в направлении Ленинградского шоссе. Спустя двадцать минут, с учётом загруженности уличного движения, он подъехал к РОВД. Сомов в это время стоял возле автомобиля «Жигули», ожидая Каневского. Они легко узнали друг друга, так как часто встречались на городских семинарах и совещаниях. Борис рассказал обстоятельства по расследуемому делу и передал Сомову фотооттиски Колуна, а тот пообещал проинформировать о результатах баллистической экспертизы. В конце разговора Сомов спросил:

– А ты куда сейчас?

– К себе... в прокуратуру. Я хотел тебе все эти бумаги почтой послать, а потом решил сам отвезти. Так быстрее, – ответил Каневский.

– Я на Часовую... могу захватить, если попутно. О-о! Постой. Поехали со мной. Мне сейчас позвонил один из владельцев торговых точек на рынке, где произошло убийство директора и обнаружены задушенные бомжи, и сообщил, что видел убегающего из конторы человека... Так вот мы ему как раз и покажем привезённые тобой фотооттиски этого Колуна. А потом я тебя подброшу к твоей родной прокуратуре. Идёт, Борь?

– Поехали.

В пути они обменивались информацией о тактике и методике расследования дел об убийствах граждан и вскоре подъехали к девятиэтажному дому на Часовой. Дверь открыл сам владелец торговых точек Елизаров и предложил разместиться в зале четырехкомнатной квартиры, богато обставленной мебелью.

– Кофе, виски, коньяк? – спросил хозяин квартиры.
– Чай, боржоми?

– От чашечки чая не откажусь, – ответил Сомов.

– И я тоже, – поддержал его Каневский.

– Аллочка! Солнышко! Чаёк нам приготовь, – крикнул он жене, хлопотавшей на кухне.

Пока Елизаров рассказывал, как он к концу рабочего дня рынка подошёл к своему контейнеру, размещённому почти рядом с конторой и увидел драку бомжей, которых разнимали два охранника. В этот момент из конторы вышел мужчина с пакетом в руке и быстро пошёл в сторону ограды. Охранники разняли

дерущихся, и один из них зашёл в контору, но тут же выбежал, сообщив об убийстве.

– Вы лицо вышедшего с пакетом видели? Можете опознать? – спросил Сомов Елизарова.

– Боюсь, что нет, – ответил тот. – Произошло всё быстро. Я был сосредоточен на драке, а того видел мельком... Утеплённая куртка тёмного цвета, спортивная шапка, усы, рост средний.

Сомов достал фотооттиски Колуна и положил перед ним. В это время супруга Елизарова на подносе принесла три кружки чая, конфеты, бутерброды с маслом и рыжей икрой, всё это водрузив на стол.

– Посмотрите повнимательней. Вдруг какие-либо черты покажутся вам более подходящие к тому человеку, – предложил Каневский.

Елизаров пододвинул все листы поближе к себе, пристально посмотрел и ответил:

– Похож, но твёрдо сказать не могу. Да и мне показалось, что он, выйдя из конторы, как-то торопился... убежал, поэтому привлёк моё внимание.

Рассказывая следователям, Елизаров не знал, что не только директор рынка, но и он сам уже приговорён Колуном, что до исполнения преступного приговора остаются считанные минуты.

Сомов стал заполнять протокол допроса, редко обращаясь к чашке чая, а Каневский, следя за ответами, отпивал глоток за глотком. В это время раздался звонок в дверь.

– Аллочка! Открой. Наверное, Костик подал автомобиль, – распорядился Елизаров.

Каневский отставил в сторону пустую чашку, откинулся на спинку стула, но в этот момент почувствовал,

что ему так сидеть мешает кобура-босоножка с пистолетом, и он её передвинул чуть вперёд. Из коридора послышались щелчок замка, скрип двери и мужской голос:

– Старший оперуполномоченный ОБХСС капитан Гущин. Мне Елизарова.

– Вы немного подождите... там на лестничной площадке. Он освободится и тогда зайдёте, – ответила Алла.

После её ответа послышалась настораживающая возня, короткий звук крика, и в комнату вошли двое мужчин с пистолетами в руках. Они не ожидали увидеть троих мужчин, сидевших за столом, в лицах входящих промелькнуло замешательство. Каневский, присмотревшись, промолвил:

– Колун?!

Его рука автоматически потянулась к кобуре, и он уже почувствовал холод частей пистолета, как прогремел выстрел. Пуля, выпущенная Колуном, прошила одежду Каневского, обожгла грудную клетку и с треском вошла через закрытую дверцу в комод. Следом прозвучали ещё два выстрела подряд. Борис, падая со стула, достал пистолет и два раза бесприцельно нажал на спусковой крючок, а когда поднял голову и посмотрел в сторону бандитов, то увидел обоих лежащих возле входа в зал. В это время он почувствовал, как тёплая кровь из груди льётся под рубашку. Повернул голову в сторону Сомова и Елизарова, крикнул:

– Вася!

Превозмогая боль, Борис кинулся к Сомову, склонившемуся над столом. Теряя сознание, он тихо промолвил:

– Боря... не думал, что здесь моя смерть, – и его голова опустилась на протокол допроса.

Елизаров сидел напротив Сомова. Голова его лежала на поверхности стола, руки свисали к полу, куда стекал ручеёк крови. Каневский повернул голову в сторону входной двери и понял, что Колун, как всегда, исчез, а на полу с пистолетом в руке лежал его соучастник. Вызвав «скорую» и позвонив на «02», он сообщил о случившемся, а после этого перешагнул через труп бандита и, оказавшись в прихожей, увидел лежавшую с окровавленной головой Аллу. Приложив пальцы к её шее, он нащупал пульс и помог ей прийти в себя. Она, приподнявшись, села, прислонилась к стене.

Каневский увидел на полу пистолет «Макарова» и от этого места большие мазки крови до самой входной двери в квартиру... «Ранен, сволочь сбежавшая», – решил он и вернулся в зал.

Алла, всё так же сидя на полу, тихо плакала. Борис подошёл к Елизарову, пощупал пульс на шее, но он не подавал признаков жизни. Потом подошёл к Сомову, так же пощупал пульс. Тот был жив. Подняв его с пола и посадив, сам тоже присел на стул, прижав рукой свою окровавленную рубашку к ране... ощутил тошноту, огоньки и «мурашки» в глазах. В этот момент прибыли работники «скорой помощи» и растерянно стояли и смотрела на находившихся в квартире, не зная, с чего начать.

– Ему в первую очередь и женщине тоже, – сказал Каневский, указывая пальцем на Сомова, а потом в сторону прихожей.

Врачи, быстро осмотрев Сомова, сделали ему укол, наложили бинт и стали выносить к автомобилю, как

в этот момент в квартиру вошли сотрудники оперативно-следственной группы.

– Что здесь произошло? – спросил представившийся заместителем местного прокурора.

Каневский уже заплетающимся языком пояснил... он говорил, а врачи оказывали ему помощь, потом унесли в карету «скорой помощи», где уже находился Сомов и Алла. В пути она постоянно плакала... В приённом покое спросила у Каневского:

– Артур живой?

Тот хотел было сказать правду, но потом всё же передумал и ответил:

– Не знаю. Врачи вам сообщат.

После осмотра врачей, обработки раны, укола и капельницы хирург сказал Борису:

– В рубашке родились. Пуля прошла по всей передней поверхности грудной клетки, содрал верхний слой кожи. Длина раны семнадцать сантиметров. Богом отмечены... молодой человек. Будем зашивать.

В это время медсестра к койке подкатила каталку. Борис посмотрел на неё и слабым голосом произнёс:

– А может так заживёт?

– Нет. Если говорить простым языком, то это выглядит так... Вместе с кожей повреждены ткани мышцы... при том местами глубоко. Зашить это не больно, да вы после укола спать будете.

– А почему меня подташнивает и ощущаю головокружение?

– От потери крови. Всё скоро восстановится... и через пару дней домой пойдёте.

– А как Сомов?

– Идёт операция. Результат покажет.

– А женщина?

– У неё тяжёлая травма головы. В общем они оба останутся у нас... Так Всё... Перебирайтесь на каталку. Или вам помочь?

– Спасибо, я сам.

Получив сообщение о муже, Даша со слезами на глазах приехала в больницу, тут же появился Лапин. Увидев её, он начал успокаивать:

– По телефону доктора сообщили, что ничего опасного нет. Пуля прошла, содрав кожу и повредив мышцу груди. Удивляюсь... Борис действительно находится под опекой Бога. Мне отец рассказывал, что на войне встречал таких. Рядом разорвался снаряд, много погибших, а у того ни царапины... В атаке целехонький, в окопе ходит не пригибаясь, а если ранит, то легко, так что он даже поле боя не покидает. Вот так и твой Борис. Дашенька, знаешь, хочу тебе сказать... ты им должна гордиться, поражает его аналитический ум, находчивость и многое другое, что способствует раскрытию преступлений, твой муж – настоящий мастер прокурорского сыска. И он, и я рискуем собой при расследовании и поимке преступных сволочей нашего общества, что не дают спокойно жить мирным гражданам... но по-другому мы не сможем.

– Спасибо за добрые слова... Я горжусь своим Борисом... но и переживаю сильно, боюсь его потерять. А он там не один был? – спросила Даша, вытирая платком слёзы и садясь на скамейку.

– Нет, конечно. Следователь тяжело ранен. Хозяин квартиры убит, его жена тяжёлую травму получила. Один из бандитов убит. Борис застрелил его, а второго

ранил. Тот, уходя, весь лестничный марш кровью залил... да и на улице ещё... а потом третий, поджидавший их на автомобиле, увёз его. Мы ориентировали все медучреждения. Так вот тот раненый оказался старым «знакомым» Бориса... Его похититель... Колун.

– Вот оно как!

– Дашенька, Борису, как говорится, Бог помог и в другом. Колун сделал два выстрела, а третий не смог... Пистолет дал осечку, а перезарядить бандит не успел... был ранен. Неизвестно, что было бы, если бы не осечка.

В это время двухстворчатая дверь распахнулась, и из операционной вывезли Бориса с забинтованной грудью. Даша вскочила и ринулась к нему, но врач остановил:

– Он спит. Это продлится недолго. Хотите, подождите его пробуждение, а нет, так приходите завтра.

– Я подожду, – ответила Даша, глядя вслед удаляющейся каталки.

– Мы подождём... – поправил её Лапин и пошёл следом за каталкой.

Увидев, в какую палату завезли Бориса, он подошёл к молоденькой медсестре, сунул ей в карман халата деньги, и её, покрасневшую и не успевшую возмутиться, попросил:

– Сестричка, голубушка, как он проснётся, скажите нам. Мы вон на той скамейке сидеть будем, – и быстро ушёл.

Прошло чуть больше часа. Всё это время Лапин утешал Дашу, разрисовывая словесно доблестные действия Бориса, которые реально имели место в его служебной деятельности... да и которых вообще не было,

а были умышленно придуманы им для её успокоения. И тут появилась медсестра. Подойдя к Лапину, она сунула ему в карман деньги и с серьёзным видом произнесла:

– Проснулся. Можете зайти, а такого больше не делайте.

– Смотрите-ка. А такое бывает редко, – сказал тот, глядя вслед удалившейся медсестре. – Идём, Даша.

Войдя в палату, Даша сразу же заплакала и, опустившись на колени перед койкой, на которой лежал Борис, стала целовать его руку.

– Ты чего, Дашенька? Успокойся. Я в порядке. Это всего лишь царапина. Не надо, родненькая.

Подошедший Лапин поздоровался, хотя утром они виделись, с улыбкой на лице спросил:

– Как ты?

– В норме, Сергей Валерьевич, – ответил Борис и сразу дополнил: – Вторым был Колун. Я его сразу узнал... Несмотря на грим... И теперь в любом гриме я его определю.

– Если выживет. Ты его серьёзно ранил. Обилие крови свидетельствует об этом. Ладненько... Я рад, что ты жив. Поправляйся. Надеюсь, через пару дней встретимся на работе. Не буду вам мешать. До встречи. Пока, Даша.

Оставшись наедине с Борисом, Даша, отдавшись нахлынувшим чувствам, всё излила, что хранилось в её любящем сердце:

– Я люблю тебя больше всего на свете, больше своей жизни... Ты это я. Я твоя тень, присутствующая с тобой везде, охраняющая тебя, – она повторила это дважды, выражение её милого застенчивого лица про-

должало говорить об этом. Глаза её доверчивые и добродушные были солидарны.

Борис в этот миг был готов ещё несколько раз быть раненым, чтобы только слышать такие слова от любимого человека. Он гладил её волосы и безустали целовал глаза, щёки и пухленькие губы любимой.

До позднего вечера Даша находилась возле Бориса. Хотела остаться ещё, но медработники не позволили, и она, переполненная чувствами и его ласковыми словами, ушла.

Через два дня Борис был уже дома. Несмотря на то, что у него на руках больничный лист, он сразу же вышел на работу, а узнав, что Сомов пришёл в себя, навестил его.

В процессе работы несколько раз поднимались непроверенные разговоры среди работников милиции о том, что агентура доносила о смерти Колуна, но Борис не верил этому и ещё энергичнее продолжал разыскивать его.

А спустя год Даша подарила ему первенца – сына, которого назвали Дмитрием. Учитывая прилежность Каневского к работе, положительные показатели, руководство прокуратуры района и города ходатайствовало о выделении его семье двухкомнатной квартиры в строящемся Митино и присвоении классного чина юриста 3-го класса.

Но Московское небо всё хмурилось, и по улицам города продолжали гулять преступные ветры.

Москва, С.-Петербург, Прага

Содержание

I. Чёрная полоса	3
II. Счастливая шпаргалка	15
III. Любовь с первого взгляда	26
IV. Поцелуй будущего зятя	33
V. Козни сестры.	45
VI. Заговор подруг	56
VII. Признание в любви	66
VIII. Похищение Бориса	73
IX. Проверку ведёт Лапин	93
X. Паника	109
XI. В банде Кореня	116
XII. Нападение на пост ГАИ	129
XIII. Казнь «крота»	139
XIV. Предложение на должность следователя	151
XV. Воровская сходка	164
XVI. В плену у Колуна	182
XVII. Банда Кореня действует.	195

XVIII. Откровения Белого	215
XIX. Бегство из плена	223
XX. Расправа Кореня.	236
XXI. Задержание банды Кореня	243
XXII. Поручение прокурора	261
XXIII. Убийство Валентины	267
XXIV. В отчем доме Бориса	278
XXV. Смерть Кореня	284
XXVI. Штурм Белого дома	293
XXVII. Нападение на кафе	305
XXVIII. Раскрытие убийств в кафе	318
XXIX. Интервью Лапина	328
XXX. По пятам Колуна	333
XXXI. Убийство директора рынка	341
XXXII. Ранение следователей	356

Александр Дмитриевич Шепель

МАСТЕР ПРОКУРОРСКОГО СЫСКА

Роман

Книга первая

Редактор-корректор: Л.А. Крамаренко
Компьютерный набор: Л.Г. Харитонова

Подписано в печать 18.11.2015

Формат 84x108/32

Бумага офсетная

Тираж _____ экз. Заказ № _____

Отпечатано в типографии ООО «Литера М»,
390035, г. Рязань, ул. Гоголя, д.16, оф. 204